

Вардан Арутюнян

**ИНАКОМЫСЛИЕ
В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ**

Ереван
Гаспринт
2019

УДК 93/94

ББК 63.3

А 868

Арутюнян В.

А868 Инакомыслие в Советской Армении/В. Арутюнян - Ер.:
Гаспринт, 2019, 364с.

В книге представлена история инакомыслия в Советской Армении. Рассказывается о политических заключенных Советской Армении постсталинского периода. О людях, которые были осуждены 1953 - 1988 гг. из-за своих политических убеждений или из-за своих взглядов, отличающихся от принятой в Советском Союзе официальной идеологии. Книга будет интересна как для широкого круга читателей, так и для исследователей истории инакомыслия в Советском Союзе.

УДК 93/94

ББК 63.3

А 868

ISBN 978-9939-869-36-0

© Гаспринт, 2019

**ИНАКОМЫСЛИЕ
В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие для русского перевода.....	7
Предыстория	11
Необходимые акценты	17
История инакомыслия в СССР.....	20
Список политзаключенных нуждается в пополнении.....	25
О диссидентской литературе	37
Общая схема политического насилия в СССР.....	41
Условия содержания осужденных	45
Осужденные в 1953 - 1958 годах.....	49
«Дело семерых»:	
Хачатур Амирджанян, Хачик Сафарян, Виген Бабаян, Григор Егиян, Эдуард Какосян, Карапет Кирамиджян и Меружан Оганнисян	53
Трехлетняя пауза.....	71
Завен Арутюнян	74
Движение за воссоединение Армении.....	78
Левон-Ара Мнацаканян.....	82
Союз армянских патриотов:	
Акобджан Тадевосян, Рубен Овсепян, Эдик Алексанян, Рубик Варданян, Рафик Карагулян, Мисак Хачатрян, Андраник Мхитарян, Ваган Егиазарян	84
Национальная объединенная партия (НОП): Айказ Хачатрян, Степан Затикян, Шаген Арутюнян	96
Группа и журнал «Во имя Родины»:	
Овик Василян, Асатур Бабаян, Геворк Экимян, Агаси Антонян, Саргис Торосян, Ширак Гюнашян, Левон Арушанян, Айк Искандарян	126

Второй судебный процесс по делу НОП:	
Паруйр Айрикян, Акоб Ашикян, Ашот Навасардян, Рафаэль Барсегов, Ашот Хачатрян	144
Союз воссоединения Армении:	
Вальтер Меликян, Юрик Будагян, Сероб Саргсян, Сурен Меликян.....	161
Баграт Шахвердян и Арарат Товмасын	178
Национальная объединенная партия – 1974	189
Анаит Карапетян, Фирдус Мурадян, Гарегин Давтян	191
Каджик Саакян	198
Норик Мартиросян, Самвел Мартиросян, Левон Бадалян.....	202
Жертва КГБ – Рубен Хачатрян.....	207
Ашот Навасардян	216
Гагик Аракелян, Костан Карапетян.....	217
Азат Аршакян, Размик Зограбян, Размик Маркосян	224
Паруйр Айрикян	239
Андраник Маргарян	242
Период кажущегося спокойствия	251
Шаген Арутюнян. Ложное обвинение	252
Очередное сфабрикованное обвинение:	
Айказ Хачатрян	261
Роберт Назарян: От «Клуба армянской культуры» до Хельсинкской группы	263
«Дело метро»:	
Степан Затикян, Акоп Степанян, Завен Багдасарян.	266
Эдуард Арутюнян - Хельсинкская группа Армении	278

Арсен Казарян	281
Александр Манучарян, Ашот Апилян, Смбат Мелконян	285
Союз армянской молодежи: Марзпет Арутюнян, Ишхан Мкртчян, Вардан Арутюнян, Самвел Егиазарян, Оганнес Агабабян	295
«Парос - 4»: Ашот Навасардян, Азат Аршакян.....	321
Ширак Гюнашян: Сфабрикованное дело	323
Хельсинкская группа Армении: Эдуард Арутюнян, Рафаэль Оганян, Сирвард Авагян	325
Эдмонд Аветян	331
Георгий Хомизури, Рафаэль Папаян	335
Студенческий кружок. Раффи Мелконян	343
Кришнаиты	344
Список литературы	355
Примечания	356

Предисловие для русского перевода

30 октября 2014 года – в День политзаключенного, вышла в свет моя книга «Инакомыслие в Советской Армении» на армянском языке. Это совпадение было случайным, но символичным. Все это время много говорилось о том, что книга должна быть переведена на русский язык. Живущим за пределами Армении, особенно тем, кто некогда жил в стране под названием Советский Союз, безусловно, будет интересно ознакомиться с историей инакомыслия в Советской Армении. Книга будет интересна и для исследователей истории инакомыслия. В книге представлен пост-сталинский период - с 1953 по 1988 год. Сталинская эпоха - это отдельное явление и совершенно другая история, которая в рамки данной книги не входит.

По большому счету, эта книга не об инакомыслии в Армении, а о политических заключенных упомянутого периода, о людях, которые были осуждены из-за своих политических убеждений или из-за своих взглядов, отличающихся от принятой в Советском Союзе официальной идеологии. В этом смысле, вероятно, название книги выглядит не столь удачным. Несомненно, в Советской Армении (как и во всем Советском Союзе) инакомыслящих, то есть людей, придерживающихся иных взглядов, несогласных с государственной пропагандой, не признающих коммунистические тезисы и догмы, было намного больше, чем осужденных по соответствующим обвинениям. Мало кто имел мужество и смелость не только думать, но и озвучивать свои мысли, записывать и распространять свои суждения, пытаться делиться ими с другими людьми, выражать недовольство, озабоченность, восстать против порочной советской действительности. Именно те немногие, кто имел подобное мужество, и оказывались в положении политических за-

ключенных. Остальные сотни тысяч несогласных выражали свое недовольство исключительно в узком семейном кругу или в кругу самых близких друзей и тем самым не подвергались риску осуждения, либо этот риск был относительно небольшим. В 1970-1980-х годах в Советском Союзе существовал даже соответствующий термин – «кухонные диссиденты», то есть люди, которые в своем узком кругу, на собственной кухне, в своем доме могли выражать мнение, отличное от официально принятого, но были крайне осторожными и молчаливыми за пределами своей условной «кухни» - узкого круга друзей. Словом, в СССР было много несогласных, много думающих иначе, но политзаключенных было много меньше. Принимая во внимание это обстоятельство, при подготовке русского издания возникла даже мысль об изменении названия книги. Я намеревался озаглавить ее «Политические заключенные Советской Армении», чтобы название в большей степени соответствовало содержанию, но в последний момент отказался от этой идеи. Как сказано у Иоанна, «Еже писах, писах». Книга уже написана, издана, весь тираж давно разошелся и известна именно под этим заголовком. Я решил оставить название прежним, будучи убежденным в том, что читатель с легкостью поймет, что в книге речь идет о людях, которые в тяжелые советские годы продемонстрировали свою политическую и гражданскую позицию, за что и получили почетное звание «политический заключенный».

Армянская версия книги, помимо биографий, фотографий и описаний деятельности людей, в результате которой они были осуждены, также содержит вынесенные по их делам приговоры. В русском издании приговоры эти отсутствуют, но читатель заметит, что часто цитируются выдержки из приговоров, которые в русской версии отсутствуют по нескольким причинам. Первая - заключается в том, что они являются неполными. Нам так и не удалось заполучить полные приговоры от Службы на-

ациональной безопасности Армении, где они в основном и хранятся. Перед тем как передать их нам, эта организация, ссылаясь на Закон об архивах и Закон об информации, удалила (немыслимо!) имена и фамилии людей, упомянутых в приговорах. Во-вторых, у меня под рукой были далеко не все приговоры, поскольку СНБ предоставила мне только те, для получения которых, мне удалось предъявить письменное согласие лиц, в отношении которых они были вынесены, или согласие их наследников, если человек умер. Третья причина заключается в том, что приговоры очень часто не отображают реальную картину дел, за которые людей осуждали. Поэтому вместо них, я попытался представить каждое дело в наиболее полной и всеобъемлющей форме. Не менее важным является и то обстоятельство, что эти приговоры едва ли представляли бы особый интерес и лишь перегружали бы книгу, не говоря уже о том, что перевод этих приговоров был бы чрезвычайно трудоемким и неоправданным делом.

Для российского читателя, несомненно, станет открытием специфика диссидентской борьбы в национальной республике. Она существенно отличается от диссидентских движений советских времен в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. И это естественно. Во всех республиках Советского Союза, включая Армянскую ССР, было точно такое же давление и то же насилие, действовали точно такие же ограничения, как и в России, но в национальных республиках все это усугублялось еще одним важным и специфичным фактором - опасностью потери национальной идентичности. Это обстоятельство не могло не отразиться на движениях в национальных республиках. Во многих случаях именно это обстоятельство становилось главной предпосылкой для принятия участия в диссидентской борьбе. Во всяком случае, так было в Армении. Не думаю, что в других советских республиках картина сильно отличалась. Диссидентство в советское вре-

мя для россиян – это, в первую очередь, правозащитная деятельность, самиздат, религиозные убеждения, а в Армении на первом месте – национальное право. Армянское диссидентство несло в себе серьезный компонент национально-освободительной борьбы, к которому затем добавилось диссидентство в его классическом понимании. Внимательный читатель не может упустить из виду, что большинство людей, фигурирующих в книге, особенно те из них, кто появился на арене в 1960-х годах и позже, были во многом вдохновлены идеями сохранения национальной идентичности, обретения государственной независимости и самоопределения. Противостоять советской действительности их заставляла угроза потери национальной идентичности и осознание необходимости обретения независимости.

Я рад, что книга отныне доступна и для русскоязычного читателя. Надеюсь, что читать ее будет интересно.

Предыстория

Я давно хотел издать подобную книгу, но предпринимать конкретные шаги в этом направлении начал осенью 2011 года. В качестве первого шага обратился в Службу национальной безопасности (СНБ) Армении с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с приговорами, вынесенными в советское время политическим осужденным. Через несколько дней после того как я подал заявление, меня пригласили в СНБ, чтобы обсудить, как эффективнее мне помочь. Во-первых, нужно было уточнить списки зеков, а это, судя по нашей беседе, должен был сделать именно я. Затем архивному отделу СНБ понадобилось время, для того чтобы справиться с задачей на должном уровне. Со своей стороны, я обязался отобрать и упорядочить всю имеющуюся у меня информацию, а они обещали в течение двадцати дней предоставить мне все необходимые вердикты, которые хранились у них в архиве. Через несколько дней я получил письмо из СНБ, в котором сообщалось, что, согласно закону об архивах и информации, в удовлетворении просьбы мне отказано. И, что поразительно, отказ был подписан тем же чиновником, который поначалу демонстрировал искреннее участие, обсуждая со мной детали процесса подачи заявления. На следующий день, на мой вопрос о причине столь странных метаморфоз, он ответил, что в этом письменном отказе ему принадлежит лишь подпись, а авторами текста являются совершенно другие люди, да и вообще отказ этот был составлен не в его кабинете. Тогда я подумал, что если каждый из бывших осужденных обратится с соответствующей просьбой - о предоставлении приговора по собственному делу, то для отказа не будет уже никаких, даже формальных, причин, ну а если бывшего осужденного уже нет в живых, то вместо него с подобной просьбой может обратиться его прямой наследник.

Было бы нелогично отказывать заявителю, который желает ознакомиться с собственным приговором или с приговором, который был вынесен по делу его близкого родственника. Я потратил колоссальное количество времени на то, чтобы собрать заявления. Некоторых бывших узников уже не было в живых, некоторые - давно покинули Армению, а связаться с иными и вовсе не представлялось возможным. Получить согласие по поводу предоставления некоторых приговоров мне так и не удалось. Как бы то ни было, я собрал целую кипу письменных соглашений, в которых бывшие политзеки либо их правопреемники, сообщали председателю СНБ, что о моей инициативе им известно и они не против, чтобы приговоры по их уголовным делам были предоставлены именно мне. В декабре 2012 года я отправил эту кипу заявлений в СНБ. Как это ни удивительно, но мне вновь отказали. Мне не оставалось ничего иного, как поднять шумиху с помощью СМИ. Общественное давление могло стать лучшим способом влияния. Первой с нижеследующим заявлением выступила группа бывших узников совести.

Заявление
(08.02.2013)

Правозащитник, председатель общественной организации «Центр права и свободы» Вардан Арутюнян намерен опубликовать исследование, посвященное диссидентскому движению в Советской Армении. В намечающемся исследовании, наряду с другими материалами, должны быть представлены и приговоры, которые были вынесены осужденным в те годы. Для получения приговоров с целью ознакомления с ними, с ноября 2011 года В. Арутюнян обращается в Службу национальной безопасности при Правительстве РА. Однако СНБ отказывает ему, ссылаясь

на 21-ю статью Закона об архивном деле и на 8-ю статью Закона об информации. Не желая оспаривать очевидно необоснованный отказ, г-н Арутюнян считает, что для очередного отказа не будет никаких, даже произвольных, оснований, если люди обратятся от своего имени в СНБ с просьбой предоставить свои же приговоры. Он собирает заявления, в каждом из которых содержится согласие бывшего осужденного или подпись ближайшего его родственника и, следовательно, прямого наследника (в случае смерти осужденного), и 6 декабря 2012 года отправляет все эти заявления единым пакетом в СНБ. Однако в удовлетворении просьбы ему снова отказывают в письме, датированном 11-м числом того же месяца. На этот раз в качестве основания для отказа упоминается 22-я статья Закона об архивном деле. Совершенно очевидно, что каждому осужденному следует предоставлять приговор по его делу. Иначе быть не может. Однако в советское время приговоры политических заключенных старались осужденным не выдавать. Известны случаи, когда людям удавалось добиться предоставления приговоров или обвинительных заключений в результате длительных голодовок. Но те времена давно канули в Лету. Той страны, в которой человека судили за инакомыслие, больше не существует. Политические заключенные того периода уже давно оправданы, но СНБ Республики Армения, не изменяя духу прежних времен, продолжает считать приговоры, вынесенные в советское время, «совершенно секретным» материалом, забывая, что эти документы являются публичными, они были зачитаны в судебных залах и с момента оглашения стали собственностью общества. Они имеют непосредственное отношение к нам, эти приговоры были вынесены нам, и мы имеем право требовать и получить их.

Вызывает недоумение лишь то обстоятельство, что Служба национальной безопасности при правительстве Республики Ар-

меня, по совершенно непонятной причине, спустя многие годы после распада советского государства и провозглашения независимости Армении, продолжает столь ревностно хранить приверженность советскому мышлению и советской морали и всячески демонстрирует свою нетерпимость по отношению к людям, которые в свое время боролись с этим мышлением и этой моралью.

Осуждая подобную произвольную практику руководства СНБ, мы заявляем, что намерены решительно и последовательно защищать свои права. Мы с радостью примем поддержку представителей СМИ, правозащитников, общественных и политических деятелей. **Паруйр Айрикян, Размик Маркосян, Азат Аршакян, Шаген Арутюнян, Вальтер Меликян, Баграт Шахвердян, Гагик Аракелян, Норик Мартиросян, Сурен Меликян, Костан Карапетян, Вардан Арутюнян**

На заявление откликнулись журналисты, были опубликованы интервью, статьи, и для решения этого вопроса СНБ была вынуждена пригласить меня на беседу, в которой приняли участие высокопоставленные сотрудники ведомства во главе с заместителем председателя СНБ. С непонятным упорством они настаивали на том, что в этих приговорах могут упоминаться имена и фамилии людей, которые выступали в суде в качестве свидетелей, возможно, не желают, чтобы документы, содержащие их имена, выходили бы за пределы архива СНБ. На мое утверждение, что речь идет о людях, в отношении которых были вынесены эти приговоры, и не предоставлять эти документы им нельзя, они отвечали, что не рассматривают данные документы в качестве судебных приговоров, для них они являются просто архивными материалами – всего лишь списками с именами и фамилиями. То обстоятельство, что материалы эти тем не менее являются именно приговорами, коими они и являлись изначально и будут яв-

ляться всегда, и что приговоры эти следует предоставить людям, в отношении которых они в свое время были вынесены, в качестве убедительного аргумента категорически не принималось. В конце концов мне было предложено следующее решение вопроса: вместо фамилий и имен будут выданы инициалы, а я, в меру собственных возможностей, имея под рукой эти инициалы, должен буду попытаться «расшифровать» их. Мне даже пообещали оказывать всяческую поддержку в этом сложнейшем деле. Для меня эти игры в шифры и расшифровки были большой неожиданностью. Все усложнялось, но я согласился, понадеявшись на то, что они сдержат свое слово и окажут мне помощь, если я столкнусь с трудностями. Но на этапе предоставления приговоров они нарушили свое обещание. Вместо реальных инициалов они выдали произвольные буквы, что, естественно, делало любую попытку расшифровки бессмысленной, а обещанную помощь оказать попросту отказались. Если в первые дни по моей просьбе сотрудники СНБ называли хоть какие-то реальные имена, то вскоре они перестали это делать и сообщили, что оказывать мне помощь даже в этом вопросе им запрещено. Словом, как и подобает настоящим чекистам, они не сдержали слово. В результате у меня на руках оказались неполноценные приговоры. Начался непростой период восстановления документов. Естественно, что чем старше были приговоры, тем сложнее было их восстанавливать. Люди подзабыли не только имена-фамилии участников судебного процесса, но и целые эпизоды. Если идентификация осужденных являлась задачей сложной, но относительно решаемой, то попытка отгадать имена и фамилии бесчисленных свидетелей являлась задачей совершенно непреодолимой. Во всяком случае, мною было сделано все возможное, для того чтобы эти документы приобрели полноценный, заверченный вид. Тем не менее, немало и таких приговоров, которые пришлось опубликовать в том виде, в каком

они были получены мною из СНБ. Однако я думаю, что отсутствие некоторых фамилий не влияет на суть и содержание приговора, и это неприятное, но несущественное обстоятельство не помешает читателю составить общее представление о документе. Необходимо также отметить, что приговоры прибыли ко мне в крайне плохом состоянии, многие фрагменты были и вовсе нечитабельные. Все, что было возможно восстановить, я восстановил, а в безнадежных случаях поставил прочерки.

Членов одной группы осужденных в 60-х найти так и не удалось, не удалось также связаться с их родственниками. Приговоры, вынесенные по их делам, мне не выдали вообще. Информацию об этих людях я позаимствовал из книги Арменака Манукяна¹ «Политическое инакомыслие в Армении - 1950-1988 гг.». Эта же книга помогла мне и в случаях, когда было необходимо найти информацию о некоторых людях, осужденных до 1964 года.

Вардан Арутюнян

Необходимые акценты

Структура книги

Каждое уголовное дело в этой книге представлено отдельно и полностью. Есть уголовные дела, которые касаются одного человека, есть дела, которые относятся к целым группам. Перед представлением каждого уголовного дела дается краткая информация о людях и их деятельности, которая послужила основанием для возбуждения уголовного дела. Представленная нами информация не всегда совпадает с эпизодами, которые упоминаются в обнародованном по данному делу приговоре, да и вовсе необязательно, чтобы они упоминались в документе. Основная причина таких несовпадений заключается в том, что упомянутые эпизоды далеко не всегда отражают действительность. Наши сведения, как правило, основаны на воспоминаниях и рассказах людей, которые имеют самое непосредственное либо косвенное отношение к данному делу. Далее приводятся краткие биографические данные каждого осужденного, которые, впрочем, иногда могут оказаться неполными, поскольку нам не всегда удавалось получить всю информацию - по той или иной причине. Это же относится и к фотографиям. В книге представлены как фотографии, которые включены в уголовное дело, так и современные. В некоторых случаях нам не удалось добыть ни одной фотографии, в некоторых - пришлось ограничиться таковыми из уголовного дела. Иногда за неимением лучшего мы вынужденно ставили фотографии плохого качества. После кратких биографических данных в каждой главе книги рассказывается история: некоторые из осужденных, - а в некоторых случаях, если непосредственных участников уже нет в живых, то их родственники, - рассказывают, как они стали участниками диссидентского движения, какие осуществляли

действия, как были осуждены и как жили в заключении, с какими сталкивались проблемами и какие трудности пришлось им преодолеть. Несмотря на то что повествование в книге ведется от первого лица, ни один из героев свою историю не записывал сам - все рассказы основаны на аудиозаписях, сделанных во время наших бесед, которые мы затем разбирали и редактировали. Истории представлены на суд читателя от первого лица для максимальной доступности и трансляции непосредственных эмоций. После всех этих воспоминаний-историй, мы представили на суд читателя и все приговоры, сохранив их структуру, все описанные эпизоды и допущенные ошибки. К приговорам мы отнеслись как к официальным документам и ничего в них не меняли. (Как было сказано в предисловии для русскоязычного читателя, в данную публикацию приговоры не включены). Иногда при сопоставлении связанных друг с другом, но разных уголовных дел или сравнивая деятельность одного человека, но в разные периоды времени, читатель может заметить некоторые повторяющиеся эпизоды. Это обусловлено логикой структуры книги, и мы не стали избегать повторов. **Эта книга – не складно изложенное хронологическое описание действующих лиц и приключившихся с ними историй, а, скорее, справочник и, естественно, в нем могут встречаться повторы.** Вероятно, можно заметить какие-то недостатки или неточности, за которые мы заранее просим прощения, но грубые ошибки и тем более искажение фактов абсолютно исключаются.

Важное примечание

Каждый человек может иметь собственное мнение о людях и делах, представленных в этой книге. Каждый человек может владеть той или иной информацией о любом из наших героев. Каждый может свободно выразить свое мнение о людях и событиях, о которых мы рассказываем, и дать свою оценку, однако следует учитывать, что людей этих мы представили в контексте событий, происходящих в период с 1960-го по 1988-й год. Здесь представлены лица, которые действовали в течение упомянутых 28-и лет, и логика тех лет должна быть принята во внимание.

Эта книга не нацелена на освещение истории и прославление героев. Мотив её создания заключается вовсе не в определении личностных качеств политзаключенных советской эпохи, она не оценивает героев, не выносит суждения о том, насколько хорошими или плохими они были. Не исключено, что некоторые из них сыграли довольно печальную роль в движении диссидентов. Не исключено также и то, что однажды, особенно после открытия архивов Службы национальной безопасности, выяснится, что кое-кто из них не только не имеет право называться диссидентом, но и человеком. Это любопытные и важные детали, но они не для данной книги. Здесь представлен каждый, кто находился в положении политзаключенного, независимо от того, какую он сыграл роль в движении, каким он был арестантом, как себя проявил на зоне или после нее – на свободе, в каких он был взаимоотношениях со спецслужбами, как он ведет себя сегодня, чем занимается (если жив) или как к нему относятся чужие или родные. За пределами книги осталось и то, какими эти люди были до и после того, как стали диссидентами. Безусловно, внимательный читатель сможет с легкостью многое понять и почувствовать, проанализировав и сопоставив информацию, представленную нами, мы же полностью оставляем эту задачу внимательному читателю и никоим образом не собираемся ни помогать, ни мешать, ни направлять его в этом деле.

История инакомыслия в СССР

Краткая справка

Принято считать, что история диссидентства в СССР датируется началом 1960-х. Это не значит, что до этого времени в Стране Советов не было инакомыслящих. В любой стране, избравшей путь диктатуры, инакомыслие рождается автоматически и существует до тех пор, пока существует диктатура. Это очень естественное явление. Диссидентство рождается как ответная реакция на диктатуру, как ее производное и, несмотря на прилагаемые усилия и жесточайшие репрессии, оно существует до тех пор, пока общество не становится демократическим и не прекращается преследование людей, выражающих мнение, несовместимое с идеологией властей. Так было и будет всегда и везде – Советский Союз ни в коем случае не мог стать исключением. Люди с оппозиционными взглядами существовали в этой стране на протяжении всей семидесятилетней ее истории. В годы сталинской диктатуры инакомыслящие растворились в бесчисленной армии репрессированных, и с уверенностью писать о них могут только эксперты, серьезно занимающиеся изучением именно этого периода истории. После смерти Сталина в Советском Союзе возникла новая ситуация. Страна продолжала быть тоталитарной, преследования и политическая травля не прекращались, инакомыслие и несогласие считалось преступным, достойным осуждения поведением, но террор и репрессии больше не носили столь массовый характер, а ранее репрессированные были освобождены. Позже начался процесс по пересмотру дел и оправданию этих людей. И именно в этот период наиболее выразительным стало преследуемое властью и порицаемое большинством инакомыслие. Зоны больше не разрывались от преступников-уголовников и миллионов репрессированных. Теперь они

были заполнены миллионами уголовников и немногочисленными диссидентами.

Позже (с 1948 года) советские власти решили отделить от обычных уголовников «особо опасных государственных преступников», в число коих включались и диссиденты, и содержать их в специально организованных лагерях строгого режима. Начиная с этого момента, говорить о диссидентстве уже значительно проще и корректнее. С 1950-х людей, осужденных по политическим мотивам за то, что они в той или иной форме или в той или иной степени имели смелость выразить свое несогласие с системой, уже без колебания можно называть «диссидентами».

Из пятнадцати республик Советского Союза с 1960-го по 1988-й год крупные диссидентские движения существовали в России, Эстонии, Литве, Латвии, Украине, Грузии и Армении. Отдельной группой диссидентов считались крымские татары, главная цель которых заключалась в реализации национального права - возвращения в Крым. В России диссиденты осуществляли активную деятельность в крупных городах, главным образом в Москве и Санкт-Петербурге.

В плане диссидентского движения в СССР Армения в период с 1960-го по 1988-й год занимает особое место. В отличие от других республик, здесь диссидентское движение было не фрагментарным, а организованным. В 1962 году начал свою деятельность и просуществовал до 1966 года Союз молодежи Армении (СМА). Правда, это объединение не имело ни своего устава, ни тщательно разработанной программы - на разных этапах предпринимались различные попытки для разработки этих документов, но они не доводились до конца. Однако на протяжении четырех лет СМА осуществлял довольно активную деятельность в тяжелых условиях. Многие члены этой организации были осуждены, многие подверглись всевозможным преследованиям. Отметим также, что упомянутое объединение не являлось той структурой, которая могла бы или планировала объявить войну коммуниз-

му - официальной идеологии Советского Союза. Это была скорее национально-патриотическая организация, члены которой ставили перед собой цель решить такие на тот момент волнующие армян вопросы, коими являлись официальное признание Геноцида² армян и провозглашение 24 апреля днем национального траура, строительство соответствующего мемориала и возвращение утраченных территорий Армении, в частности – Карабаха³ и Нахичевана⁴, неприкосновенность и сохранность армянского языка. Беспрецедентно многолюдную демонстрацию, которая состоялась в 1965 году в Ереване, можно считать одним из достижений именно этой организации.

В 1966 году Армения стала единственной в СССР республикой, в которой существовала оппозиционная политическая партия со своим печатным органом, которая на страницах своей газеты и с помощью листовок заявила о начале идеологической борьбы против действующего режима. Это была Национальная объединённая партия (НОП). Членов НОП постоянно арестовывали и приговаривали к длительным срокам заключения, но партия продолжала бороться с режимом. Она просуществовала до осени 1987 года, т.е. до тех пор, пока не исчезла необходимость в подпольной борьбе и Паруйр Айрикян не заявил о формировании на базе НОП нового объединения - партии «Национальное самоопределение».

В опубликованной в 1992 году книге «История инакомыслия в СССР» Людмила Алексеева⁵ в главе, посвященной Армении, пишет: «Армения - единственная в СССР республика, где существует партия, ставящая своей целью отделение от СССР, и идея эта вызывает сочувствие народа. В течение 15 лет КГБ имел возможность убедиться в неуничтожаемости НОП - после каждой серии арестов появлялись новые и новые приверженцы» (с.78).

Есть еще одно заслуживающее особого внимания обстоятельство (помимо действующей в подполье организованной оппо-

зиционной партии), которое отличает армянское диссидентское движение от подобных движений в других республиках, – это диаспора.

Любая национальная диаспора – русская, украинская или прибалтийская – в Европе, Соединенных Штатах и Канаде оказывала колоссальную поддержку инакомыслящим соотечественникам в Советском Союзе. Эта поддержка выражалась главным образом в огласке – голос советских диссидентов был слышен снаружи, по ту сторону «железного занавеса». В диаспоре организовывались целые центры поддержки, средства массовой информации постоянно публиковали на родном языке информацию об инакомыслящих соотечественниках, рассказывали об их деятельности, освещали важные события. Армянские диссиденты были лишены такой поддержки. Лишь изредка армянская диаспора очень осторожно затрагивала тему армянских политзаключенных и диссидентов. Диссиденты Советской Армении и их деятельность, аресты, приговоры и дальнейшие судьбы осужденных, – вся эта информация, как правило, становилась достоянием общественности за пределами СССР лишь благодаря поддержке отнюдь не армян. «Хроника текущих событий»⁶, публикуемая в 1968 году московскими диссидентами, постоянно затрагивала тему армянских диссидентов. Позже в «Хронике» открылась отдельная рубрика под названием «События в Армении», в которой авторы подробно освещали все ключевые события – сообщали о преследованиях, арестах, о нарушениях прав и политических судебных процессах, происходящих в Армении.

Оказавшись в зоне, армянские диссиденты, за редким исключением, проявляли чрезвычайную активность. Ни одно мероприятие, будь то голодовка, забастовка или иные акции протеста, не проходило без участия политзека-армянина. Армяне на зоне всегда выступали в первых рядах и, будучи активными политзеками, постоянно оказывались как на страницах «Хроники», так

и в западных СМИ. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто заглянуть на веб-сайт «Хроники текущих событий», в которой опубликованы все выпуски издания, и пролистать страницу за страницей, начиная с 1968 года. Там обнаружится очень мало выпусков без единого упоминания об армянах или Армении, да и в потоке информации, поступающей из мест заключения, не ощущается нехватки в армянских фамилиях.

Несмотря на то что, как и упоминалось выше, о существовании немногочисленных диссидентов в СССР принято говорить лишь после завершения периода массовых сталинских репрессий, а годы возникновения диссидентства в СССР как явления принято называть постсталинским периодом, принятый в Республике Армения 14 июня 1994 года Закон о репрессированных искусственным образом включил диссидентов в армию репрессированных в сталинскую эпоху лиц. Точно так, как инакомыслящие нивелировались и растворились в огромной массе репрессированных в сталинскую эпоху, так и в независимой Армении все осужденные стали считаться репрессированными.

Между тем, человек репрессированный и человек, осужденный за инакомыслие, – это совершенно разные понятия. В первом случае жертвами массового террора становятся люди совершенно невиновные, не протестующие, а порой - самые преданные последователи и сторонники существующего строя, которые и подумать не могли бы о том, что их осудят. А во втором случае, осуждают на долгие годы заключения человека, который протестует, борется за независимость своей страны, за права человека, то есть речь идет о деятеле, который знает, что за свои действия ему не будет пощады со стороны властей, он знает, что может быть осужден и осознанно предпринимает определенные шаги, которые становятся основанием для ареста. Объединив в свое время два абсолютно разных этих явления в одном законе, власти допустили ошибку, умалив роль армянских диссидентов.

Список политзаключенных нуждается в пополнении

Точное количество армянских политзаключенных советского периода неизвестно. Согласно списку, который в 2000 году СНБ предоставила Комиссии по защите прав человека при Президенте Республики Армении и в котором обнаружилось множество пробелов и ошибок, в период 1953-1988 гг. по 65-й, 67-й, 206¹ статьям УК Армянской ССР и по 58-й статье УК РСФСР был осужден 131 человек, а по данным брошюры, опубликованной этой же комиссией, в которую не вошло значительное число осужденных в 1953-1954 годах граждан, - 102 человека.

Даже не считая осужденных, не вошедших в этот список, количество людей в двух списках не совпадает - разница составляет 12 человек. Та же картина складывается при сопоставлении информации, представленной в книге Арменака Манукяна «Политическое инакомыслие в Армении в 1950-1988 гг.», с имеющимися у нас списками. Неточности становятся еще более очевидными, когда мы пытаемся сравнить известные нам списки со списками, опубликованными российским «Мемориалом». В этих списках встречаются фамилии армян, которые были осуждены в Армении в 1953-1960 годах, но они отсутствуют во всех наших списках. Это либо говорит о том, что в архиве СНБ сохранились не все дела, либо архив пока еще плохо систематизирован и все еще сложно добиться от них полноценной информации, либо работы по предоставлению информации в архиве осуществляются крайне непрофессиональными, безответственными сотрудниками. Нельзя исключить и вероятность преднамеренной выдачи неполноценной информации со стороны данной структуры.

Казалось бы, неточностей в плане фамилий и имен людей, осужденных после 1964 года, быть не должно. В конце концов, из-

вестными являются и эти люди, и их деятельность, существуют многочисленные публикации о них, но, к великому нашему удивлению, мы обнаружили, что даже список осужденных в эти годы лиц является неполным. В предоставленном СНБ списке отсутствовали имена осужденных членов Армянской Хельсинкской группы, хотя они были осуждены по 206¹ статье. По этой же статье были осуждены Арсен Казарян (1980 г.) и Ширак Гюнашян (1983 г.), чьи фамилии в списке также отсутствуют. Нет в списках и осужденных по религиозным мотивам. Абсолютно не упоминаются и остаются неизвестными люди, которые были осуждены за политическую деятельность, но по вымышленным криминальным статьям. В советские времена Комитет госбезопасности не только не гнушался, но и, напротив, весьма часто практиковал преследование людей по вымышленным уголовным статьям. В некоторых случаях, при активном участии провокаторов, выдвигались ложные обвинения, а кого-то просто запирали в психиатрической клинике, - и всех этих людей сегодня нет в списке лиц, осужденных за убеждения или политическую деятельность. Узнать их имена - серьезная и сложная задача из-за закрытых архивов и недоступности материалов для широких кругов интересующихся.

За три года (2011-2013 гг.), несмотря на все прилагаемые усилия, нам так и не удалось добиться от СНБ выдачи полного пакета приговоров и хотя бы относительно полноценной информации о людях, которые были осуждены по политическим мотивам. На правах абсолютного собственника СНБ ревностно хранит и стережет эти приговоры, считая их особо секретными документами и крайне неохотно и лишь в исключительных случаях предоставляя их избранным. Даже другим специализированным государственным структурам, к коим относится, к примеру, государственный архив, они не выдают копии этих уголовных дел. Уголовные дела, возбужденные в отношении лиц по линии КГБ,

как и приговоры, вынесенные по этим делам, хранятся исключительно в архиве СНБ. Их нет даже в судебном департаменте. Именно по этой причине, в случае с осужденными в период 1953-1964 годов, кроме списка СНБ, который был предоставлен в 2000 году Комиссии по правам человека при президенте РА, дополнительным источником для нас послужила книга «Политическое инакомыслие в Армении - 1950-1988гг» бывшего сотрудника КГБ, а позже начальника информационного отдела СНБ – Арменака Манукяна, который, будучи сотрудником, имел свободный доступ к архивам СНБ. Даже все собранные нами имена и фамилии - из книги Арменака Манукяна, из списка Комиссии по правам человека при Президенте РА, из нашего списка - нельзя считать полным списком осужденных диссидентов.

Этот список все еще является неполноценным, и таким он будет оставаться до тех пор, пока СНБ оберегает информацию, имеющую отношение к диссидентам, от широкой общественности. Если же и СНБ не располагает полным списком, - что, кстати, вовсе не исключено, - то при содействии заинтересованных организаций и лиц это ведомство могло бы максимально восполнить пробел и обнародовать информацию. Никому от этого не станет хуже. От этого не пострадает и репутация СНБ, более того, будет наконец восполнен один из многочисленных пробелов в нашей новейшей истории.

В период с 1963-го по 1988-й год в Армении в целом было проведено 34 известных нам политических судебных процесса, в том числе - два сфабрикованных уголовных процесса и процесс по взрыву в московском метрополитене, который, правда, был проведен в Москве, но мы сочли необходимым включить и его в ряд судебных процессов над диссидентами в Армении. Нам известно о проведении большего числа сфабрикованных уголовных процессов, но в книге представлены только эти, поскольку

в результате этих судов люди были приговорены к длительным срокам заключения и провели эти сроки в заключении, а в других известных нам случаях - несмотря на то, что многие из осужденных были приговорены к заключению по сфабрикованным делам, сроки их заключения были включены в сроки осужденных по политическим статьям. Это обстоятельство позволило нам, не создавая дополнительной темы, упоминать об этом факте в краткой биографии осужденного.

В течение упомянутых лет, в результате 34 судебных процессов был осужден 91 человек. Имена восьми из них – Ширака Гюнашяна, Айказа Хачатряна, Степана Затикяна, Шагена Арутюняна, Паруйра Айрикияна, Ашота Навасардяна, Азата Аршакяна, Эдуарда Арутюняна - повторяются, поскольку эти люди были осуждены более одного раза. В 1985 году в результате горбачевской перестройки и гласности масштабы политических преследований стали проявлять тенденцию к сокращению, появилась надежда, что они и вовсе уйдут в историю. Однако эта надежда не оправдалась.

В том же 1985 году за свои религиозные убеждения были осуждены 10 кришнаитов: некоторые из них на несколько лет, а некоторых, по решению суда, поместили в психиатрические лечебницы. Эти десять человек, несомненно, также вошли в ряды армянских политзаключенных.

В 1988 году политические преследования возобновились. В марте 88-го снова был арестован Паруйр Айрикийн, а в июле его выслали из Советского Союза. В декабре 1988 года в рамках уголовного дела, возбужденного прокуратурой СССР, были арестованы и переправлены из Еревана в Москву члены комитета «Карабах»: кандидаты исторических наук Алексан Акопян и Амбарцум Галстян (убит в 1994 году), кандидаты физико-математических наук Бабкен Аракцян, Давид Варданян, Вазген Манукян,

член Союза журналистов СССР Самвел Геворкян (скончался в 2014 году), доктор технических наук, член-корреспондент АН Армянской ССР Рафаэль Казарян (скончался в 2007 году), преподаватели Ашот Манучарян и Самсон Казарян, член Союза писателей СССР Вано Сирадегян, доктор филологических наук Левон Тер-Петросян. Вместе с ними были арестованы Хачик Стамболцян и Игорь Мурадян. Уголовное дело, которое было возбуждено в отношении этих людей, рассматривалось шесть месяцев, но так и не вылилось в судебный процесс. Все арестованные были освобождены в мае 1989 года.

Если к числу людей, находившихся в положении политзаключенных в период с 1963-го по 1988-й год, мы прибавим еще и 10 кришнаитов и вышеупомянутых арестованных по делу комитета «Карабах», но вычтем 10 повторяющихся (дважды или трижды) фамилий, то у нас получится, что в Советской Армении в течение упомянутых 25-и лет было всего 105 политзаключенных.

Девяносто пять человек из ста пяти были осуждены или арестованы и находились в длительном заключении в положении политзаключенных по причине своей политической деятельности и убеждений, а десять человек – из-за религиозных убеждений. Таким образом, наш список политзаключенных в период с 1953-го по 1988-й год содержит 168 имен и фамилий. Последние 14 фамилий принадлежат деятелям, арестованным в 1988 году, в отношении которых, правда, не было вынесено приговоров, но 13 из них провели в тюрьме в статусе политзаключенного 6 месяцев, а один (Паруйр Айриkyан) – 4 месяца.

Итак, список

1953 год

1. Мисак Левонович Петросян
2. Мнацакан Семенович Ованнисян
3. Рафик Марутович Аракелян
4. Симон Анушаванович Арзуманян
5. Александр Мирзоевич Лалаян
6. Жорж Хачикович Овакимян
7. Григор Газарович Джараджян
8. Саргис Аветисович Шагинян
9. Сероб Григорьевич Овсепян
10. Григор Минасович Сагателян
11. Хачатур Бегоевич Симонян-Хансамян
12. Геворг Аракелович Сахкалян
13. Георгий Павлович Кешишян
14. Давид Мартиросович Шагламян
15. Мнацакан Овсепович Мовсисян
16. Бурастан Багратович Айрапетян-Навоян
17. Гарегин Василевич Багдасарян

1954 год

18. Абраам Еремович Ованнисян
19. Сарибек Карапетович Варданян
20. Варужан Мукучевич Мартиросян
21. Айказ Ованнесович Гавалян
22. Анушаван Авагович Папоян
23. Грач Варданович Вердян
24. Сукиас Саргисович Мкртчян
25. Григорий Тадевосович Овакимян
26. Санасар Сароевич Асатрян

27. Назар Мурадович Асатрян
28. Грач Ованнесович Геворгян
29. Артавазд Минасович Масунян
30. Акоб Мкртычевич Акобян
31. Геворг Абрамович Геворгян

1955 год

32. Сандро Шакарович Гришян
33. Ваан Дарчоевич Ананян
34. Вагаршак Ованнесович Каграманян
35. Размик Вазгенович Галстян
36. Кнарик Азатовна Гаспарян

1957 год

37. Анна Минасовна Срапян
38. Мазман Погосович Арутюнян
39. Ваан Арутюнович Кереседжян
40. Ованнес Гаспарович Тер-Хачатрян
41. Назар Хачикович Инджян
42. Карапет-Арутюн Мкртычевич Егиазарян
43. Виктор Абрамович Аллахвердов
44. Левон Минасович Мартиросян
45. Карапет-Карпис Хачикович-Шарльевич Манукян
46. Торгом Тадевосович Акобян
47. Вруйр Георгиевич Галстян

1958 год

48. Армо Айкович Шагинян
49. Агабек-Агван Карапетович Аршакян
50. Ашот Вагаршакович Газарян
51. Карлен Мовсесович Варданян

52. Альберт Седракович Восканян
53. Вардан Григорьевич Сарибеков

1964 год

54. Виген Асатурович Бабаян
55. Хачатур Джумшугович Амирджаниян
56. Меружан Арташесович Оганнисян
57. Карапет-Каро Погосович Кирамиджян
58. Григор-Ованнес Акобович Егян
59. Хачик Элоевич Сафарян
60. Эдвард Варданович Какосян

1967 год

61. Сергей Андраникович Мелконян,
62. Фрунзик Абрамович Мкртчян,
63. Завен Егишевич Арутюнян,
64. Сурик Артаваздович Саргсян,
65. Альберт Мкртычевич Губасарян,
66. Мкртич Рубенович Мовсисян,
67. Аркадий Сергеевич Айрапетян,
68. Рубен Гургенович Сафарян,
69. Иван-Ваник Григорьевич Степанян,
70. Мартын Саргисович Налбандян

1968 год

71. Левон-Ара Арутюнович Мнацаканян
72. Рубик Тадевосович Варданян
73. Мисак Хачикович Хачатрян
74. Рафик Ашотович Карагулян
75. Андраник Суренович Мхитарян
76. Ваан Саргисович Егиазарян

- 77. Эдик Врежевич Алексанян
- 78. Акобджан Драстаматович Тадевосян
- 79. Рубен Мовсесович Овсепян

1969 год

- 80. Овик Мартынович Василян
- 81. Асатур Унанович Бабаян
- 82. Геворг Рубенович Экимян
- 83. Агаси Андрюшевич Антонян
- 84. Саргис Хачикович Торосян
- 85. Ширак Павлович Гюнашян
- 86. Айк Багдасарович Искандарян
- 87. Левон Рубенович Арушанян
- 88. Айказ Карапетович Хачатрян
- 89. Степан Сегбосович Затиякн
- 90. Шаген Арутюнович Арутюнян

1970 год

- 91. Паруйр Аршавинович Айрикян
- 92. Акоб Ованнесович Ашикян
- 93. Ашот Цолакович Навасардян
- 94. Рафаэл Сергеевич Барсегов
- 95. Ашот Завенович Хачатрян

1971 – 1972 гг.

- 96. Вальтер Унанович Меликян
- 97. Юрик Абгарович Будагян
- 98. Сероб Айкович Саргсян
- 99. Сурен Баласанович Меликян
- 100. Арамаис Ваанович Хачатрян

1973 год

- 101. Баграт Леонович Шахвердян
- 102. Арарат Сиреканович Товмасын

1974 год

- 103. Норик Амбарцумович Мартиросян
- 104. Левон Патваканович Бадалян
- 105. Самвел Амбарцумович Мартиросян
- 106. Рубен Людвигович Хачатрян
- 107. Паруйр Аршавилович Айрикян
- 108. Костан Ваанович Карапетян
- 109. Гагик Сережаевич Аракелян
- 110. Анаит Агвановна Карапетян
- 111. Фирдус Мехакович Мурадян
- 112. Гарегин Амбарцумович Давтян
- 113. Размик Артаваздович Зограбян
- 114. Размик Григорьевич Маркосян
- 115. Азат Левикович Аршакян
- 116. Каджик Вараздатович Саакян
- 117. Ашот Цолакович Навасардян

1975 год

- 118. Андраник Наапетович Маргарян

1978 год

- 119. Шаген Арутюнович Арутюнян
- 120. Роберт Хачикович Назарян
- 121. Айказ Карапетович Хачатрян

1979 год

- 122. Степан Сегбосевич Затикян
- 123. Завен Мелконович Багдасарян
- 124. Акоб Вазгенович Степанян

1980 год

- 125. Эдуард Баградович Арутюнян
- 126. Арсен Айказович Газарян

1981 год

- 127. Марзпет Арутюнович Арутюнян
- 128. Ишхан (Князь) Мкртычевич Мкртчян
- 129. Вардан Людвигович Арутюнян
- 130. Самвел Элибекович Егиазарян
- 131. Ованнес Рафаэлович Агабабян
- 132. Александр Арамович Манучарян
- 133. Смбат Батикович Мелконян
- 134. Ашот Арутюнович Апикян
- 135. Ашот Цолакович Навасардян
- 136. Азат Левикович Аршакян

1982 год

- 137. Ширак Павлович Гюнашян

1983 год

- 138. Георгий Павлович Хомизури
- 139. Рафаэль Ашотович Папаян
- 140. Эдмонд Гегамович Аветян
- 141. Эдуард Баградович Арутюнян
- 142. Сирвард Арташесовна Авагян
- 143. Рафаэл Людвигович Оганян

1985 год

144. Раффи Газарович Мелконян

Кришнаиты

145. Ара Акобян

146. Мартын Жамкочян

147. Карен Саакян

148. Армен Саакян

149. Сурен Карапетян

150. Армен Саргсян

151. Гагик Буниатян

152. Саргис Оганджаниян

153. Армине Хтрян

154. Сергей Касьян

1988 год

По этим делам приговоры не вынесены

155. Паруйр Аршавинович Айрикян

156. Левон Акопович Тер-Петросян

157. Бабкен Гургенович Араркцян

158. Вано Смбатович Сирадегян

159. Рафаэль Аветисович Казарян

160. Вазген Микаэлович Манукян

161. Давид Манукович Варданян

162. Ашот Гарникович Манучарян

163. Самвел Володяевич Геворгян

164. Самсон Сережаевич Газарян

165. Алексан Акобович Акобян

166. Амбарцум Пайлакович Галстян

167. Хачик Варданович Стамболцян

168. Игорь Маратович Мурадян

О диссидентской литературе

На этапе развала Советского Союза и после окончательного падения советской империи и провозглашения независимости Армении, по примеру других стран, в первую очередь – Украины и трех прибалтийских республик, осуществлялись попытки получить из архива КГБ и опубликовать произведения, которые были в свое время конфискованы и считались запрещенными. Речь идет не только о запрещенной художественной литературе, но и о произведениях политзаключенных. Будучи непосредственными участниками данного процесса, мы совершенно точно знали, что в уголовных делах, которые хранятся в архиве КГБ, есть немало произведений осужденных, которые достойны быть опубликованными. Другой вопрос – какого качества все эти произведения, в какой степени они представляют интерес в плане художественной ценности, да и вообще – представляют ли они собой ценность как литературное произведение? Произведения эти следовало бы рассматривать в качестве политической лирики и прозы и публиковать именно в таком качестве. Не исключается, что в дальнейшем некоторые из них стали бы образцами весьма качественной литературы, а остальные были бы преданы забвению.

Однако инициаторы этого проекта, вернувшись после встречи с новым руководством Службы национальной безопасности независимой Армении, сообщили, что новое руководство якобы перерыло весь архив КГБ и не обнаружило ни единого экземпляра запрещенной литературы, творчества политзеков или публицистики. Из этого следовало, что ни один армянский диссидент не написал ни одного произведения, которое могло бы быть конфисковано КГБ или запрещено советской цензурой - Главлитом. Уже тогда было ясно, что это не может соответствовать действительности. Вынесенные в свое время приговоры свидетельствуют об

обратном. В подавляющем большинстве в них перечислены многочисленные произведения политзаключенных, которые хранятся в папках с уголовными делами.

Было бы весьма познавательно сегодня иметь возможность ознакомиться не только с творчеством отдельных диссидентов того времени, но и со всем самиздатом 60-70-80-х годов - газетами, листовками, брошюрами. Эти материалы, в особенности некоторые листовки и статьи, имели чрезвычайно интересную историю. При изучении приговоров, вынесенных в отношении политзаключенных, выясняется, что некоторые из них повторяются из года в год. Например, весьма любопытной является статья, которую совместно написали осужденные в 1964 году по «Делу семерых» - Виген Бабаян и Меружан Ованнисян, в ответ на антиармянскую публикацию 1921 года Анатолия Скачко⁷ «Армения и Турция в предстоящей конференции». Или такие статьи, как «Вновь на алтаре русско-турецкой дипломатии» и «16 марта 1921 года в Москве».

В этих и других статьях подобного рода речь шла о подписанном 16 марта 1921 года российско-турецком соглашении. Соглашение известно как большевистско-кемалистский договор. По своей сути он является антиармянским. В этом действующем до сего дня договоре есть часть, касающаяся Армении, которая является не чем иным, как грубым нарушением международного права. Четкий и незыблемый принцип 34-й статьи Венской конвенции гласит, что «договоры могут касаться только тех сторон, которые его подписали, и он (договор) не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». Вопреки упомянутому принципу, по этому российско-турецкому договору, в подписании которого Армения никоим образом не участвовала, Турции были переданы армянские территории. Кроме этого, Нахичевань как протекторат был передан Азербайджану.

Договор этот сыграл и продолжает играть весьма отрицательную роль для Армении. Нынешние неблагоприятные армяно-турецкие и армяно-азербайджанские взаимоотношения в большей степени обусловлены существованием именно этого договора. Более чем естественно, что об этом много говорилось и писалось в армянской среде. Ставленники Москвы - Советская власть Армении и официальная советская историография - всячески пытались обойти этот исторический эпизод либо представить его в искаженной версии, запрещалось упоминать эту тему в целом. Но, несмотря на все запреты, об этом и говорили, и писали. В результате появились статьи, из коих самыми яркими стали упомянутые выше - «Снова на алтаре русско-турецкой дипломатии», «16 марта 1921 года в Москве», а также - «28 мая» и целый ряд других статей подобного рода, которые периодически печатались и распространялись в виде листовок. О них упоминается с 60-х до конца 80-х годов. В частности, эти работы распространялись в 1962-1963 годах - они упоминаются в «Деле семерых», затем эти материалы распространялись в 1967 году и легли в основу обвинения по делу Мартина Налбандяна и других диссидентов. Эти статьи упоминаются и в деле Завена Арутюняна, их распространяли подпольные организации и в 1968-м, сначала Союз армянских патриотов, а затем - «Во имя Родины», члены НОП и т.д. Точно такими «долгоиграющими» были письмо Аветиса Агароняна⁸, адресованное российскому наркому иностранных дел Чичерину⁹, письмо Агароняна Аветику Исаакяну¹⁰ и другие подобные материалы. Эти факты, во-первых, говорят о том, что проблемы, которые поднимались в разные периоды и годы диссидентами Армении, не взирая на время, во многом являются все еще актуальными, а во-вторых, все существующие в Армении с 60-х по 80-е годы подпольные организации, группы и кружки создавались либо на базе прежних организаций, и их члены принимали эста-

фету, либо все они были тесно взаимосвязаны. Внимательный читатель непременно заметит, что во всех организациях были люди, которые имели какое-то отношение к другим действующим в тот же период времени или ранее группам. Во многих случаях после раскрытия той или иной организации и после осуждения ее активных участников причастные деятели, выступающие в качестве свидетелей в ходе судебных процессов над своими соратниками, позже, привлекая новых единомышленников, продолжали прерванную деятельность, тем самым обеспечивая непрерывность борьбы. Пожалуй, в Армении, за редким исключением, это было закономерностью. Возможно, исключениями были лишь студенческие кружки. Эти непрерывность и последовательность безусловно являются достойной темой для отдельного исследования.

Во всех уголовных делах начиная с 1963 года встречаются различные образцы творчества диссидентов: одни писали прозу, другие - предпочитали лирику, а третьи - занимались публицистикой. Эти работы распространялись среди членов существующих организаций. В качестве примера можно упомянуть стихи Вигена Бабаяна, Меружана Ованнисяна, Паруйра Айрикяна и других деятелей. Некоторые произведения, выйдя за рамки подполья, получали широкое распространение, некоторые публиковались в зарубежной прессе, например, стихи Вигена Бабаяна или песня «Иерусалим» Баграта Шахвердяна, которую время от времени транслировало израильское радио, или - «Слово о нации» («Азгпатум») Александра Манучаряна и многие другие произведения. Словом, в Армении существовала достаточно богатая диссидентская литература, которая, подчеркнем еще раз, может стать темой для отдельного изучения.

Общая схема политического насилия в СССР

Массовое насилие, осуществляемое в Советском Союзе с 1918-го по 1988-й, можно разделить на условные периоды. Первым таким периодом являются годы красного террора -1918-1922 гг., после которых наступил период относительного затишья 1920-х, затем - тяжелейший период сталинских репрессий. Сталинский террор можно, в свою очередь, также разделить на этапы, которые, хоть и являются логическим продолжением друг друга, однако по своей сути имеют и существенные отличия.

Первым этапом следует считать период принудительной коллективизации - 1928-1933 гг., затем - в 1935-1938 гг., этап партийных чисток, охоты на так называемых «врагов народа» и жестоких расправ над политическими оппонентами, который продлился до самой войны 1939-1941 гг. Параллельно с ликвидацией «врагов народа», с конца 1930-х советская власть приступает к процессу депортации целых народов из мест их традиционного проживания, который достигает чудовищных масштабов в военные годы – в 1941-1945 гг., и продолжается после войны.

После смерти Сталина, с 1953 года, характер преследований и террора резко меняется. Прежде всего, они перестают быть массовыми. Многие уголовные дела пересматриваются, разоблачается культ личности, но идеологические противники коммунистической партии и критики советского строя и политики правительства – независимо от цели критики, партийной принадлежности и политической позиции, продолжают преследоваться по всей строгости закона. За пять лет (1953-1958 гг.) более 50 человек были осуждены в Армении по политическим мотивам. Это чрезвычайно большое число, если принять во внимание, что речь идет о постсталинском периоде и оттепели. В плане количества осужденных ощутимый спад отмечается лишь в 1958 году с по-

следующим пятилетним перерывом. У нас нет никаких данных о людях, арестованных или осужденных в этот период, но это не означает, что их не было вовсе.

В 1962-1963 гг. начинает свою деятельность подпольная организация - Союз армянской молодежи. В 1963 году были арестованы учредители и участники этого союза - «Семь патриотов» (общественность назвала их так после ареста). Арест этих семи человек ознаменовал собой начало классического диссидентства в Армении.

Ранние 60-е считаются периодом старта и расцвета инакомыслия не только в Армении - именно с этого времени начинается история диссидентов СССР и стран Восточной Европы. Термином «диссидент» (инакомыслящий) в 60-е стали называть тех людей, которые, выступая против советской власти и социалистической действительности, не только не практиковали насилие, но и категорически отвергали насилие как метод борьбы. До этого времени антисоветские и антикоммунистические силы, наряду с иными методами, вовсе не исключали насилие, а порой вели активную вооруженную борьбу. К такому методу особенно активно прибегали в послевоенное время в Прибалтике и Западной Украине. Именно для дифференциации оппозиции старого и нового типа в 60-х годах появляются такие определения, как «инакомыслящий» или «диссидент».

После судебного процесса по «Делу семерых» (август 1964 г.) никаких судов подобного рода не проводилось до мая 1967 года. Правда, Союз армянской молодежи продолжал функционировать, создавались новые группы и кружки, продолжались открытые и полукрытые обсуждения, но, поскольку все это укладывалось в логику «оттепели» начала шестидесятых, уголовных преследований не осуществлялось. Действующие организации и кружки, отдельные деятели не выходили за рамки патриотических лозунгов. В целом движение армян-шестидесятников несет на себе печать пережитых в начале 20-го века страданий армянского народа, по-

терянной родины и неоправданных надежд на возможное решение правительством СССР Армянского вопроса¹¹. Неоправданные надежды, связанные с решением Карабахского и Нахичеванского вопросов внутри СССР, признанием Геноцида, возвратом исторических территорий, являлись основными мотивами и важным фактором, влияющим на диссидентскую мысль в Армении как в семидесятые, так и в восьмидесятые годы. Но диссиденты шестидесятых были буквально пропитаны этими идеями. Это основа, на которой возникло и созревало армянское инакомыслие, которое в дальнейшем трансформировалось в борьбу против коммунистической диктатуры и за независимость. Даже в опубликованной в 1977 году декларации армянской Хельсинкской группы, которая, казалось бы, являлась исключительно диссидентской правозащитной организацией и должна была руководствоваться исключительно Хельсинкскими соглашениями, говорится, что Армения стремится стать членом ООН, «чтобы решить общенациональные проблемы разбросанного по всему миру армянского народа», и что необходимо добиться «воссоединения с Арменией Нагорного Карабаха и Нахичеванской автономной области, которые сегодня являются частью Азербайджанской ССР», а также следует «требовать использования армянского языка во всех сферах жизни в Армении» (Людмила Алексеева «История инакомыслия в СССР» , с. 76).

Советские службы госбезопасности не могли и представить, к чему в конечном итоге приведут эти повсеместно проводимые в шестидесятых диспуты, обсуждения и беседы на патриотические темы. В 1964 году, в части, касающейся Вигена Бабаяна в приговоре по «делу семи», суд с сарказмом констатирует: «На собраниях и в частных беседах подсудимый Бабаян выдвигал ряд авантюрных идей, таких, как проведение пятидесятитысячной националистической демонстрации». Не прошло и года, как эта «авантюрная» идея претворилась в жизнь – в 1965 году.

Энергия, накопившаяся в пятидесятых и первой половине шестидесятых, дала свой бурный результат: в 1965 году, 24 апреля в Ереване состоялся многотысячный митинг, который стал импульсом для всех дальнейших развитий. Начали формироваться новые независимые друг от друга кружки. В особенности много было школьных, юношеских кружков. Это были годы всеобщего воодушевления. И вот на фоне такого воодушевления в армянском диссидентском движении формируется новый менталитет: если СССР отказывается решить Армянский вопрос, то, стало быть, армяне должны попытаться решить его сами – без СССР. Появляются деятели, которые ставят под сомнение одну из важнейших советских догм – ленинскую национальную политику. Эти проявления, которые начали формироваться в 1965-1966 гг. и выражались уже не только в бурных обсуждениях и беседах в узких диссидентских кругах, но и в виде многочисленных листовок, распространяющихся в широких слоях населения, уже не могли не взволновать серьезным образом службы госбезопасности.

В 1966 году в Армении запретили отмечать траурную дату - день памяти жертв Геноцида. Некоторых участников процессии задержали в тот день на 10-15 суток. Начался новый этап политических преследований. Только за 1967 год десять человек были приговорены к заключению на разные сроки. В этот период на арену выходит **Национальная объединенная партия (НОП)** – с требованием провозглашения независимости и с антисоветскими лозунгами. Если прежде борьба диссидентов в Армении несла сугубо национально-патриотический характер и советская власть осуждала ее участников как националистов, не видя особой угрозы в их деятельности, то теперь о себе заявили уже идеологические противники. Это было новое явление, которое спустя два десятилетия должно было привести к десоветизации Армении и провозглашению независимости.

Условия содержания осужденных

В СССР граждане, осужденные за «антисоветскую агитацию и пропаганду», считались особо опасными государственными преступниками и содержались под стражей в зонах строгого режима. Это были специальные места заключения, называемые в советской терминологии особлагами - особыми лагерями. Они были организованы по принятому 21 февраля 1948 года решению Совмина СССР, согласно которому было дано поручение о создании «особых лагерей в районе Колымы, на Дальнем Севере, Норильске, Коми АССР, в районе Караганды и в Темниках Мордовской АССР для содержания осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности».

Советская пенитенциарная система была систематизирована следующим образом: высылка, ссылка, колонии-поселения, колонии общего режима, усиленного режима, строгого режима, особого режима и тюремный режим.

Политзаключенные в СССР, как правило, отбывали свои сроки в лагерях строгого или особого режимов, а также в тюрьмах и ссылках. Поэтому считаем нужным вкратце описать условия содержания в этих местах заключения.

Вот, что написано в 64-й статье исправительно-трудового кодекса РСФСР: «В исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, осужденные к лишению свободы за особо опасные государственные преступления, либо ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также женщины, осужденные за особо опасные государственные преступления,

либо признанные особо опасными рецидивистками, и женщины, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии».

Заклученные, содержащиеся в лагерях строгого режима:

- жили в обычных жилищах (бараках);
- могли тратить до пяти рублей в месяц на продукты питания и товары первой необходимости;
- в течение года имели право на два краткосрочных и одно долгосрочное свидание;
- могли получать не более двух посылок в год и отправлять не более двух писем в месяц;
- по истечении половины срока заключения разрешалось получать одну посылку или одну передачу в год.

Заклученные, содержащиеся в лагерях особого режима:

- жили в строго изолированных условиях – в помещениях камерного типа;
- могли тратить до четырех рублей в месяц на продукты питания и товары первой необходимости;
- в течение года имели право на одно краткосрочное и одно долгосрочное свидание;
- в течение года могли получать не более двух посылок и ежемесячно отправлять не более одного письма;
- по истечении половины срока заключения разрешалось получать одну посылку или одну передачу в год.

Тюремный режим, который в свою очередь был разделен на общий и строгий режимы:

Тюремный общий режим

В этом режиме содержались осужденные, впервые приговоренные к тюремному заключению, и заключенные, которых перевели из зоны строгого режима в тюремное содержание.

Заключенные, содержащиеся в тюремном общем режиме:

- могли тратить до трех рублей в месяц на продукты питания и товары первой необходимости;
- в течение года разрешалось два краткосрочных свидания;
- в течение года могли получить не более двух посылок и отправить одно письмо в месяц;
- имели право на один час прогулки в день.

Тюремный строгий режим

(в этом режиме содержались от 2 до 6 месяцев)

- на продукты питания и товары первой необходимости разрешалось тратить до двух рублей в месяц;
- в течение шести месяцев заключенные имели право получить одну посылку, имели право отправить одно письмо в течение двух месяцев;
- пользовались получасовой прогулкой ежедневно.

Кроме того, максимальная продолжительность короткого свидания в зоне строгого режима составляла три часа, а долгосрочного - три дня. Посылка, которую заключенный имел право получать дважды в год, не должна была превышать полкилограмма - в тюрьме, и одного килограмма - в колонии строгого режима.

После окончания половины срока заключения разрешалось раз в год получать посылку, не превышающую пяти килограммов.

Между тем, тюремная администрация по своему усмотрению могла в любой момент лишить права пользоваться этими минимальными возможностями. Были и такие заключенные, которые за весь свой срок ни разу не виделись со своими родственниками, поскольку перманентно лишались этого права. Порой заключенных лишали и права осуществлять покупки - на те самые пять рублей, могли лишить и права на получение посылок. Письма, которые зеки получали из дома, также могли быть перехвачены и конфискованы в любой момент по решению цензоров зоны.

Кроме вышеописанных условий содержания, в зонах также существовали штрафные изоляторы, в которых провинившиеся заключенные проводили до 15 суток. Находившийся в изоляторе зек получал обед через день, а на следующий – лишь 450 граммов хлеба и кипяченую воду. Кроватью в такой камере служили деревянные нары – без матраца, белья, одеяла и подушки, и днем эти нары следовало поднимать и крепить к стене, чтобы у заключенного не было возможности сидеть или лежать на них. Более того, запрещалось и ложиться на пол. Также запрещалось курить, получать или отправлять письма, иногда, в зависимости от настроения руководства зоны, читать.

Помимо изоляторов, на зонах также были так называемые тюрьмы, которые назывались ПКТ – помещения камерного типа. В этих камерах людей содержали до шести месяцев, а условия содержания ничем не отличались от тюремного режима.

Осужденные в 1953 - 1958 годах

Большинство осужденных в 1953-1958 гг., как правило, обвинялись в дискредитации советской власти (либо отдельных ее звеньев или представителей), в троцкизме, сочувствии к Ханджяну¹² и восхвалении буржуазных порядков.

В 1953 году было осуждено 17 человек. Из них к 25 годам лишения свободы были приговорены Мнацакан Семенович Ованнисян, Рафик Марутович Аракелян, Симон Анушаванович Арзуманян, Александр Мирзоевич Лалаян, Жорж Хачикович Овакимян. К 10 годам лишения свободы были приговорены Григор Газарович Джараджян, Саргис Аветисович Шагинян, Сероб Григорьевич Овсепян, Григор Минасович Сагателян, Хачатур Бегоевич Симонян-Хансамян, Геворг Аракелович Сахкалян. К 8 годам заключения приговорили Георгия Павловича Кешишяна, Давида Мартиросовича Шагламяна, Мнацакана Овсеповича Мовсисяна, Бурастан Багратовну Айрапетян-Навоян. К 5 годам лишения свободы был приговорен Гарегин Васильевич Багдасарян, а срок заключения, осужденного в упомянутом году Мисака Леоновича Петросяна нам неизвестен.

В 1954 году было осуждено 14 человек. К 25 годам лишения свободы был приговорен Абрам Еремович Ованнисян. Сарибек Карапетович Варданян и Варужан Мукучевич Мартиросян были осуждены на 15 лет. К 10 годам лишения свободы были приговорены Айказ Ованнесович Гавалаян, Анушаван Авагович Папоян, Грач Варданович Вердян, Сукиас Саргисович Мкртчян, Григор Тадевосович Овакимян, Санасар Сароевич Асатрян, Назар Мурадович Асатрян, Грач Ованнесович Геворгян. Артавазд Минасович Масунян был приговорен к 8 годам заключения. К 5 годам лишения свободы были приговорены Акоб Мкртычевич Акобян и Геворг Абрамович Геворгян. Последний под псевдонимом «Ко-

патель» («Порпорох») написал и отправил письма антисоветского и антикоммунистического содержания секретарю ЦК КПСС и в редакцию газеты «Советская Армения».

Пять человек были осуждены в 1955 году. К 10 годам лишения свободы приговорили Сандро Шакаревича Гришяна и Ваана Дарчоевича Ананяна, к 8 годам – Вагаршака Ованнесовича Каграманяна, к 5 годам - Размика Вазгеновича Галстяна, к трем годам – Кнарик Азатовну Гаспарян. Последние двое обвинялись в изготовлении антисоветских листовок. Текст написал Размик Галстян, а Кнарик Гаспарян напечатала его на машинке.

После 1955 года ощущается явное смягчение в плане назначения сроков наказания. За тот же или более серьезный проступок людей приговаривали к значительно меньшим срокам заключения.

В 1957 году было осуждено 11 человек. Анна Минасовна Срапян, которая родилась во Франции и репатриировала в 1949 году, позже пожелала вернуться во Францию, выразив недовольство по поводу условий жизни в Советском Союзе, за что была приговорена к шести месяцам лишения свободы. Арменак Манукян пишет, что она была приговорена к 6 годам лишения свободы, но впоследствии эта мера была заменена на 3 года условно. Недовольный советским строем, репатриант Мазман Погосович Арутюнян отправил телеграмму в посольство США с просьбой о предоставлении ему возможности переселиться в эту страну, в результате чего был приговорен к 5 годам лишения свободы. Были осуждены и приговорены к различным срокам заключения и другие французские репатрианты: Ованнес Гаспарович Тер-Хачатрян - к 5 годам, Ваан Арутюнович Кереседжян – к 3 годам, Назар Хачикович Инджян – к 3 годам лишения свободы. Все трое, будучи антисоветски настроенными, желали вернуться во Францию. Карапет-Арутюн Мкртычевич Егиазарян распространял листовки с антисоветским содержанием и был за это приговорен к 5 годам

лишения свободы. Виктор Абрамович Аллахвердов был приговорен к 2 годам лишения свободы из-за своих письменных заявлений в советские государственные органы. К трем годам лишения свободы был приговорен Левон Минасович Мартиросян – за то, что обратился с просьбой о предоставлении гражданства в посольство Югославии в Москве и отказался от гражданства СССР.

Французский репатриант Карапет-Карпис Хачикович-Шарлевич Манукян еще в 1948 году пытался тайно пересечь государственную границу СССР, был задержан и осужден, но все же не терял надежду вернуться во Францию. Он написал письма своим родственникам, живущим во Франции, а также репортеру французской газеты, с просьбой предпринять хоть какие-то меры для его возвращения во Францию. Советская власть расценила эти письма как антисоветские и приговорила Манукяна к 6 годам лишения свободы. К такому же сроку приговорили в тот год и Торгома Тадевосовича Акобяна – за антисоветские высказывания. Последним осужденным в 1957 году за антисоветскую агитацию и пропаганду был Вруйр Геворгович Галстян. Согласно списку СНБ, предоставленному Комиссии по правам человека при Президенте РА, он был освобожден от ответственности и передан под опеку родителей, но информация, которую опубликовал в своей книге Арменак Манукян, свидетельствует о том, что Галстян был все же осужден, а затем переведен в психиатрическое учреждение для принудительного лечения. По версии Арменака Манукяна, такая же участь – принудительное лечение в психиатрической больнице – постигла и Мазмана Погосяна.

В 1958 году было осуждено 6 человек. За анонимные письма, адресованные представителям советской власти, был осужден на два года Армо Айкович Шагинян. К 2 годам лишения свободы был также приговорен Агабек-Агван Карапетович Аршакян, к 5 годам - Ашот Вагаршакович Газарян, к 3 годам – Карлен Мовсе-

сович Варданян, к одному году лишения свободы были приговорены Альберт Седракович Восканян и Вардан Григорьевич Сарибеков. Четверо последних были осуждены по одному и тому же делу: Ашот Газарян был автором текста, который в виде листовок он распространял вместе с Карленом Варданяном в городе Гюмри (бывший Ленинакан). Содержание этой листовки наилучшим образом соответствует настроениям конца 60-х 70-х и 80-х годов. В этом тексте затрагивается идея создания независимой Армении, которой предстояло через много лет стать основным ориентиром для армянских диссидентов. Фактически гюмриец Ашот Газарян опередил свое время. Жаль, что нам ничего не известно о дальнейшей судьбе этого человека.

Вот текст листовки, который написал и распространил в Гюмри Ашот Газарян:

«Армянский народ! Пришло время разоблачить ложь, скрывающуюся под маской демократии, которую мы слишком долго вынуждены были безмолвно терпеть, позволяя обманывать нас. Теперь же пробил час, когда нам, армянам, следует стряхнуть груз порабоощающей коммунистической диктатуры, лежащей столь тяжким бременем на наших плечах. Пришло время задуматься о необходимости создания независимого и самостоятельного единого государства. Мой любимый народ, дорогие мои, восстаньте и будьте готовы защитить интересы нашего единства. Ваш вопрос обсуждается повсеместно, даже - в ООН, и каждый армянин-патриот обеспокоен вашей судьбой, вашим счастьем и будущим. Пусть сгинет эта подлая и лживая коммунистическая диктатура, которая представляет собой лишь преграду на пути к воссоединению армянской нации. Да здравствует будущее армянское свободное и независимое государство!».

(Текст - из книги Арменака Манукяна

«Политическое инакомыслие в Армении - 1950-1988 гг.»)

«Дело семерых»

**Хачатур Амирджян, Хачик Сафарян, Виген Бабалян,
Григор Егиян, Эдуард Какосян, Карапет Кирамиджян
и Меружан Оганнисян**

В 1961-1962 гг., в результате хрущевской оттепели, в Ереване начала свою деятельность обширная организация - Союз армянский молодежи (САМ), которая не имела ни четко сформированной структуры, ни письменно сформулированных устава и программы. В состав этой организации входили студенты и преподаватели, представители интеллигенции и самых разных социальных слоев общества. Группы и отдельные лица, участвующие в деятельности или входящие в состав организации САМ, которая разворачивала свою деятельность в первые годы шестидесятых, были более чем разнообразными. У них не было единой идеологической опоры, их представления о стратегии и тактике могли не только существенно отличаться, но и находиться на диаметрально противоположных полюсах. Там были и люди, поддерживающие коммунизм и социализм, и те, кто вовсе не ставил перед собой никаких политических целей, а также люди просто свободомыслящие, и крайне редко встречающиеся в тот период деятели, имеющие подчеркнуто антисоветские взгляды и поддерживающие идею независимости. Всех их объединяла озабоченность вопросом возвращения утраченных армянских территорий, находящихся в составе Советского Союза, Нахичевана и Карабаха, а также приобретения права свободно говорить о Геноциде армян и отмечать день памяти жертв Геноцида.

Словом, ни антисоветской, ни антикоммунистической эта организация по своей форме не являлась, но это вовсе не означало, что ее отдельные представители не могли в той или иной степени

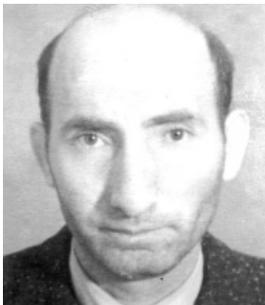
критиковать либо даже отвергать те или иные проявления внешней и внутренней политики советского государства, придерживаться крайне антисоветских взглядов и, более того, открыто говорить или писать о необходимости создания независимой Армении.

У союза был свой Совет, членами которого были в дальнейшем осужденные по «Делу семерых» Хачатур Амирджян, Хачик Сафарян, Виген Бабаян, Григор Егиян, Эдуард Какосян, Карапет Кирамиджян и Меружан Оганнисян. Судя по приговору, опубликованному по этому делу, в отличие от других членов САМ, Хачик Сафарян, Карапет Кирамиджян, Виген Бабаян и Меружан Оганнисян пытались придать своей организации четко сформированный, организованный характер. К ним присоединился также Хачатур Амирджян. Были собраны членские взносы, была создана действующая структура, и от обсуждений и предложений они перешли к конкретным действиям. Хачатур Амирджян и Хачик Сафарян приступили к написанию программы организации.

Многие из членов САМ после приговора, который был вынесен по «Делу семерых», прекратили свою деятельность, но некоторые, напротив, продолжили дело Союза и позже: в шестидесятых годах периодически либо осуждались по различным уголовным делам, либо появлялись в зале суда в качестве свидетелей. «Дело семерых» известно еще и как «Дело семи патриотов». Аресты по этому делу начались в декабре 1963 года, а судебный процесс длился с 5-го по 26-е августа 1964 года. Членам группы было инкриминировано обвинение по 1-й части 65-й статьи УК Армянской ССР (антисоветская агитация и пропаганда) и - по 67-й статье (организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации).

Хачик Сафарян

*Хачик Сафарян
фото из уг. дела*

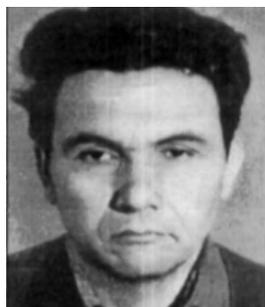
Виген Бабаян

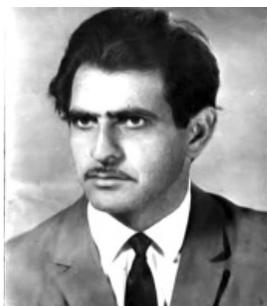
Меружан Оганнисян

*Меружан Оганнисян
фото из уг. дела*

Хачатур Амирджанян

Эдуард Какосян

Карапет Кирамиджян

Григор Егиян

Хачатур Джумшугович Амирджян - родился в 1924 году в Иджеванском районе.

Работал в Ереванском институте ветеринарии и животноводства. Еще до знакомства с будущими своими единомышленниками по «Делу семерых» он уже имел вполне определенное мнение по поводу порядков и морали, царящих в Советском Союзе. В написанной в 1962 году статье «Сорок пять лет диктатуры пролетариата», которая позднее была отредактирована и переименована в «Заявление Всесоюзного патриотического общества», он вполне уверенно выразил антисоветские взгляды. В обработанной версии его статья приобрела законченный программный характер. Статья призывает к свержению советской власти, критикует национальную политику, проводимую в советском государстве, и, что более важно, в ней есть конкретные предложения по формированию новой власти. Хачатур Амирджян был избран членом правления организации Союз армянской молодежи. Вместе с другим членом Совета организации - Хачиком Сафаряном, был назначен разработчиком программы организации.

Он был арестован 22 января 1964 года и приговорен к пяти годам заключения. Отбывал свой срок в Мордовии – в зоне для политзаключенных. Пробыв в заключении менее 3 лет, Амирджян был досрочно освобожден и вернулся в Армению. Работал в издательстве «Митк» («Мысль»). Ушел из семьи. За неимением собственного жилья, проживал в одной из комнат издательства. В результате продолжительной болезни ему ампутировали ногу. Покинутый всеми, умер в одиночестве в 1969 году.

Хачик Элоевич Сафарян – родился 1 апреля 1932 года в селе Неркин Базмаберд Талинского района. В 1952 году поступил в Ереванский сельскохозяйственный институт. После окончания учебы в 1957-1959 годах работал учителем и агрономом в селе Какавадзор Талинского района. В 1959-1962 гг. учился в аспирантуре

сельскохозяйственного института. В 1962-1963 годах работал методистом в том же институте. Получил степень кандидата сельскохозяйственных наук.

Он был одним из самых активных членов Союза армянской молодежи. В соответствующей части приговора по «Делу семерых» о нем говорится: «В ходе различных встреч с участием Сафаряна обсуждался ряд организационных вопросов, в частности, такие вопросы, как введение членских билетов, установление и сбор членских взносов, приобретение оружия и печатного станка, - причем зачастую его мнение не совпадало с мнением других обвиняемых. Так, например, он был против массового тиражирования членских билетов, считая, что необходимо иметь ограниченное количество членских билетов – в целях пропаганды. Был также против приобретения оружия, отмечая, что самым мощным их оружием является пропаганда, которой следует уделить основное внимание».

Сафарян тяготел к идее независимости и пропагандировал создание независимой Армении, что было выявлено в ходе предварительного следствия и, в числе прочего, легло в основу обвинений, выдвинутых против него.

Хачику Сафаряну и Хачатуру Амирджаняну было поручено написать программу и устав организации, которые они не успели дописать из-за ареста.

Хачик Сафарян был арестован 29 декабря 1963 года и приговорен к четырем годам лишения свободы. Отбывал свой срок в лагере для политзаключенных в Мордовии. После освобождения подпольной деятельностью не занимался.

В 1970-1990-х годах в качестве научного сотрудника работал в Армянском НИИ садоводства. Является автором ряда профессиональных научных трудов и школьных учебников. В 1990 году Хачик Сафарян был избран в Верховный Совет РА, а

в 1995-м - депутатом Национального Собрания РА. Являлся членом постоянной комиссии НС по финансово-кредитным, бюджетным и экономическим вопросам. Скончался 5 июня 2001 года в Ереване.

Бабаян Виген Асатурович - родился в 1940 году в Ереване. До ареста был студентом филологического факультета Ереванского государственного университета. Является сыном Асатура Бабаяна, осужденного в 1969 году по делу группы «Во имя Родины». Тайно переправленная на Запад поэма Вигена Бабаяна «Завещание сыну-армянину» была опубликована в Бейруте в еженедельнике «Спюрк» («Диаспора») и в Париже - в газете «Айастан» («Армения»), что впоследствии также послужило основанием для предъявления ему обвинения. В зале суда Бабаян заявил, что поэма отображает его мировоззрение и взгляды, отказываться от которых он не намерен. Строфа из поэмы Вигена Бабаяна была избрана в качестве эпиграфа к 38-страничному журналу, который издала сформированная в 1968 году подпольная группа «Во имя Родины».

Бабаян организовал и руководил отдельным кружком, входившим в организационный состав Союза армянской молодежи. На протяжении всей деятельности САМ он являлся одним из самых активных членов этой организации. В своих выступлениях в ходе собраний Бабаян предлагал организовать в Ереване 50-тысячную демонстрацию с выдвиганием требований национального характера, и об этом с сарказмом в качестве «авантюристической идеи» упоминается в тексте приговора. Но через восемь месяцев после вынесения приговора – в 1965 году в Ереване состоялась знаменитая апрельская демонстрация, в которой приняло участие гораздо больше людей, чем Бабаян Виген мог предположить в своих мечтах. Эту демонстрацию можно считать лучшей оценкой деятельности «Семи патриотов» и достойным ответом на их осуждение.

Бабаян был арестован 29 декабря 1963 года в возрасте 23 лет. Он получил 5 лет лишения свободы. Срок свой отбывал в Мордовии.

После своего освобождения вернулся в Армению. Работал на радиостанции «Циациан» («Радуга»). В конце 1970-х ему удалось опубликовать в Советской Армении небольшой сборник стихов. В 1981 году он переехал в США. Работал на радиостанции «Голос Америки». Бабаян является автором сборников стихов и переводов. Много переводил русских поэтов, в том числе Жуковского, Лермонтова, Петра Вяземского, Александра Блока, с английского языка переводил произведения Томаса Грея, Уильяма Блейка, Уолта Уитмена, Томаса Элиота, Эдгара По и других. Скончался от рака 16 декабря 2004 года.

Егиян Григор-Ованнес Акобович - родился в 1926 году в Иерусалиме. Настоящая фамилия – Егияян, но в материалах уголовного дела он проходит под фамилией Егиян. Он был вардапетом (архимандритом), получил блестящее образование, владел английским языком, был одним из самых эрудированных и многогранных людей своего времени. Являлся личным переводчиком Католикоса Всех Армян Вазгена Первого¹³. Во время обыска у него были обнаружены и конфискованы 3 статьи:

- «О правах человека»;
- «Право каждого человека»;
- «Теория человеческой истории».

В этих статьях Егиян подверг критике политическое и экономическое положение в Советском Союзе, пытался обозначить основные направления национальной политики и пути освобождения армянского народа.

В статье «Теория человеческой истории» он писал о необходимости создания независимой Армении, свободной от советского строя. Первые две из упомянутых статей не были

распространены и обнаружались в рукописном варианте в квартире Егияна. А третья статья - «Теория человеческой истории» - была напечатана и распространена, благодаря усилиям Меружана Оганнисяна. Следствие охарактеризовало эту статью как антисоветскую и националистическую, и она легла в основу обвинения, выдвинутого против Егияна. То обстоятельство, что Егиян был переводчиком Католикоса, позволяло ему добывать запрещенную в Союзе, публикуемую за рубежом литературу, статьи и журналы. Благодаря ему члены САМ получили, а затем широко распространили такие ценные материалы, как журнал «Миджнаберд» («Цитадель»), еженедельник «Спюрк» и «Мемуары» Каро Поладяна¹⁴. Григор Егиян был арестован 29 декабря 1963 года и осужден на 2 года. Отбывал срок на политзоне в Мордовии. После освобождения вернулся в Армению. Работал в школе им. Егише Чаренца учителем английского языка. Позже перебрался в США. Скончался в 2018 году.

Какосян Эдвард Варданович – родился в 1936 году в Ереване. До задержания был студентом филологического факультета ЕГУ. Одновременно работал в средней школе учителем армянского языка и литературы. Основал объединение «Месроп Маштоц», которое занималось вопросами чистоты и сохранения армянского языка, затем основал кружок «Айказун». Как организация «Месроп Маштоц», так и кружок «Айказун» имели единую цель – обеспечить сохранность и чистоту армянского языка. По сути, его деятельность не имела политического подтекста, более того - не являлась ни тайной, ни подпольной. Однако он, безусловно, был приверженцем идей «Союза армянской молодежи» и принимал участие в дебатах и организационных работах САМ, собраниях, но все же продолжал оставаться прежде всего руководителем кружка «Айказун» и основным своим делом счи-

тал решение задач, которые ставил перед собой этот кружок. Какосян являлся автором статей «Что такое слияние народов, и кому это нужно?» и «Приветствие армянским друзьям в Кировабаде¹⁵». В этих статьях он поднял вопросы, касающиеся русификации и вытеснения армянского языка из той или иной сферы жизни, затронул вопросы, связанные с необходимостью сохранения армянского языка, его чистоты, а также подверг критике национальную политику СССР, в результате которой армянский народ оказался перед угрозой потери родного языка и национальной идентичности. Все упомянутые статьи были напечатаны, размножены и распространены. Советская власть расценила их как антисоветчину и проявление крайнего национализма, и Какосяна вместе с шестью членами совета правления САМ обвинили по 65-й статье (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статье (организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК Армянской ССР.

Эдвард Какосян был арестован 30 декабря 1963 года. Был приговорен к 1.5 годам лишения свободы. Срок отбывал в Мордовии, в лагере для политических заключенных. Отбыв свой срок, вернулся в Армению, работал учителем.

В 1979 году Какосян переехал в США. Там он познакомился и сблизился с армянскими язычниками, затем принял язычество, был посвящен в жрецы под именем Слак. В 1988 году вернулся в Армению. В 1990 году основал в Армении языческую общину и стал ее верховным жрецом. Написал священную книгу язычников – «Ухтагирк». Является автором многочисленных очерков и книг: «Арагатская мифология», «Ассамблея армянского языка» и т.д. Скончался в 2005 году, 24 августа.

Кирамиджян Карапет-Каро Погосович – родился в Бейруте в 1940 году. До ареста был студентом химфака ЕГУ. Одним из

основных обвинений, выдвинутых против него и упомянутых в приговоре, являлось привлечение новых людей в действующие группы, входящие в состав САМ в 1962 и 1963 годах.

Он был крайне активным деятелем. Принимал участие во всех важных собраниях и встречах, часто выступал перед собравшимися. Он был из редкого в те годы числа деятелей, которые всецело поддерживали идею независимости. Кирамиджян также считался одним из «экстремистски настроенных» членов организации, который не был против приобретения оружия и допускал, в случае необходимости, его применение. В ходе судебного заседания он и не думал отказываться от предъявленного подобного обвинения и заявил, что «... его (оружие, – ред.) следует использовать для уничтожения тех, кто мешает нашей работе, а также - для ликвидации людей, подобных Кариняну». Речь шла об Арташесе Кариняне (1886-1982) - армянском большевике, деятеле коммунистической партии, литературном критике, который с 1956 года являлся действительным членом Академии наук Армянской ССР и еще с 1920-х придерживался весьма популярной в те годы среди коммунистов точки зрения, согласно которой существование Республики Армения как отдельной единицы не является целесообразным, и ради русско-турецкой дружбы и победы мировой социалистической революции следует пожертвовать армянскими интересами в пользу Турции и Азербайджана. В частности, в своей статье, опубликованной в 1926 году в русскоязычном журнале «Экономический вестник ССР Армении», он пишет: «Следует покончить с идеей собирания и концентрирования армян в Армении, с идеей, которая до сих пор живет в сознании народных масс. Отсутствие земельного фонда является причиной того, что процветает национальный романтизм и армяне стремятся завладеть своими «кровными землями», а также одержимы идеей «единой и независимой Армении». Следовательно, прежде всего, необходимо:

- А) положить конец идее сбора армян в Армении, а затем –
- Б) расселить проживающих в стране 300 тысяч мигрантов - западных армян, в бескрайних просторах России».

Каро Кирамиджян был арестован 29 декабря 1963 года и осужден на 2 года. Срок отбывал в Мордовии, в лагере для политических заключенных. Отбыв свой срок, вернулся в Армению, работал по специальности, а в 1970-х эмигрировал в США, где и проживает по сей день.

Оганнисян Меружан Арташесович – родился в 1940 году в Эчмиадзине. В его квартире часто проводились собрания организации. Одно из них было проведено в 1963 году, в нем приняло участие несколько десятков человек и был избран состоящий из семи человек совет САМ.

Он являлся одним из немногочисленных сторонников идеи независимости. В приговоре говорится, что в ходе тайных собраний Оганнисян пропагандировал идею создания независимой Армении - свободной от советского строя. О своих взглядах и приверженности идеи независимости Армении он объявил открыто и в зале суда. Для создания подпольной типографии Меружану Ованнисяну удалось добыть шрифты, затем вместе с Карапетом Кирамиджяном они заказали у эчмиадзинского мастера печатный станок. До появления печатного станка, членам группы удалось достать печатные машинки, а в советское время это было делом непростым.

Меружан Оганнисян и Виген Бабаян написали совместную статью «28 мая», которую позже Оганнисяну удалось вместе с поэмой Вигена Бабаяна «Завещание сыну-армянину» переправить за границу для публикации в зарубежной армянской прессе. Затем, также совместными усилиями, они написали ответную статью в связи с опубликованным в 1921 году в печатном органе Народного Комиссариата по делам национальностей Советской Рос-

сии антиармянским очерком Анатолия Скачко «Армения и Турция на предстоящей конференции». Эта статья удостоилась столь позднего – спустя 42-43 года- ответа по той простой причине, что советской армянской общественности о ней не было известно. О существовании статьи Скачко армянские вольнодумцы узнали лишь на заре шестидесятых, когда окольными путями к ним в руки попал выпуск издаваемого в Ливане еженедельника «Наири». В своей статье Анатолий Скачко продвигал очень популярный в большевистских кругах тезис, согласно которому следует пожертвовать интересами армянского народа во имя укрепления дружбы между Турцией и Советской Россией. Приверженцами этой идеи являлись такие значимые в Советской России фигуры, как Радек¹⁶, Зиновьев¹⁷, Ленин, Сталин и многие другие. К ним присоединились и армянские большевики. В этой статье и в своих выступлениях Скачко настолько открыто и прямолинейно представлял эту распространенную в их окружении точку зрения, что даже Сталин насторожился. В одной из отправленных Орджоникидзе телеграмм, он пишет: «Говорят, в Баку усиливается национализм, обрати на это внимание. Судя по тезисам Скачко, он адвокат турецкого национализма».

Меружан Ованнисян был арестован 29 декабря 1963 года. Был приговорен к 5 годам лишения свободы. Из-за мятежного поведения на зоне его режим ужесточили, и из мордовского политлагеря его перевели во владимирскую тюрьму, где он и отбывал оставшийся срок заключения.

После освобождения он вернулся в Армению. Продолжал поддерживать связь с диссидентскими кругами. В 1969 году участвовал в подготовительных работах второго выпуска газеты «Еркунк», которую издавала Национальная объединенная партия (НОП). Принимал участие также в обработке передовицы – статьи под заголовком «Армения будущего», которая,

однако, не была опубликована по причине ареста членов НОП. Меружан Ованнисян живет в Ереване. Он единственный из осужденных в 1964 году семерых, который сегодня принимает участие в общественной жизни Армении. Публикует очерки и статьи. Является автором поэтических сборников, книг и мемуаров. Публике известен под литературным псевдонимом «Меружан».

Рассказывает Меружан Оганнисян

В 1962 году возникло движение, которое, по сути своей, было патриотическим. В результате дискуссий и в процессе этого движения, сформировалась наша организация – Союз армянской молодежи, состоящая из 96 человек. Первое заседание организации прошло 5 апреля 1962 года. Все 96 членов САМ всегда участвовали на проводящихся собраниях и дискуссиях. Принцип взаимопомощи действовал в группе на очень прочных основах. Если кто-то из членов группы оказывался в затруднительном положении, ему непременно оказывалась помощь из собранных группой средств. Правда, средств этих было мало, размер оказываемой помощи мог быть совсем незначительным, но, тем не менее, она обязательно оказывалась. Группа проработала полтора года. Семеро из нашей группы составляли руководящий орган организации. Первым был Хачатур Амирджанян - 1924 г.р., родом из Иджеванского района. Этот человек был выходцем из крестьянской семьи - добрый, порядочный, очень образованный человек, кандидат наук, который преподавал философию в Ереванском государственном зооветеринарном институте. Он был одним из немногих специалистов немецкого языка, изучавших в оригинале произведения Канта, Гегеля и других немецких философов. Темой его диссертации являлся анализ философии Канта и Гегеля. Имел

четырёх сыновей. С момента формирования нашей группы и до самого ареста он был одним из самых активных наших деятелей. В то, что приписывается Хачику Амирджанияну после его освобождения, я не верю. Хачик Амирджаниян был единственным из нас, кто признался в своей вине и покаялся во время судебного процесса. Тогда мы не осудили его за это. В дальнейшем он был освобожден досрочно. Он был первым, кто пришел навестить меня после моего освобождения. Во время нашей встречи он жаловался, что некоторые люди предъявляют ему необоснованные обвинения. Лично я не думаю, что после освобождения у него были какие-то основания или мотивы для сотрудничества с КГБ. Если бы для своего спасения он согласился сотрудничать с КГБ, то сделал бы это, в первую очередь, находясь в заключении, но я ни разу не слышал, чтобы на зоне о нем кто-то говорил с подозрением.

Следующим в группе был вардапет (архимандрит) Григор Египтянин. Григор вардапет, он же - Ованнес, был чрезвычайно образованным человеком, блестящим знатоком английского. Занимался переводами с английского языка. Был переводчиком Католикоса Вазгена. До своего ареста он сопровождал Его Святейшество во время отдыха в Карловых Варах в Чехословакии, был задержан сразу по возвращении.

Третьим представителем совета был Хачик Сафарян, кандидат сельскохозяйственных наук.

Виген Бабаян был востоковедом, специалистом арабского языка, студентом-отличником и, несмотря на то обстоятельство, что углубился в востоковедение, считался пятикурсником филологического факультета. Я, Виген и Кирамиджян Карапет одного года рождения – 1940-го- были ровесниками и близкими друзьями.

Карапет Кирамиджян в дальнейшем стал кандидатом химических наук. В годы нашей дружбы и деятельности нашей организации он был еще студентом химического факультета Ереванского

государственного университета. В совершенстве владел турецким языком.

Эдвард Какосян не имел никакого отношения к нашей группе. У него был свой кружок, который занимался сохранением чистоты языка. Как руководитель этого кружка он только два или три раза присутствовал на наших собраниях. Непосредственного участия в деятельности нашей организации он не принимал, никакой антисоветской или националистической деятельностью не занимался. Его арестовали исключительно из-за того, что он пару-тройку раз пересекался с нами.

Седьмым представителем нашего совета был я – Меружан Оганисян. Я получил среднее образование в школе им. Микояна. В конце 1953 года отец повез меня в Эчмиадзин¹⁸ и велел поступить в Духовную семинарию, которую я посещал на правах курсиста в 1954-1960 годах. Во время учебы в семинарии я слушал выступления Католикоса Вазгена I. Вечером перед уроком теологии он читал нам лекцию по философии. До лекций Католикоса, я, будучи семинаристом, не до конца понимал, где и чему я учусь. Лекции Его Святейшества оказали решающее влияние на мое становление.

В 1958 году я был задержан и осужден за ношение оружия. Оружие, которое обнаружили у меня, принадлежало моему отцу. Он в 1909 году принимал участие в греко-турецкой войне, затем участвовал в армяно-турецких битвах, и с тех пор у него оставалось порядка шестидесяти единиц разного рода оружия и патронов. Все боеприпасы он хранил дома. Я был арестован за ношение пистолета системы наган. Сразу после моего ареста отец вывез из дома все хранящееся оружие и спрятал в другом месте, так что в результате обыска, кроме изъятых у меня нагана, в доме ничего не обнаружили. Я заявил, что наган принадлежит мне, и меня осудили на три года лишения свободы. Отец же, используя все свои связи и возможности, смог добиться моего освобождения по амнистии.

Я выходец из семьи потомственных репрессированных, и вовсе не удивительно, что и сам оказался в аналогичном положении. Дед мой служил священником в церкви Св. Месропа¹⁹ в Ошакане. В 1937 году он был арестован. На третий день ареста его дочь - моя мать, принесла для отца еду, которую у неё молча приняли. На восьмой день она принесла следующую передачу, которую также приняли, но к ней подошел надзиратель и сказал: «Сестричка, сегодня ночью были расстреляны все 30 священников, в том числе твой отец. Не приноси больше еду». Мама в слезах возвратилась домой и сказала своим братьям, что отца расстреляли. Вскоре после этого один из братьев был арестован и убит, а другой брат был арестован в 1946 году и, не смирившись с невыносимыми условиями, покончил жизнь самоубийством на зоне. Оба моих дяди были обвинены в национализме - универсальное обвинение, широко распространенное в те годы. Мой отец также был арестован, но до осуждения дело не дошло. Когда отца арестовали, наш сосед посоветовал маме устроить меня в русский детский сад: такой шаг мог спасти нашу семью - избавиться от клейма «националист». Мать прислушалась к его совету. Я посещал русский детский сад, но учился в армянской школе. Время нашего ареста попадает на период с 29 по 30 декабря 1963 года, а 26 августа 1964 года нас приговорили к различным срокам заключения. Самое суровое наказание получили я, Виген Бабалян и Хачатур Амирджян - пять лет лишения свободы.

Мы с Вигеном были самыми активными деятелями организации. Ответную статью на антиармянский очерк Анатолия Скачко 1921 года издания мы подготовили вместе с Вигеном Бабаляном. Этот опус Скачко был в Армении неизвестен. О нем никто не знал. Он так и остался бы неизвестным, если бы редактору ливанского еженедельника «Наири» Андранику Царукяну²⁰ не удалось переправить к нам выпуск газеты, где многие годы спустя был

вновь опубликован этот очерк. Мы распечатали ответную статью и распространили ее. Благодаря усилиям польки Марии Гроховской – преподавательницы эчмиадзинской семинарии и в высшей степени интеллигентной женщины, наша статья была переведена на польский язык и опубликована в Польше.

После приговора нас переправили в Мордовию. Как-то на этапе в Рязани, когда нас сопровождал конвой, Хачик Амирджянн споткнулся и, сильно ударившись ногой о рельсы, упал. Собаки охранников молниеносно отреагировали и бросились на него. А нам не позволяли приближаться. Один из конвоиров, несколько раз сильно пнув Амирджяна по поврежденной ноге, потребовал, чтобы тот немедленно встал. А он никак не мог подняться. Когда же до них наконец дошло, что он не в состоянии встать самостоятельно, нам позволили подойти к нему и помочь. Этот ушиб, по всей видимости, вызвал в дальнейшем осложнения. В итоге, позже ему пришлось ампутировать ногу. Вообще, ударить зека без причины было делом обычным. Скажем, ведут тебя в обмывочную или куда-то еще, и вдруг получаешь сильнейший удар дубинкой в спину - совершенно неожиданный удар, который сопровождается выкриком «куда бежишь». Естественно, ты замедляешь шаг и тут же получаешь второй сильнейший удар, сопровождаемый рывканьем «шевелись, чего встал».

Сначала мы все находились в 7-й колонии для политзаключенных. Некоторое время спустя меня за непокорность отделили и переместили в 11-ю колонию. Но и там я не изменил своего поведения. В итоге, по инициативе администрации зоны, был подан иск и состоялся так называемый суд, который принял постановление об ужесточении моего режима, и меня отправили во владимирскую тюрьму, где я провел весь оставшийся срок своего заключения (два года и семь месяцев). Там сидели как уголовники, так и политзеки. Политзаключенные были отделены от

преступников, и мы никоим образом с ними не контактировали. Там я встретил много выдающихся людей. За три дня до моего освобождения из Владимирской тюрьмы мне был выдан на подпись документ, согласно которому я должен был находиться под надзором в течение одного года после отбывания срока. Целый год я не имел права находиться в общественных местах, посещать центры культуры, церкви, выходить из дома после 17:00 и т.д. После освобождения мы продолжали общаться с товарищами. Наша связь не прервалась. Особенно близкими друзьями были мы трое - я, Виген Бабаян и Карапет Кирамиджян. Остальные были значительно старше и проявляли осторожность. Много позже, в конце 70-х, Кирамиджян и Виген Бабаян покинули Армению и обосновались в Соединенных Штатах. На сегодняшний день из так называемых «Семи патриотов» в Армении остался только я.

Трехлетняя пауза

С августа 1964 года до мая 1967-го в Армении практически не было политических судебных процессов. Возможно, причина заключалась в том, что подпольные и полуподпольные события вполне вписывались в установленные властями рамки дозволенного. Они в основном носили сугубо патриотический характер и не противодействовали советской власти.

В 1965 году в Ереване состоялась мощная, многолюдная демонстрация. Эта акция не носила антисоветский характер. Она скорее была национальной, являлась результатом пробуждения национального самосознания и выдвигала следующие требования: право отмечать день памяти жертв Геноцида 1915 года и строительство мемориала, который можно будет посещать каждый год 24 апреля. В конце концов, народ, подвергшийся геноциду и потерявший свои земли, должен был получить право на поминовение жертв и потерь, тем более, что еще было живо поколение, пережившее ужасы резни. Во время митинга звучали выступления и об утраченных территориях, и о Геноциде, и было озвучено требование к советской власти выразить четкую позицию по этим вопросам. В результате из Москвы поступило разрешение на строительство памятника Геноциду армян.

Несмотря на то что демонстрация не имела политической окраски и не была антисоветской, она послужила мощным стимулом для развития новых политических событий и развенчала многие табу. Молодежь, воодушевленная успехом демонстрации, даже совсем юные ее представители – школьники, начали создавать нелегальные и полуполигальные кружки, объединяться и формировать целые союзы, изготавливать стенгазеты и листовки, распространять их. В результате этой демонстрации общественность, в особенности люди, вовлеченные в диссидентскую поли-

тическую борьбу, начали осознать, что существует надежда, реальная возможность бросить вызов существующим порядкам, что тысячи людей готовы выйти на улицу и заставить власть отступить. Среди диссидентов начинает формироваться убеждение, что Советский Союз также несет ответственность за беды и потери армянского народа.

На фоне нового менталитета начинают возникать новые организации. В 1966 году, в день памяти жертв Геноцида – 24 апреля, некоторые организаторы демонстрации 65-го года попытались повторить прошлогодний опыт, но в этот раз власти подготовились заранее. Большая демонстрация не удалась: участники собрались возле могилы Комитаса²¹ в Пантеоне, но акцию быстро разогнали, а некоторых активистов арестовали. Эти события не могли не иметь последствий. В 1966 году формируется (и действует до осени 1987 года) Национальная объединенная партия (НОП), которая борется уже за независимость Армении и является откровенно антикоммунистической по своей природе, а в 1967 году появляется еще одна антисоветская организация - «Во имя Родины». Наряду с этим формируются и разворачивают деятельность многочисленные организации и кружки, в состав которых входят если не радикальные противники советского строя, то наверняка люди свободомыслящие, придерживающиеся либеральных взглядов. Из числа таких организаций можно выделить «Армянский юношеский союз», «Союз армянских патриотов», «Движение за воссоединение Армении» и другие молодежно-студенческие объединения и группы.

10 мая 1967 года состоялся суд над Фрунзиком Абрамовичем Мкртчяном и Сергеем Андраниковичем Мелконяном. Каждого из них приговорили к 10 месяцам лишения свободы. Столь мягкое наказание объясняется лишь тем, что они не успели развернуть активную деятельность. Мкртчян и Мелконян обвиня-

ются в формировании национально-патриотической группы молодых людей, в критике национальной политики СССР, в устных призывах бороться за независимость Армении, озвученных во время дебатов, и в разработке программы по созданию партии. Еще в 1963 году они участвовали в большом собрании Союза армянской молодежи (САМ) в Эчмиадзине, в доме Меружана Оганяна, где был избран совет организации, состоящий из семи человек. Фрунзик Мкртчян и Сергей Мелконян были членами САМ.

Приговор по этому делу из архива Службы национальной безопасности получить не удалось. СНБ отклонила нашу просьбу предоставить документы, объяснив свой отказ тем, что у нас нет согласия самих осужденных или их потомков. К сожалению, все наши попытки найти Мкртчяна, Мелконяна или их потомков не увенчались успехом.

Митинг в Ереване 1965г.

Завен Арутюнян

Через четыре месяца после суда над Фрунзиком Мкртчяном и Сергеем Мелконяном, 4-15 сентября 1967 года, состоялся суд над Завеном Арутюняном.

Во время демонстрации 24 апреля 1965 года Завен Арутюнян был в первых рядах, вышедших на улицы города людей. Этот марш стал исходной точкой для того, чтобы научный сотрудник Матенадарана²² Арутюнян начал заниматься поиском, обработкой, печатью, тиражированием литературы национально-патриотического характера. В начале 1966 года его официально пригласили в Комитет государственной безопасности и предупредили, что деятельность, которой он занимается, является противозаконной. КГБ удалось собрать сведения о том, что он занимается распространением литературы «политически вредоносного содержания». Однако в марте того же года - то есть вскоре после предупреждения КГБ, он создает молодежную патриотическую группу - со своей программой и уставом, под названием «Армянский юношеский союз», в состав которой входят в основном школьники-старшеклассники. Программные положения кружка не противоречили принципам коммунистической идеологии и тезисам социализма. Группа, главным образом, ставила перед собой следующие цели: присоединение Карабаха и Нахичевана к Советской Армении, а также борьбу за сохранение чистоты армянского языка. Организация в основном занималась распространением листовок, которые пропагандировали патриотизм. Даже в приговоре по делу Завена Арутюняна говорится, что «листовки не являются откровенно антисоветскими, но само явление - изготовление и распространение листовок, по сути, является недопустимым, антигосударственным, чуждым и неприемлемым для нашего общества». Сам же Арутюнян заявил в зале суда, что

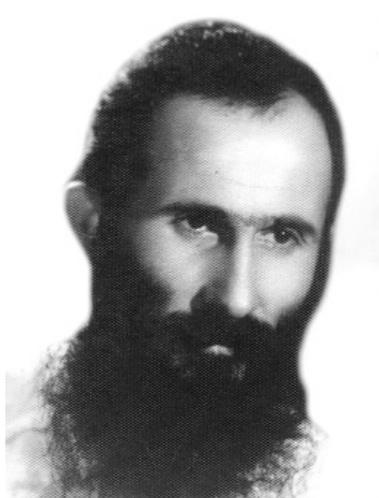
судить его за антисоветскую пропаганду и агитацию некорректно, поскольку он не занимался деятельностью, которая ставила под сомнение значимость советского строя и советской власти. Лишь однажды Завен Арутюнян явно противостоял политическому курсу СССР – в 1966 году 22 декабря, когда в газете «Советская Армения» публикуется заявление Председателя Совета Министров СССР об отсутствии территориальных претензий к Турции. В ответ Завен Арутюнян готовит текст для новой листовки под заголовком «Новогодний призыв к армянскому народу», в котором призывает армянский народ бороться за восстановление погранных прав. В новогоднюю ночь, 31 декабря, он со своей группой распространил в Ереване и Ванадзоре более тысячи листовок с упомянутым содержанием. Помимо листовок, распространенных и изданных от имени Армянского юношеского союза, по предложению Завена Арутюняна члены союза распространили также листовки с заголовком «Ко всем армянам» - от имени «Центрального совета движения за воссоединение Армении».

Судя по приговору и обобщая воспоминания знакомых Завена Арутюняна и людей, которые в тот период поддерживали с ним связь, кроме членов Армянского юношеского союза, он контактировал и с другими группами и отдельными деятелями, однако следствию не удалось выявить личности этих людей, благодаря правильному поведению Арутюняна на предварительном следствии. Так, одна из листовок была подписана организацией «Движение за воссоединение Армении». Эта организация сформировалась и разворачивала довольно активную деятельность после 1965 года. К ней имели отношение многие армянские диссиденты того периода, в том числе Завен Арутюнян и осужденный в 1969 году по делу журнала «Во имя Родины» Геворг Экимян. В ходе предварительного следствия Завен Арутюнян не дал никаких показаний об этих связях. Кроме того, он ничего не рассказал

о людях, которые снабжали его самиздатовской литературой. В начале следствия он также отрицал свою связь с Армянским юношеским союзом, понадеявшись на то, что парни, которых забрали в КГБ, скажут, что им ничего не известно. Однако под нажимом чекистов и родителей подростки все же дали показания против Завена Арутюняна, и ему пришлось сознаться в своей непосредственной связи с этой юношеской организацией. Как в ходе предварительного следствия, так и во время судебного процесса Арутюнян не признал своей вины и заявил, что не предпринимал никаких противозаконных действий.

*Завен Арутюнян
фото из уг. дела*

Завен Арутюнян

Арутюнян Завен Егишевич родился в 1936 году. Имел высшее образование, являлся кандидатом наук. Был историком по профессии. До своего ареста работал в Матенадаране в качестве научного сотрудника. Писал тексты для листовок национально-патриотического характера, координировали их печать и распро-

странение. Добывал и распространял запрещенную литературу. Был арестован 8 января 1967 года. Обвинялся по 1-й части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на особо опасные правонарушения, а также участие в антисоветских организациях) УК АрмССР. Был приговорен к трем годам лишения свободы. После освобождения вернулся в Армению, находился под наблюдением милиции. Работать в Матенадаране ему запретили. Устроился на работу в издательстве энциклопедии. В 1984 году перебрался в США. Там ему диагностировали онкологию. В 1986 году, будучи уже совершенно больным человеком, он посетил Армению и вскоре скончался в Ереване.

Движение за воссоединение Армении

В 1967 году, 25-30 ноября, в Ереване состоялся третий за тот год политический судебный процесс. Группа из семи человек была осуждена по статье 206¹ (распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). К тому времени - в мае того же года, уже были осуждены Сергей Мелконян и Фрунзик Мкртчян, а в сентябре – Завен Арутюнян. На сей раз на скамье подсудимых сидели члены «Движения за воссоединение Армении»: Мартин Саргисович Налбандян, старший научный сотрудник Ереванского государственного университета Альберт Мкртычевич Губасарян, студент ЕГУ Сурик Артаваздович Саргсян, преподаватель русского языка и литературы Мкртыч Рубенович Мовсисян, инженеры Аркадий Сергеевич Арутюнян, Рубен Гургенович Сафарян и экономист Иван-Ваник Григорьевич Степанян.

Из этой группы нам удалось найти лишь Сурика Саргсяна. Он живет в Ереване. Является профессором, доктором философских наук. Автор сборника стихов и ряда научных книг. Преподает в экономическом университете. Из его личного архива мы и получили обвинительный акт по делу группы и приговор. В качестве источника дополнительной информации нам послужила книга Арменака Манукяна «Политическое инакомыслие в Армении - 1950- 1988гг.», а также приговоры, вынесенные в отношении других политических заключенных, в которых часто упоминается Мартин Налбандян. Мы также воспользовались воспоминаниями осужденного по «Делу семерых» Меружана Оганнисяна и одного из основателей Национальной Объединенной Партии Шагена Арутюняна, которые поддерживали в те годы связь с Мартином Налбандяном.

Члены этой группы были арестованы в период с апреля по май 1967 года, а осуждены в ноябре. В изданном в подполье в 1968

году журнале «Во имя Родины» есть заметка о судебном разбирательстве по этому делу, которая называется «Судебная комедия». Автором этой заметки является член группы «Во имя Родины» Овик Василян.

Группа изготовляла и распространяла листовки, посвященные вопросам Карабаха и Нахичевана и в целом – армянскому вопросу. Им удалось изготавливать печатающие устройства и в течение 1966-1967 гг. напечатать и распространить многотиражные листовки. Основная часть листовок была написана, отпечатана и распространена самими членами группы. Кроме того, группа занималась распространением листовок, которые изготавливались другими, параллельно действующими организациями и отдельными деятелями. Среди листовок были и такие, которые широко распространялись в начале 60-х. Члены группы их размножили и сызнова распространили. Авторы этих листовок обвиняют советское правительство в намеренном нежелании решить Армянский вопрос, в спекуляции вопросом в ходе советско-турецкой дипломатии, в нарушении прав и оскорблении сокровенных чувств армянского народа.

У членов группы – Мартина Налбандяна, Аркадия Айрапетяна и Ивана-Ваника Степаняна – имелся к тому времени многолетний опыт борьбы. Этот путь они избрали еще в 1963-1964 гг. В марте 1965 года в связи с разворачиваемой деятельностью Налбандян получил официальное предупреждение от Комитета государственной безопасности, а в феврале 1966 года такие же предупреждения получили Айрапетян и Степанян. Несмотря на это, они продолжили свою деятельность.

Мартин Налбандян имел много связей с различными существующими в то время подпольными организациями и частными лицами. В тот период он был связан с действующим в те годы Союзом армянской молодежи. В 1965 году после судебного процесса

по «Делу семерых», с одним из будущих учредителей НОП – Шагеном Арутюняном, он инициировал изготовление и распространение листовок, посвященных 50-летию Геноцида. Листовки призывали граждан выйти 24 апреля 1965 года на митинг. Согласно воспоминаниям Шагена Арутюняна, в преддверии траурной даты – 24 апреля, в марте-апреле 1965 года, вместе с Мартином Налбандяном и двоюродным братом Меружана Оганнисяна Степой Акобяном они изготавливали в лаборатории химфака ЕГУ листовки, автором которых являлся Мартин Налбандян. В марте 1967 года Мартин Налбандян через будущего члена организации «Во имя Родины» Геворга Хекимяна с целью распространения передал Овику Василян три листовки, которые имели следующие заголовки: «Вновь - на алтаре русско-турецкой дипломатии», «16 марта 1921 года в Москве» и «Весна пробудилась в душе армянина...». Василян, в свою очередь со своими единомышленниками – Шираком Гюнашяном и Левоном Арушаняном размножил и распространил их в Ереване и Абовяне.

Несмотря на формирование собственных организаций, длительную и серьезную деятельность, изготовление и распространение многочисленных листовок, связь с другими подпольными организациями и частными лицами, в отношении Мартина Налбандяна и других членов группы были вынесены относительно мягкие приговоры. Сурик Саргсян был приговорен к 1 году и 6 месяцам лишения свободы, Альберт Губасарян – к 2 годам, Мкртыч Мовсисян – к 1 году, Аркадий Айрапетян – к 2 годам, Рубен Сафарян – к 2 годам 6 месяцам, Иван-Ваник Степанян – к 2 годам 2 месяцам, Мартин Налбандян – к 2 годам 6 месяцам. Кроме того, члены группы попали под амнистию, которая была объявлена 31 октября 1967 года в честь 50-летия Октябрьской социалистической революции, благодаря чему четверо из них были освобождены, а остальным наполовину сократили сроки наказания.

Мартин Налбандян в дальнейшем уехал на постоянное жительство в США, где в 1991 году скончался. Историк Альберт Губасарян принимал участие в издании Армянской энциклопедии и раскопках руин Эребуни. В 1987 году являлся членом совета председателей «Компании по защите Ай Дата (Армянского вопроса)», которую сформировали в Ереване Овик Василян, Андраник Маргарян, Ширак Гюнашян и ряд других бывших политзаключенных. Скончался в 1990 году. О других участниках группы получить информацию нам не удалось.

Левон-Ара Мнацаканян

В мае 1968-го к одному году заключения приговаривается студент второго курса филологического факультета ЕГУ Левон-Ара Арутюнович Мнацаканян. В кругу друзей был более известен как Араик Мнацаканян. В 1967 году он написал текст листовки под названием «Новое движение» и сформировал одноименный кружок, которому удалось добыть шрифты, отпечатать и распространить эти листовки. Перед собой кружок ставил следующие цели: бороться за сохранение и чистоту советского строя и коммунистических ценностей, не допустить их искажения, а также - обуржуазивания и идейного разложения советского общества. По сути, более чем приемлемыми являлись для кружка и советская страна, и правящая коммунистическая идеология. Ара Мнацаканян и члены его группы вопросы Карабаха и Нахичевана рассматривали исключительно в контексте доброй воли Москвы и «справедливой национальной политики», которую вела коммунистическая партия. В одной из листовок в связи с 23-м съездом КПСС Мнацаканян призывает «собраться 3 апреля на Оперной площади и обратиться к справедливому съезду с предложением урегулировать вопрос карабахской и нахичеванской земли». (Арменак Манукян, «Политическое инакомыслие в Армении - 1950-1988 гг.»). Сам Ара Мнацаканян, руководитель кружка, был в числе людей, которых задержали на 10 суток 24 апреля 1966 года - во время акции в сквере им. Комитаса. Именно тогда в тюремной камере он познакомился с основателями Национальной объединенной партии Айказом Хачатрянном, Степаном Затикианом и Шагеном Арутюняном.

Вспоминает Шаген Арутюнян: *«После распространения «Пароса» («Маяк») однажды Айказ Хачатрян случайно встречается в городе Ара Мнацаканяна, которого вместе с нами забрали 24-го*

апреля на 10 суток. Ара говорит Айказу, что была растиражирована газета «Парос» и он хотел бы увидеть ее. Айказ отвечает, что он не в курсе, но спросит у Шагена, кто, возможно, сможет достать. На следующий день Айказ мне предложил встретиться с Ара и передать ему экземпляр газеты. Я встретился с ним и отдал ему газету, конечно заявив при этом, что я взял ее у кого-то еще и не знаю распространителей. Через несколько месяцев Араик был арестован вместе со своей группой. Арест, насколько я сегодня помню, был связан с какими-то шрифтами. У него находят и переданный мною экземпляр газеты «Парос». На допросе Араик Мнацаканян говорит, что газету получил от меня. Фактически Араик – первый, кто дал показания о моей связи с газетой «Парос».

Ара Мнацаканян был приговорен к одному году заключения. После осуждения он не общался с диссидентскими кругами, ни к каким уголовным делам с политическим подтекстом и ни к каким группам отношения не имел.

Приговор по данному делу также не удалось получить из архива СНБ. Служба национальной безопасности отказала нам в просьбе предоставить материалы по данному делу, объяснив свой отказ отсутствием письменного разрешения со стороны самого осужденного или его потомков, наши же попытки разыскать Левона-Ара Мнацаканяна или его потомков не увенчались успехом.

Союз армянских патриотов

**Акобджан Тадевосян, Рубен Овсепян, Эдик Алексанян,
убик Варданян, Рафик Карагулян, Мисак Хачатрян,
Андраник Мхитарян, Ваган Егиазарян**

В 1967-1968 гг. на арену выходит новая организация - Союз армянских патриотов (САП). У союза был свой устав, который был обсужден и принят на общем собрании организации. Новые члены организации были обязаны подчиняться его требованиям и платить членские взносы.

САП имел свои филиалы в различных учебных заведениях городов Арарат, Гюмри, Арташат и Ереван. В каждом региональном отделении были свои руководители, а общее руководство осуществлял Акобджан Тадевосян. И эта новая организация в духе своего времени приоритетными вопросами считала признание Геноцида, возвращение утраченных территорий, присоединение Карабаха и Нахичевана к Армении. Подчеркнуто антисоветской позиции члены организации не придерживались. Проявляли в этом плане чрезмерную осторожность. Однако в то же время считали, что Советский Союз «в некоторых вопросах игнорирует и попирает жизненно важные интересы армянского народа» (цитата из приговора по данному делу). В этой связи следует отметить, что члены организации, ознакомившись с ранее изданной газетой Национальной объединенной партии - «Парос» решительно отвергли выдвигаемые на страницах газеты идеи антисоветизма и необходимости независимости. Особенно неприемлемой для организации была идея независимости. Вот как этот эпизод описан в приговоре, который был вынесен по делу членов группы: «В конце 1967 года Тадевосян получил нелегальную газету «Парос» с антисоветским содержанием от Эдика Алексаняна... Эта газета содержит враждебные нападки на Советское государство и призывает изолировать Армению от СССР и создать «независимое армянское государство». Все обвиняемые по данному делу лица, а

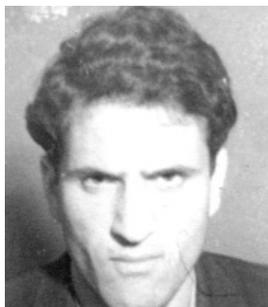
также остальные члены кружка, подвергли жесткой критике анти-советское содержание газеты «Парос» и отвергли взгляды газеты, считая их вредоносными и неприемлемыми для их кружков». Члены группы еще не пришли к идее независимости Армении и будущее нашей страны видели только в составе Советского Союза.

Им удается раздобыть средство для печати, размножить и распространить листовки. В 1967 году в преддверии 24-го апреля, они печатают и распространяют в виде листовок в Ереване, Гюмри, Араратском и Арташатском районах три текста, автором которых является Акобджан Тадевосян: «Призыв к армянской интеллигенции – в связи с 52-й годовщиной Мец Егерна (Геноцида)», «Призыв к армянскому народу – в связи с 52-й годовщиной Мец Егерна» и «Слова от самого сердца – в связи с 52-й годовщиной армянской трагедии». Основной акцент делается на том, что советское правительство нарушает права армянского народа в пользу Турции, что в СССР проводится политика по ассимиляции и русификации армян, а кроме того, листовки призывали к поднятию вопроса о присоединении Нагорного Карабаха и Нахичеванской Автономной Республики к Армении. В 1967 году членам Союза армянских патриотов удалось распечатать методом ротопечати и широко распространить такие популярные в начале 1960-х листовки, как «Открытое письмо Политбюро ЦК КПСС», «Вновь на алтаре русско-турецкой дипломатии», «16 марта 1921 года в Москве».

Листовки с аналогичным содержанием были распространены и весной следующего, 1968 года и озаглавлены они были соответствующим образом: «Призыв к армянской интеллигенции – в связи с 53-й годовщиной Мец Егерна», «Призыв к армянской молодежи – в связи с 53-й годовщиной Мец Егерна», «Напоминание для армянского народа - в связи с 53-й годовщиной Мец Егерна». В апреле того же года члены группы были арестованы и осуждены по 206¹ статье (распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

Акобджан Тадевосян

*Акобджан Тадевосян
фото из уг. дела*

Рубен Овсепян

Эдик Алексанян

Мисак Хачатрян

Ваган Егизарян

Андраник Мхитарян

Рафик Карагулян

Рубик Варданян

Акобджан Драстаматович Тадевосян родился в 1949 г. в селе Овташен Арташатского района (ныне Масисского района). На момент ареста был студентом 2 курса исторического факультета ЕГУ. Был арестован в возрасте 19 лет 17 апреля 1968 года. Несмотря на столь юный возраст, успел организовать и возглавить обширную подпольную организацию с несколькими филиалами. Организация эта называлась Союзом армянских патриотов (САП). На первых порах в КГБ не могли поверить, что этой организацией действительно руководит Акобджан Тадевосян. После ареста Тадевосяну пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить чекистов в этом. Был приговорен к 2 годам и 3 месяцам лишения свободы. Срок отбывал в Армении, в колонии общего режима. После освобождения он установил и поддерживал контакты с другими армянскими политзаключенными и диссидентами. Познакомился с членами Национальной объединенной партии (НОП). Это знакомство послужило поводом для пересмотра своих представлений о будущем Армении и советском строе. В итоге он становится последователем антисоветских убеждений, приверженцем независимости и вступает в НОП. В 1973-1974 гг., вместе с членами кружка, который он возглавляет, активно участвует в деятельности, разворачиваемой НОП. В дальнейшем в качестве свидетеля допрашивался в ходе судебных процессов по делам членов НОП.

В декабре 1988 года был редактором журнала «Айреник» («Родина»), изданием которого занималось Объединение национального самоопределения (ОНС). В 1990 году был одним из организаторов отрядов самообороны в Арташате и координатором арташатской «Армии независимости». Он является автором сборника стихов, монографий, эссе и многочисленных статей о движении фидаинов²³ 19-20 веков. В 2009 году посмертно была опубликована его книга «По праву своих осколков». Скончался в возрасте 49 лет 8 августа 1998 года.

Рубен Оганесович Овсепян - родился в 1947 году в селе Авшар Араратского района. На момент задержания являлся студентом 3 курса исторического факультета Армянского педагогического института им. Хачатура Абовяна. Еще до своего знакомства (в начале 1967 года) и близкой дружбы с Акобджаном Тадевосяном, он с 1965-1966 гг. уже активно занимался национально-патриотической деятельностью, имел знакомства и связи с другими организациями и частными лицами. В результате такой активности в 1966 году его вызвали в Комитет государственной безопасности, где потребовали прекратить свою деятельность и официально предупредили о возможных последствиях. Но вскоре после этого он познакомился с Тадевосяном, и они решили совместными усилиями создать подпольную организацию.

Рубен Овсепян создал в педагогическом институте кружок - филиал Союза армянских патриотов, который носил название «Уйс» («Надежда») и принимал активное участие как в изготовлении и тиражировании листовок, так и в процессе их распространения. Овсепян был арестован 16 апреля 1968 года. Был приговорен к 2 годам 3 месяцам лишения свободы. Срок отбывал в Армении, в колонии общего режима. После освобождения он восстановился в педагогическом институте, а после окончания учебы проработал 20 лет в издательстве «Луйс» («Свет»). В 1990 году был избран депутатом районного совета. В 1998-м уехал в Карабах, был главой общины. Скончался в 2017 году.

Эдик Врежович Алексанян – родился в 1942 году в городе Гюмри. Ко времени ареста был студентом 3 курса исторического факультета ЕГУ. Вступил в Союз армянских патриотов в процессе формирования организации. Участвовал в составлении, тиражировании и распространении листовок. Принимал участие в создании новых структур и привлечении новых членов в Союз армянских патриотов. Первая подобная структура была создана им

в родном Ленинакане (Гюмри), руководителем которой стал впоследствии осужденный по данному делу Рубик Варданян. Затем совместно с Рубиком Варданяном инициировал создание аналогичной структуры в Кировакане (Ванадзор). Усилиями Алексаняна листовки дошли до Гюмри и Ванадзора и были распространены среди местного населения.

До начала судебного разбирательства в качестве меры пресечения содержание под стражей не применялось. Он был взят под стражу непосредственно в зале суда в день оглашения приговора. Был приговорен к 1 году и 6 месяцам заключения. Отбывал срок в Армении, в колонии общего режима. После своего освобождения он пытался восстановиться в ЕГУ, однако столкнулся с препятствиями. Обратился к доктору исторических наук Айказу Погосяну, который в те годы занимал высокое положение в системе образования. С его помощью восстановился и окончил институт. Живет и работает в Ереване.

Рубик Тадевосович Варданян – родился в 1945 году в Гюмри. С детства дружил с Эдиком Алексаняном. Именно по предложению Алексаняна он и вступил в ряды Союза армянских патриотов, затем организовал ее филиал - группу из 8 человек, которая осуществляла активную деятельность в Гюмри. Члены филиала принимали участие в обсуждении и разработке устава САП, а также других материалов и листовок, которые планировалось издавать и тиражировать. Издаваемая и подлежащая распространению литература, которая готовилась в Ереване, передавалась через Эдика Алексаняна Рубику Варданяну, который распространял ее в Гюмри вместе с членами кружка. В тот период (1967-1968гг.) в Гюмри действовал независимый юношеский кружок, состоящий из подростков. Школьники изготавливали и распространяли в Гюмри листовки с патриотическим содержанием. Рубик Варданян связался с ними. Двум членам этой группы удалось

во время киносеанса распространять листовки в зале кинотеатра «Октябрь». По предложению Эдика Алексаняна, Варданян, при посредничестве знакомой девушки, предпринял попытку по организации филиала САП в Ванадзоре и даже успел переправить в этот город соответствующую литературу и листовки. Однако из-за раскрытия САП ему не удалось довести это дело до конца.

Сам Варданян в беседе с нами вспоминал, как после ареста один из следователей следственной группы, наряду с добросовестным выполнением своих служебных обязанностей, неожиданным образом продемонстрировал и человеческие качества. Например, именно этот следователь предложил Варданяну не упоминать о ванадзорской знакомой, чтобы она была исключена из списка обвиняемых. Из этих же соображений он предложил не давать показания о юношах в Гюмри. В результате эти юноши и девушка из Ванадзора в деле не фигурируют. В промежутке между раскрытием САП и арестами руководящего состава организации в Ереване, которые осуществлялись 15-17 апреля 1968 года, Эдик Алексанян успевает сообщить Варданяну о раскрытии группы и предлагает спрятать все материалы и немедленно прекратить деятельность. Однако члены группы Варданяна решают распространить в преддверии 24 апреля все оставшиеся у них листовки и выполняют задуманное.

Через неделю после ареста меру пресечения в отношении Рубика Варданяна заменили с ареста на подписку о невыезде. Он был приговорен к 1 году и 6 месяцам заключения и был взят под стражу в зале суда. Срок отбывал в Армении, в колонии общего режима. Через шесть месяцев, в мае 1969 года, режим был смягчен, и с двумя товарищами - Эдиком Алексаняном и Мисаком Хачатрянном - его перевели в колонию-поселение.

После освобождения работал строителем. В настоящее время проживает в Ереване и работает дизайнером.

Рафик Ашотович Карагулян – родился в 1939 году в селе Мартуни Ахалкалакского района Грузии. Учился в Ереванском театральном-художественном институте. Занимался национально-патриотической деятельностью с 1965 года. В 1966 году был предупрежден Комитетом госбезопасности, однако, несмотря на это, свою деятельность продолжил. Был знаком с Рубиком Овсепяном с 1964-1965 годов. От Овсепяна он узнал о существовании Союза армянских патриотов и в 1967 году стал членом этой организации, вступив в действующую в стенах Армянского педагогического института группу, которую возглавлял Рубик Овсепян. В 1967 году, накануне траурной даты – 24 апреля, членам САП удалось распространить листовки собственного изготовления и не попасться. Они намеревались повторить этот успешный опыт в 1968 году. Однако 16 апреля 1968 года Рафика Карагуляна арестовали с поличным. У Рафика Карагуляна был физический недостаток. Его левая нога была на 7,5 сантиметра короче правой. Он был приговорен к одному году тюремного заключения. Сидел в Армении, в колонии общего режима. После освобождения занимался живописью. Являлся членом Союза художников СССР. Поддерживал связи с диссидентами. Стал жертвой драки на бытовой почве в 1979 году.

Мисак Хачикович Хачатрян – родился в 1949 году в селе Аралез Араратского района. Среди родственников и близких друзей известен под именем Яша. Он был студентом химического техникума и первым секретарем комсомольской организации. По предложению Акобджана Тадевосяна Хачатрян создал в техникуме кружок из 6 человек. Как и остальные организации и группы, входящие в состав Союза армянских патриотов, этот кружок также был вовлечен в процесс распространения листовок в преддверии 24 апреля, главным образом в городах Арарат и Арташат. В 1968 году, в период с 15 по 17 апреля, в числе других активистов

группы был арестован и содержался в изоляторе Комитета государственной безопасности. Однако через несколько дней меру пресечения изменили на подписку о невыезде, и до самого суда он находился на свободе. Был приговорен к 1 году и 2 месяцам заключения и взят под стражу непосредственно в зале суда. Срок отбывал в колонии общего режима в Армении. В мае 1969 года после смягчения режима его с друзьями - Эдиком Александяном и Рубиком Варданяном - перевели в колонию-поселение. Все трое работали на цементном заводе. После освобождения контакты с друзьями и с диссидентами не поддерживал. Работал на различных предприятиях. В настоящее время проживает в городе Арташат и занимается земледелием.

Андраник Суренович Мхитарян – родился в 1946 году в селе Сусер Талинского района. Учился в Ереванском педагогическом институте им. Абовяна. Являлся членом действующего в институте кружка-филиала Союза армянских патриотов, которым руководил Рубик Овсепян. Был задержан 16 апреля 1968 года с кипой листовок в руках. 28 мая его отпустили под подписку о невыезде. Был приговорен к 1 году заключения. Затем в отношении его была применена 41 статья УК, и назначенный срок заключения был изменен на два года условно-испытательного срока.

Окончив институт, он переехал в г. Аштарак. Работал в местной художественной школе. В 90-х был назначен ее директором. С 1995 года приглашен в Министерство обороны РА в качестве заместителя начальника управления культуры и общественных связей. Живет в Аштараке, занимается живописью.

Ваган Саргисович Егиазарян – родился в 1947 году в селе Цаккар Мартунинского района. Учился в Ереванском педагогическом институте им. Абовяна, на историческом факультете. Участвовал в работах институтского кружка, являющегося филиалом Союза армянских патриотов. Был арестован 16 апреля 1968 года, а 28 мая

его отпустили под подписку о невыезде. Ваган Егиазарян был женат, и под его опекой находились двое малолетних детей и жена. Его приговорили к 1 году лишения свободы. Затем в отношении его была применена 41 статья УК, и назначенный срок заключения был изменен на два года условно-испытательного срока.

Проживал в городе Масис. Работал учителем, затем директором масисского интерната. Скончался в июле 1994 года.

Из рассказа Сирун - жены Акобджана Тадевояна

В 1965 году я училась в девятом классе. Мы издали стенгазету в связи с 50-летием Геноцида. В те годы это было делом серьезным и опасным. Решительную роль, в плане моих воззрений, сыграло влияние моего отца – он был националистом. В 1965-м состоялась знаменитая демонстрация, посвященная Геноциду. Во время демонстрации я познакомилась со старшим братом Акобджана, а потом представила его папе. Затем с папой познакомился и Акобджан. Братья часто навещали моего отца и долго беседовали. И вот однажды Акобджан сказал моему отцу, что действует секретная организация под названием «Союз патриотов Армении». Позже мне предложили вступить в эту организацию. Я согласилась. Организация была довольно разношерстной и многолюдной. Там были студенты, люди солидного возраста и рабочие. Я участвовала в собраниях и других мероприятиях. Все делалось тайно и очень дисциплинированно, что для Акобджана была наиважнейшим условием. Он делал замечания даже в случае минутного опоздания. Сам Акобджан был чрезвычайно добросовестным и требовательным. Он был организатором и «ведущим за собой». Все вращалось вокруг него. Он находился в постоянном движении. Ездил в Горис, Гюмри, Капан²⁴, Сочи²⁵. Везде создавал круж-

ки-филиалы. Акобджан занимался всем этим еще со школьной скамьи, в возрасте 16-17 лет. Естественно, Комитет государственной безопасности со временем не мог не узнать о существовании организации, тем более столь разветвленной. Чекисты искали руководителя организации, который, согласно их представлениям, должен был быть взрослым, зрелым человеком. Даже в КГБ Арташата, куда был доставлен Акобджан, не поверили, что именно он и являлся лидером организации.

В 1968 году в связи с 24 апреля было напечатано большое количество листовок. Они находились в комнате, арендованной Акобджаном в Ереване, в районе Киликия. Представители различных кружков должны были явиться в назначенный день и час и забрать свою часть листовок. Мы, группа из нескольких человек, должны были прийти в назначенное время 17 апреля и забрать свою долю листовок. Каждый из нас был прикреплен к определенной территории, на которой предстояло распространить их. Мы пришли в назначенный час, но дверь комнаты была заперта. Акобджана не было. Отсутствие пунктуального и обязательного Акобджана было более чем удивительным. С нами был также брат Акобджана. Он проник в комнату через форточку, через нее и отдал нам предназначенную часть листовок, и мы ушли. В тот момент мы еще не знали, что Акобджан и другие наши друзья уже арестованы. Много позже мы узнали, что до встречи с нами, Акобджан отправился в общежитие педагогического института, к Рубику Овсепяну. Когда он пришел, чекисты уже проводили там обыск. Они забрали и Рубика, и Акобджана. Но работники КГБ еще не зная о существовании конспиративной комнаты в Киликии, поэтому, несмотря на то, что наших друзей арестовали, нам все же удалось распространить листовки, которые мы напечатали в связи с 24 апреля.

Я уже закончила школу и училась в институте. Готовилась к летней сессии первого курса, когда за мной пришли из Комите-

та госбезопасности. Мне так и не позволили сдать экзамены. Это было в июне 1968 года. Повезли на суд.

Суд над парнями был фактически закрытым. В зале могли находиться только люди, отобранные чекистами. Суд длился долго – около месяца. Было много свидетелей: из всех районов республики, из Сочи и других городов. Во время суда над ребятами я познакомился с Паруйром Айрикяном и Андраником Маргаряном. При знакомстве Паруйр представился Врежем. Позже я, конечно, узнала его настоящее имя. Они не имели никакого отношения к Акобджану. Просто, узнав о политическом судебном процессе, пришли к зданию суда. После оглашения приговора ребят направили в Шаумянскую колонию - недалеко от Еревана. Они рассказывали, что уголовники относились к ним с подчеркнутым уважением.

После освобождения мы с Акобджаном поженились. Он хотел восстановиться в университете, но ему не позволяли. Комитет госбезопасности всячески препятствовал этому. Акобджан был в дружеских отношениях с Паруйром Севаком²⁶ и вынужденно обратился к нему за помощью. Севак и Джон Киракосян²⁷ написали рекомендательное письмо, после чего Акобджан был восстановлен и окончил ЕГУ, поступил в аспирантуру, написал научную диссертацию на тему «Армянская национально-освободительная борьба в 1880-1920 гг.». Во время защиты диссертацию охарактеризовали как работу националистического толка и не утвердили ее. Наряду с учебой и работой он продолжил свою подпольную деятельность. Я познакомила его с Паруйром Айрикяном. Вскоре после этого знакомства Акобджан вступил в ряды НОП. Это был уже совершенно другой уровень. В 70-х НОП развернула обширную деятельность, что приводило к постоянным арестам, и лишь благодаря надежности членов НОП в 1974-1975 годах КГБ не удалось арестовать Акобджана во второй раз.

Национальная объединенная партия (НОП)

Айказ Хачатрян, Степан Затикян, Шаген Арутюнян

В октябре 1966 года Айказ Хачатрян и его сподвижники, Степан Затикян и Шаген Арутюнян, основали Объединенную национальную партию (НОП). Эта партия существенным образом отличалась от всех предыдущих организаций. Прежде диссидентские организации и частные лица главным образом пропагандировали патриотизм, выдвигая проблемы Карабаха, Нахичевана, Армянского вопроса, но не представляли и не рассматривали Армению в качестве независимого государства – вне состава СССР. Безусловно, были и исключения. Например, еще в 1964 году во время судебного процесса по «Делу семерых», утверждалось, что некоторые из осужденных - Хачик Сафарян и Григор Егиян - в своих статьях, а Меружан Оганнисян – во время своих выступлений, затрагивали тему независимой Армении. Кстати, Меружан Оганнисян заявил об этом и в зале суда. Однако все эти откровения оставались лишь на уровне мечтаний, они не носили системный характер и, что важнее всего прочего, не являлись программными. До появления НОП в Армении не было ни одной диссидентской организации, ни одной группы или частного деятеля, которые бы своей приоритетной миссией считали борьбу за независимость республики. НОП боролась именно за создание независимой Армении. Каждый вступающий в её ряды должен был четко осознавать, что отныне независимость становится главной целью его жизни. Из программы НОП следует, что эта структура позиционирует себя не только в качестве классической партии, но и субъекта, выступающего от имени всего армянского народа, как сторона межгосударственных и международных контактов. Согласно программе НОП, особенность партии заключалась в следующих важнейших факторах:

- 1) она не является националистической, ее природе чужды «милитаризм, махровый национализм, диктатура, расовая дискриминация»;
- 2) она уважает и признает права всех народов: «... все спорные вопросы НОП обязана решать мирным путем, руководствуясь принципами взаимных компромиссов и уважения, не допуская вмешательства третьих сторон, проявляя уважение к суверенитету и достоинству соседних народов»;
- 3) она уважает международное право и опирается на него;
- 4) она является миротворческой и миролюбивой.

Шестой пункт программы НОП, лаконично выражающий всю суть организации, акцентируется особым образом - он выделен заглавными буквами:

«ОСНОВНАЯ МИССИЯ НОП - ОСВОБОДИТЬ НАРОД ОТ ЧУЖЕЗЕМНОГО ГНЕТА, ИЗБАВИТЬ ОТ ПОРАБОЩАЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА, СДЕЛАТЬ АРМЕНИЮ СВОБОДНОЙ, НЕЗАВИСИМОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ».

НОП была явлением совершенно новым не только в армянской действительности, но и во всем Советском Союзе. На территории громадной империи это была единственная партия, которая, несмотря на оказываемое давление, преследования и систематические аресты, с первого дня своего существования и до самого распада СССР функционировала в постоянном и бесперебойном режиме. Фактически была создана такая жизнеспособная подпольная структура, против которой советская система безопасности оказалась бессильной. Члены НОП систематически арестовывались и осуждались на длительные сроки, но, несмотря на это, ряды НОП пополнялись новыми людьми, и все больше и больше армянских диссидентов выступали от имени этой партии.

Начиная с 1968 года подавляющее большинство армян, осужденных по политическим мотивам, либо являлись членами НОП, либо так или иначе контактировали с этой партией. Характерной чертой, отличающей членов НОП от других армянских диссидентов (за редким исключением), являлось категорическое непризнание своей вины в ходе судебных процессов. Они с гордостью объявляли о своем членстве в НОП, о том, что хранят верность принципам этой партии и не признают свою вину. Следует отметить, что до членов НОП многие осужденные диссиденты легко признавали свою вину и выступали с раскаянием. Этот факт становится очевидным при сравнении приговоров, которые были вынесены в отношении политзаключенных. Безусловно, мужество и достойное поведение в ходе судебных процессов, не является монополией НОП. Многие диссиденты, не являющиеся членами НОП, проявили себя аналогичным образом, например – Завен Арутюнян в 1967 году, а также многие правозащитники и диссиденты, осужденные в 1970-х и в 1980-х годах. Однако такое поведение для членов НОП являлось не исключением, а закономерностью, и в этом смысле они выгодно отличаются от всех остальных.

В сентябре 1987 года НОП самораспустилась, и на базе этой партии Паруйр Айриkyан создал Объединение «Национальное самоопределение». Затем бывшие члены НОП сформировали Республиканская партия Армении (Ашот Навасардян) и Христианско-Демократическая партия Армении (Азат Аршакян).

Программа Национальной объединенной партии

НОП - это политическая, демократическая общественная организация, члены которой должны представлять собой сознательный компонент всего армянства. Единство армянского

народа, непоколебимое сохранение национальной психологии и характерных качеств, взаимная любовь в настоящее время составляют основную суть армянского компонента во всем мире, благодаря которому этот многострадальный, изгнанный с родины народ сможет достичь своих благих целей, осуществить свои мечты - вернуть утраченную государственность, украденную и оскверненную Родимую Землю. А главное – армянин, живущий в своем собственном доме, на своей святой земле, воссоздаст тот известный Рай, о котором говорится в Святой Книге, ибо он обладает всеми преимуществами, которыми обладает человек в самом широком смысле.

1. В ходе своей общественной, политической, идеологической деятельности НОП не должна преследовать никакие узурпаторские цели; идеям национально-освободительной борьбы чужды милитаризм, махровый национализм, диктатура, расовая дискриминация и грубые нарушения международного права.

2. НОП должна стремиться к установлению добрососедских и истинно братских отношений со всеми народами. Все спорные вопросы НОП обязана решать исключительно мирным путем, придерживаясь принципов взаимных уступок и уважения, не допуская вмешательства третьих сторон, уважая суверенитет и достоинство других народов.

3. Все народы, желающие установить честные, братские взаимоотношения с армянским народом, готовые протянуть ей руку помощи, либо нуждающиеся в ее помощи, приветствуются и принимаются нами, ибо священный долг НОП - принимать и приветствовать гуманизм.

4. Если некая нация, понадеявшись на свою многочисленность и на мощь имеющегося оружия, станет коварным и подлым образом, скрываясь под маской союзника, стремиться к господству, грабежу и порабощению страны, то НОП будет обязана предот-

вратить эту опасность - прежде всего применив дипломатические методы, мудро и рационально используя силу разума, опираясь на международные права и законы, проявив доблесть и настойчивость, устранить нависшую над родиной опасность и предотвратить смертоносную войну. Если же дипломатические методы окажутся бессильными и не смогут способствовать мирному урегулированию, налаживанию добрососедских отношений и противник совершит вероломное нападение, то НОП будет обязана поднять всю нацию на войну с врагом. Любые империалисты бессильны перед мощью народа, искренне любящего родину, который сплотился в мужественной борьбе за свою свободу и мир.

5. Пока не существует свободной и независимой Армении, отсутствует и главнейшее условие для того, чтобы называться полноценной нацией или полноценным государством. Эта тяжелейшая задача возложена на борющуюся патриотическую силу.

6. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА НОП - ОСВОБОДИТЬ НАРОД ОТ ЧУЖЕЗЕМНОГО ГНЕТА, ИЗБАВИТЬ ОТ ПОРАБОЩАЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА, СДЕЛАТЬ АРМЕНИЮ СВОБОДНОЙ, НЕЗАВИСИМОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

7. Борьба за создание Объединённого Армянского государства, а в дальнейшем – за создание Армянской республики Киликия.

8. В Армении будет один общественный строй - возрождение законов жизни, образа жизни, честного труда и искреннего патриотизма. В этом обществе не будет властителя и господина. Все социальные аспекты, являющиеся издержками оказываемого давления и насилия, ликвидируются мгновенно, как только армянский народ станет единственным обладателем и хозяином своей Отчизны и своей собственности.

9. НОП должна вести беспощадную борьбу против ограбления армянского народа и перемещения всех его богатств в Россию.

Единственным хозяином всех достояний армянского народа, всех богатств недр его земли, всей экономики его страны должен являться армянский народ.

10. Начать непримиримую борьбу против московского господства, произвола и насилия, от которых изнывает и стонет вся нация. Вызволить нацию из такого бесчеловечного, недопустимого, с точки зрения международного права, положения.

11. Требовать от России мирного возвращения армянских территорий, которые были незаконным образом переданы Азербайджану и Грузии. В то же время всеми возможными способами нам следует избегать манипуляций российской подрывной политики, которую эта страна проводит на протяжении всего своего существования в отношении всех народов – близких и далеких, т.е. следует воздерживаться от участия в грязных межэтнических инсинуациях, которые провоцирует Россия, и ни в чем ей не доверять.

Если Россия попытается применить силу в ответ на справедливые требования, то НОП также будет обязана применить все необходимые меры, которые потребуются для пресечения насилия, и в подобных случаях НОП проявит беспощадность.

12. От нынешнего правительства НОП должна требовать восстановления национальной армии и снабжения ее первоклассным, современным оружием, для получения которого Армения располагает большими возможностями. Все армянские военнослужащие, от простых солдат до маршалов и адмиралов, должны вернуться на родину - в Армению. Необходимо также вернуть всех ученых, изобретателей и специалистов, которые своим талантом обязаны исключительно армянскому народу, но отдают все свои знания России, а своей родине и своему народу никак не служат.

13. Цель НОП заключается в том, чтобы превратить ныне существующую Армянскую республику, которая является мнимым

государством с притворной системой, в государство, представляющее собой Ценность, которое не только не должно подчиняться приказам иностранной державы и выйти из-под угнетающего ее господства, но и должно являться независимым - независимой Арменией, которая имеет свою собственную армию, собственное вооружение и собственный золотой запас.

14. Если Россия пожелает установить бескорыстные дружеские отношения с Армянской Республикой, то Армения никогда не откажет ей в искренней дружбе.

15. Священным долгом НОП является настойчивое требование справедливого решения Армянского вопроса и неутомимая борьба за создание государства в Западной Армении, дабы более трех миллионов странствующих во всем мире армян смогли вернуться в свою многовековую колыбель, которая в дальнейшем сыграет весьма важную роль в плане установления мира на Ближнем Востоке и во всем мире.

Для достижения справедливых стремлений НОП от каждого члена партии требуется:

- а. искренняя любовь к родине и нации;
- б. самопожертвование;
- в. упорство, стойкость и мужество;
- г. вера в себя, уверенность в своих знаниях и победе;
- д. доверие к другу и партии.

Быть проникательным и бдительным. И, как гласит Священное Писание,- Надежда, Вера и Любовь.

После всеобщего одобрения и утверждения программа НОП не подлежит обсуждению и изменению до тех пор, пока не произойдут радикальные изменения ситуации. Программа остается всегда открытой для внесения дополнительных задач, служащих обозначенным идеологическим целям.

Устав Национальной объединенной партии

Эта организация имеет отношение исключительно к армянскому народу. За крайне редким исключением, членами организации могут стать только те иностранные политические деятели, деятели искусства и арменоведы, которые борются за права угнетенных народов. Каждый представитель армянской нации, живущий в любом уголке мира, имеет право вступить в общественно-политическую организацию «Национальная объединенная партия» - без какой-либо дискриминации по половому признаку или по уровню образования.

1. Членами НОП могут стать лица, достигшие 18 лет, которые принимают программу, устав НОП и Священную национальную клятву.

2. Член НОП обязан свято выполнять все положения программы партии, претворять ее в жизнь – во благо Нации и Родины.

3. Член НОП обязан заниматься саморазвитием и тщательно следить за международной обстановкой.

Он должен:

а) проштудировать философию, историю, в особенности – историю Армении 19-20 веков, религию (все конфессии), не столь давнюю и современную международную политику, в особенности – политику тех стран и народов, которые имеют непосредственную связь с армянским народом и его судьбой;

б) быть добрым и порядочным, в то же время – быть беспощадным к злу.

4. Высшим руководящим органом НОП является Генеральный совет, решениям которого обязаны беспрекословно подчиняться все члены партии.

5. Все члены НОП обязаны вносить свою лепту - финансовую помощь в виде членского взноса в установленном размере.

6. Каждый член НОП напрямую подчиняется руководителю своей группы, должность которого является избираемой. Руководители групп должны учитывать мнения и предложения, поступающие от членов групп, но решающий голос остается за лидером группы.

7. Все руководители групп непосредственным образом подчиняются Генеральному совету.

8. Каждый член НОП обязан свято хранить все секреты партии. Предатель будет считаться предателем нации и Родины.

9. Все члены НОП, принявшие Устав и Священную национальную клятву, обязаны принимать активное участие в политической и идеологической деятельности партии.

Клятва Национальной объединенной партии

Частичка небес на Земле, рай земной, божественная милость - духом бессмертная, гением своим могучая и всегда... терзаемая, измученная, обманутая и покинутая мать моя - Армения, святая Отчизна моя. Ты, отдавшая мне свою плоть и кровь свою, бессмертный и непорочный Дух Армянский, Божественный и чистый гений, чудотворная бесчисленными потомками Святая Земля, истерзанная, но вечно доблестная, сегодня вновь изнываешь под варварской пятой иноземца. Питается он твоей плотью и кровью, беспредельно парящим разумом твоим, дабы окрепнуть и уничтожить Дух Армянский.

Твои гениальные дети свой Ум и свою Кровь отдали врагу - в суетной надежде сберечь хоть родину свою. Пресыщенный кровью враг, однако, не довольствовался лишь этой кровью. Он хочет искоренить Дух Армянский, развеять по свету и стереть имя Армянина с лица земли. Пустые, мнимые надежды кроважанных гиен. Не получится! Бессмертен, знайте, дух армянский!

Это говорю вам я – Сын Армянский, Божественно Священного народа. Клянусь тебе, Народ армянский, клянусь кровью твоих невинных жертв, клянусь святыми могилами детей твоих: пока хоть один враг оскверняет Священную Землю Армянскую, пока я живу, пока я дышу, я буду бороться: мечом – против меча, огнем – против огня и смертью – против смерти! Жизнь моя – твоя, ты даровала мне ее. Если святое дело твоей свободы я предаю, если дрогнет моя рука убить врага, вероломного предателя - даже если это будет РОДНАЯ МАТЬ моя - то пусть твое проклятие, Народ Армянский, и священный Твой гнев, смертью накажут меня, ибо священнее всех матерей есть ты, Армения.

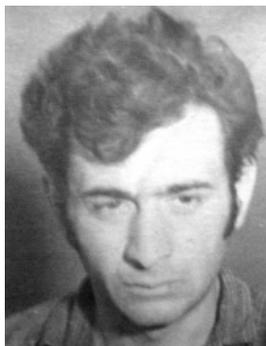
Первое судебное разбирательство по делу НОП

Первое судебное разбирательство по делу Национальной объединенной партии состоялось в январе 1969 года. Обвиняемых было трое – основатели НОП Айказ Хачатрян, Степан Затикиан и Шаген Арутюнян. Они обвинялись по первой части 65-й статьи («антисоветская агитация и пропаганда») и по 67-й статье («организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации») УК АрмССР. Кроме упомянутых статей, Айказ Хачатрян обвинялся также по 232-й статье («незаконное ношение, хранение, изготовление, покупка или продажа оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ»), за что был осужден на 2 года лишения свободы. Речь шла о фронтовом пистолете, который был обнаружен во время обыска в его квартире. Шаген Арутюнян обвинялся также по первой части 211-й статьи («похищение или порча документов, штампов, печатей, бланков»), за что был осужден на год лишения свободы. Однако и Айказ Хачатрян, и Шаген Арутюнян были освобождены от отбыва-

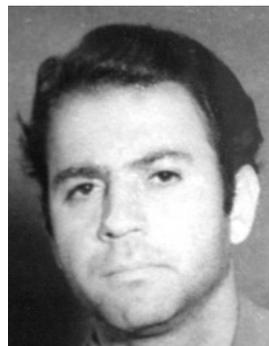
ния наказания, предусмотренного в двух последних статьях, - по амнистии, которая была объявлена по случаю 50-летия Октябрьской революции по указу Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1967 года.

*Айказ Хачатрян
фото из уг. дела*

*Степан Затикиан
фото из уг. дела*

*Шаген Арутюнян
фото из уг. дела*

Айказ Кароевич Хачатрян – родился в 1919 году в Ереване. Окончил Ереванское государственное художественное училище им. Терлемезяна²⁸. После окончания училища в 1939 году, был призван в советскую армию. Участвовал в советско-финской войне, затем – во Второй мировой. Был награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени. Он принадлежал к числу тех армян, которые свято верили в то, что Советский Союз оценит по достоинству преданность и мужество советских армян и к концу войны вернет армянские территории, разгромив союзника фашистской Германии – Турцию. В 1945 году, демобилизовавшись, он продолжил учебу в Ереванском государственном художественно-театральном институте. Окончив институт, несколько лет проработал художником в Москве, затем вернулся в Армению.

В 1966 году 24 апреля – в день памяти жертв Геноцида армян - был арестован на 15 суток вместе с группой демонстрантов во

время проведения акции в парке им. Комитаса. Именно тогда в тюрьме он и познакомился со своими будущими сподвижниками Степаном Затикианом и Шагеном Арутюняном. Выйдя на свободу, они вместе основали Национальную объединенную партию. Хачатрян написал программу и устав партии. Он же являлся руководителем организации.

Был арестован 11 июля 1968 года, приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагере для политических заключенных в Мордовии. Освободился в 1973 году. Несмотря на то что после освобождения находился под надзором, продолжал диссидентскую деятельность и поддерживал связь с единомышленниками. В 1978 году был осужден еще раз. На этот раз в результате провокации КГБ. Скончался 27 сентября 1989 года.

Степан Сегбосович Затикиан являлся одним из основателей Национальной объединенной партии. Был студентом Ереванского политехнического института. В 1966 году во время акции, посвященной памяти жертв Геноцида армян, которая состоялась 24 апреля в парке им. Комитаса, возле могилы Комитаса, был задержан и вместе с несколькими десятками участников акции был арестован на 10 суток. В тюремной камере познакомился с Айказом Хачатряном и Шагеном Арутюняном. После освобождения они вместе сформировали Национальную объединенную партию (НОП). Степан Затикиан написал текст клятвы члена НОП. В 1967 году вместе с соратниками в подполье они издали и распространили в апреле листовку «Парос» (ко дню памяти жертв Геноцида армян), а в ноябре – одноименную газету.

Был арестован 11 июля 1968 года, а 9 января 1969 года был осужден на 4 года. Из-за мятежного поведения в 1970 году его режим ужесточили и перевели во Владимирскую тюрьму. В 1972 году он был освобожден. Сразу по возвращении в Ереван продолжил подпольную деятельность, занимался формированием

новых структур НОП. В тот период Степан Затикян настаивал на том, чтобы члены НОП, которые имеют уже серьезный опыт подпольной деятельности, не занимались мелкими делами, рискуя своей свободой из-за «пустяков». По его мнению, они должны были неспешно и в строгой секретности - в глубоком подполье, готовить и организовывать серьезные структуры, состоящие из всецело преданных национально-освободительной борьбе деятелей, которые смогли бы находить новые, современные методы агитации и добиваться наибольшей популярности и доступности для широких слоев населения идей НОП.

2 ноября 1977 года сотрудники КГБ во второй раз арестовали его в Ереване и обвинили в организации трех взрывов: 8 января - в московском метро, затем в торговом зале продуктового магазина № 15 на улице Дзержинского (ныне Большая Лубянка) и около магазина № 5 на улице 25 Октября (ныне Никольская). 16-20 января 1979 года в условиях строжайшей секретности было проведено судебное расследование по этому делу. 31 января 1979 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение, что 30 января, через 5 дней после оглашения, приговор - смертная казнь - был приведен в исполнение.

Шаген Арутюнович Арутюнян родился в 1937 году в Ереване. Ко времени ареста учился на третьем курсе педагогического училища. Подпольной деятельностью начал заниматься с 1963 года. Вступил в действующую в те годы организацию «Союз армянской молодежи». В дальнейшем, после ареста руководящего состава организации по «Делу семерых», был привлечен в качестве свидетеля, и в его доме был проведен обыск. Был знаком и сотрудничал со многими диссидентами-шестидесятниками. Являлся одним из организаторов знаменитой демонстрации, приуроченной к пятидесятилетию Геноцида в 1965 году. В 1966 году вместе с соратниками пытался организовать аналогичную акцию, однако это

ՓԱՐՈՍ

— ԱՊՐԻԼ. 24 —

Արանից կես դար առաջ թուրք բռնակալները կոր միջ գործարկվեց մարտիրոսի անտարբերաց ուժերը նպատակ ունենալով իրականացնել «Հայաստանն առանց հայերի» պանթուրքական ծրագիրը: Ինչպես Գ. Ահարոնյանն է գրում, «1915 թ. Ապրիլի 24-ին գլխահանված էին արդեն մեծ ցեղասպանության նախապատրաստական բոլոր աջիատանքները, և թալեաթ, էնկեթ, Օսկերի, Նազրմ ու մյուս գազանները կրնային լծվել բուն աղբյուրաներին: — Արևմտահայ Հայաստանի ամբողջական պարպուհմին ու Հայ ժողովաբոլորի բնաջնջումին... որ չէ սրբի օր մը զնականորեն կարենային պրտ աջիարհի նրեմին, թե՛ — ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՏ ԳՈՅՔԻԹՅՈՒՆՁՈՒՆԻՎԱՍՏԻ ՀԱՅ ԶԿԱՅ. 3):

Ահա, («Հայաստանը առանց հայերի») գաղափարը որով տողորված թուրք բռնակալները, գործարկեցին իրենց ցեղասպանության ծրագիրը: Ընդդեմն ու կես միլիոն անգն խաղաղ բնակչություն կոտորեցին: Ինթիլիի, Ռաա ի: Այն, Ռաքրա, Պապ, Մուսկուռ, Արարիթ, Տեր-Ջոր և ուրիշ մահաստաններում: Թուրք մարդակերներին չէր հազող վում հողոտել մարդկանց այնտեղ, որտեղ հանդիպում էին գինված ճայերի:

Ժողովուրդ. Հայրուց, թո սրբազան պարտքն է հավատարիմ մնալ թո նախնիների սրբազան գործին, պահպանել ազգային էությունը, աայքարել նրա անկախության համար:

Ապրիլի 24-ը պետք է նշվի յուրաքանչյուր տարի և պետք է հանդիսանա Հայ ժողովրդի գաստամնալի բողոքի օր՝ անցյալի և ներկա ցեղասպանությունների ԴԵՍ:

Листовка Парос

предприятие осуществить не удалось. Было принято решение перенести акцию в Пантеон им. Комитаса. Возле могилы Комитаса, вместе с десятками других участников акции, он был задержан и арестован на 10 суток. В тюремной камере познакомился с Айказом Хачатряном и Степаном Затикианом. Вместе с ними в дальнейшем и основал Национальную объединенную партию.

В 1967 году с соратниками он издает и распространяет орган НОП - газету «Парос», а до этого – листовки с аналогичным названием. Был арестован 11 июля 1968 года и приговорен к 3 годам лишения свободы. Отбывал срок в Мордовии, на зоне для политзеков. После освобождения находился под надзором, но продолжал поддерживать связь с диссидентами и заниматься антисоветской деятельностью. По его инициативе в 1976 году была создана Хельсинкская группа Армении, а в апреле 1977 года о ее формировании было объявлено в Москве. В 1978 году его снова осудили на три года, а в 1986-м – лишили гражданства СССР, и он эмигрировал в США, где проживает и поныне.

Газета «Парос» («Маяк»)

В апреле 1967 года по случаю очередной годовщины Геноцида армян НОП распространила свой первый буклет - листовку под названием «Парос», а 19-20 октября того же года – одноименную четырехстраничную газету, которая содержала восемь статей со следующими заголовками: «Поднимаются новые», «К армянскому народу», «Армения - под игом», «Армянский вопрос», «Международная ситуация сегодня», «Факты неумолимы», «Что такое язык нации», «В двух словах».

Начиная со второй половины 1950-х годов действующие в Армении подпольные группы и кружки активно занимались распространением листовок и буклетов, в результате – многие были

арестованы и осуждены. Но газета «Парос» существенным образом отличалась от всех предыдущих. Это было новое явление не только для КГБ и советской власти, но и для самих инакомыслящих того времени. Прежде всего, это была полноценная газета и в ней говорилось, что Армении следует выйти из состава СССР и стать независимым государством; говорилось также о том, что Армения была насильственным образом аннексирована Россией и фактически является ее колонией; газета подвергла жесткой критике учение Маркса и Ленина, авторы статей явно выступали с антисоветских и антикоммунистических позиций. Был брошен вызов советскому государству. Для того времени это было трудновоспринимаемый материал, который не только не принимался большинством населения, но и отвергался в диссидентских кругах.

Впервые вызов советскому строю посредством листовок подобного содержания бросил в 1958 году Ашот Казарян - со своим кружком. В дальнейшем, на протяжении десяти лет в Советской Армении подобные призывы не звучали и подобные вопросы не обсуждались. Даже самые активные поборники решения Армянского вопроса связывали свои надежды с доброй волей России и решение карабахского и нахичеванского вопросов видели исключительно в рамках СССР. Тема независимости либо не обсуждалась вовсе, либо обсуждалась в качестве некой химеры, абстрактного желания, совершенно недостижимой мечты. И вот на фоне такого, почти канонического мировосприятия появляется «Парос» и фактически производит революцию на арене армянской общественно-политической мысли, сметая многие табу, делает обсуждаемыми такие запрещенные темы, как независимость и непогрешимость коммунистической идеологии. В лице распространителей «Пароса» советская власть видела уже не привычных вольнодумцев, а реальных идеологических противников.

Комитету государственной безопасности было поручено выявить и задержать распространителей как можно скорее, но активные поиски не дали желаемых результатов. Оперативно-розыскные мероприятия велись на протяжении более одного года. КГБ ничего не удалось обнаружить по следам листовок, распространенных еще в апреле 1967 года, а в октябре уже выходит в свет газета «Парос».

24 октября 1967 года начальник отдела КГБ Саядян направил письмо руководителю спецотдела КГБ Дадаюну: «По указанию генерал-майора КГБ при Совете Министров Арм.ССР тов. Адамянца, посылаю Вам антисоветские анонимные листовки «Парос» вместе с показаниями граждан, которые их обнаружили. Текст изложен на 13 страницах, прилагаю 9 экземпляров листовки «Парос»».

В тот же день было принято решение о возбуждении уголовного дела по статье 65-й. Расследование по делу о выявлении виновных 24 февраля 1968 года было приостановлено, одновременно оперативной службе было поручено продолжить поиски. Лишь с помощью внедренного в диссидентские круги (и пользующегося авторитетом в этих кругах) агента им удастся наконец собрать полноценную информацию об авторах листовки «Парос». Позже личность агента была выявлена. В ходе лихорадочных поисков следов, ведущих к НОП, в 1967-1968 годах Комитет госбезопасности арестовал внушительное количество диссидентов и людей, имевшим хоть малейшее к ним отношение. Один из арестованных, Левон-Ара Мнацаканян, во время допроса заявляет, что газету «Парос», которую у него обнаружили, он получил от Шагена Арутюняна. Установив слежку за Шагеном Арутюняном и сопоставив информацию из внедренного источника, КГБ удается обнаружить троицу НОП. 8 июля 1968 года начальник отдела КГБ Саядян сообщает заместителю начальника следственного

управления Цагурияну, что выявлены распространители «Пароса» и называет имена: Айказ Хачатрян, Степан Затикиан и Шаген Арутюнян. В тот же день принимается решение о возобновлении уголовного дела номер 190. И 9 июля 1968 года производятся аресты.

Первый протокол допроса Айказа Хачатряна был составлен именно в этот день. Во время первого же допроса Хачатрян заявляет, что он всегда являлся патриотом, и именно они – вместе со Степаном Затикианом и Шагеном Арутюняном, подготовили и распространили «Парос». В тот же день, 9 июля, Степан Затикиан во время допроса заявляет, что всегда разделял патриотические идеи и никогда не скрывал этого, но отказался от своей связи с «Парос» и не назвал имен своих друзей. Во время допроса 10 июля Степан Затикиан сообщил следователю, что объявляет голодовку и сделал следующее письменное заявление:

***Начальнику следственного отдела КГБ Дадаяну от
подозреваемого Степана Сегбосовича Затикиана***

Заявление

В целях удовлетворения своих законных требований - встретиться с прокурором республики, представителями общественности, матерью, а также чтобы в ходе допросов за основу основ принималась Декларация прав человека, которая выше законов любого государства, любого общественного строя и под которой стоит также подпись представителя СССР, я объявляю голодовку, которую фактически начал 9 июля 1968 года и о которой заявляю письменно 10 июля 1968 года, в 16:00. До этого времени мне не была предоставлена возможность сообщить об этом в письменном виде.

***С. Затикиан
10. 07. 1968***

Даже после настойчивых попыток следователя вразумить Затикиана, он, тем не менее, упорно повторяет свои предыдущие показания и заявляет: «Ничего антисоветского я не делал!»

Аналогичным образом он ведет себя и во время всех последующих допросов, даже 15 июля, когда ему показывают записную книжку Айказа Хачатряна и программу НОП, которые были обнаружены в результате обыска в его доме, он невозмутимо заявляет: «Не мои». И лишь 28 августа, когда при очной ставке с Хачатряном последний побуждает его признать свое членство в НОП, Затикиан соглашается с ним и начинает давать показания. Во время очной ставки Айказ Хачатрян также убедил Шагена Арутюняна рассказать о месте хранения пишущей машинки. Такое поведение Хачатряна преследовало лишь одну цель: убедить органы госбезопасности в том, что они полностью раскрыли дело «Пароса», а трое задержанных и представляют собой весь состав НОП. Это делалось для того, чтобы дело было закрыто максимально быстро и КГБ больше не углублялся и не имел бы повода для новых поисков, которые могли вывести на других членов НОП.

Записка Айказа Хачатряна

В изоляторе Комитета государственной безопасности Айказ Хачатрян написал записку (ксиву) своим друзьям, которая впоследствии во время обыска была обнаружена у некоего заключенного по фамилии Худоян. Сегодня это письмо хранится в папке с уголовным делом, которое было возбуждено в отношении учредителей НОП. Ниже представляем текст этой записки.

Приветствую, терпения вам всем!

Будьте уверены, что наше дело справедливое и мы заключены незаконно и насильно. Правда, мы несколько раз, точнее - дважды,

публиковали газету «Парос», в которой выступили против несправедливости, которая совершается в отношении нации, против русификации, против российской оккупационной политики и в которой мы потребовали независимости Армении, из-за чего мы и были насильственным образом арестованы, но это ничего еще не значит, ибо они нарушают элементарные международные законы.

Будьте отважными, ибо наше дело – правое.

Что касается пистолета, который я привез с войны в качестве трофея на память, то в этом нет никакого преступления, вам ничего не известно об этом. Я полностью здоров. Будьте смелыми и мужественными, мы ничего не боимся, и у нас нет причин для страха – я говорю это лишь затем, чтобы не оставалось у вас ни капли страха. Многих арестовывают и еще многих арестуют - за справедливость. Но грядет и новое поколение. С приветом, Айказ.

Из рассказа Шагена Арутюняна

В 1963 году в Уреванском государственном университете был организован вечер, посвященный Ованнесу Ширазу²⁹. Я тоже был там. Во время перерыва я встретился с Вигеном Бабаяном, и он познакомил меня с Сафаряном Хачиком и Кирамиджяном Каро. В тот день, чуть позже, мы с Вигеном отправились в Эчмиадзин к Меружану Оганнисяну домой. У Меружана я познакомился с Эдиком Какосяном и Хачиком Амирджаняном. Дома у Меружана собралось порядка тридцати человек. С этого дня наши встречи стали носить систематический характер. Они фактически представляли собой организацию, и, поскольку не существовало определенных правил по принятию новых членов, я автоматически вошел в ее состав. Основным нашим делом являлось распространение литературы. Так мы работали несколько месяцев.

24 декабря 1963 года были арестованы знаменитые «Семь патриотов» - Хачик Амирджанян, Хачик Сафарян, Виген Бабаян, Григор Егиян, Эдик Какосян, Карапет Кираמידжян, Меружан Оганнисян. В марте 1964-го меня вызвали на допрос. Параллельно с допросом они обыскали дом и обнаружили пепел, оставшийся от запрещенных статей, сожженных до обыска моей женой - Лаурой Межлумян. В отдельном конверте они приобщили к делу и этот пепел. На протяжении всего предварительного следствия я поддерживал связь с Геворгом Экимяном, впоследствии осужденным по делу журнала «Во имя Родины». 5 августа 1964 года состоялся судебный процесс по делу «Семи патриотов». В тот день мы встретились с Экимяном Геворгом в парке «Победа» и решили, не прекращая нашу борьбу, организовать финансовую помощь семьям политзаключенных, что впоследствии успешно и осуществили. С этой целью мы специально организовали сбор средств, и многие с готовностью приняли в нем участие.

Вместе с Мартином Налбандяном и двоюродным братом Меружана Оганнисяна Степой Акобяном мы обдумывали план организации мероприятия, посвященного пятидесятилетию Геноцида. В этом направлении было сделано много работы. Мы подготовили фотолитовки, распространили их, закинув в почтовые ящики. Демонстрация прошла весьма успешно. Власти не применили силу. Просто задержали некоторых демонстрантов на несколько суток. То же самое мы сделали и в следующем, 1966 году. Вновь распространили листовки, однако в тот день на площадь пришло мало народу. Стоя на площади, я и Экимян Геворг встречали людей и направляли в парк Комитаса. Некоторое время спустя и я пошел в парк и присоединился к не слишком многочисленной толпе. Но мы пробыли там недолго. Нас окружили сотрудники милиции, арестовали и повезли в милицию. За нарушение общественного порядка всех нас задержали на 10 суток. В камере нас был 31

человек, из которых двоих, не имеющих отношения к демонстрации, схватили в суматохе совершенно случайно. Среди людей, находящихся в камере, были и знакомые мне люди, и незнакомые. В окнах не было стекол, в камере было холодно. Айказ Хачатрян, который также был с нами, предложил объявить голодовку. Через день нам выдали одеяла, и мы прекратили голодовку. Лишь один из нас не взял полагающийся ему обед, продолжая лежать на нарах. Я подошел к нему, спросил его имя, он назвался Степаном. Предложил ему взять еду, что он и сделал.

Мы с сокамерниками решили встретиться, после того как нас освободят. Так и сделали. Встретились в ресторане «Лори», нас было около 14-15 человек. Еще находясь в камере, мы со Степаном и Айказом договорились для нашей дальнейшей борьбы выбрать во время встречи в ресторане «Лори» соратников. Однако таковых не нашлось. Все были хорошими людьми и были патриотами, но желания и планов для подпольной политической борьбы у них не было.

После встречи в ресторане «Лори» мы остались втроем. Айказ предложил создать организацию. Я же сказал, что должна быть создана не организация, а партия. Решили создавать партию. Айказ Хачатрян написал программу, я – устав, а Затикян Степан написал текст клятвы. Это было в октябре 1966 года. По предложению Айказа Хачатряна организация была названа «Национальной объединенной партией».

Первым из запланированных нами дел стало изготовление листовок ко дню памяти жертв Геноцида (24 апреля) в 1967 году. Айказ выводил масляной краской на цинке буквы требуемого текста в зеркальном отображении, затем цинк разлагал в азотной кислоте так, что оставались лишь покрытые краской части, мы же со Степаном текст собирали на клише, смазывали типографской краской, проходились валиком, и все - листовка была готова. Пе-

чатали дома у Айказа, хотя Степан в дальнейшем в своих показаниях говорил, что он печатал эти листовки у себя дома в подвале. В апреле 1967 года вся партия листовок была готова. Мы их успешно распространили.

Осенью 67-го я случайно, через одного парня по имени Манук, познакомился с Паруйром Айрикяном. Он был еще слишком молод, но уже печатал и распространял листовки. Он сообщил мне, что у него есть своя группа, состоящая из пяти человек, но он никак не может определиться с названием. Я предложил назвать группу «Шант» («Молния») и войти в состав нашей организации в качестве молодежного филиала НОП. Паруйр так и поступил. Мы приняли людей, которых представил Паруйр, в ряды НОП. Подводил лишь возраст Азата Аршакяна. Ему тогда еще не было восемнадцати, но Паруйр настаивал. Я подумал и решил, что один год – это пустяк, и принял его. В связи с этим Степан мне сказал: «Ты стал первым из нас, кто нарушил правила». В октябре мы подготовили газету «Парос».

Из нас троих в поле зрения КГБ находился только я. Ни Айказ, ни Степан, не считая десятидневного ареста в связи с акцией 24 апреля, с КГБ никоим образом не сталкивались. Газета «Парос» существенным образом отличалась от всех предыдущих листовок, которые распространялись в те годы. Как правило, в них поднималась лишь тема Геноцида и содержались исключительно патриотические тексты, а «Парос» имел подчеркнуто антисоветский характер. Он призывал к борьбе против российского империализма. Пятый и шестой пункты программы НОП предусматривали борьбу против российской империи и за независимость Армении. Каждому вновь прибывающему члену НОП задавался дополнительный вопрос, согласен ли он с содержанием этих пунктов, если да, то подписывал свой личный листок и вступал в ряды партии. Только в таком порядке принимался новый человек

в ряды НОП и считался членом партии. Эта логика была заложена и в основе газеты «Парос».

Однажды после распространения «Пароса» Айказ Хачатрян случайно встретил в городе Ара Мнацаканяна, которого вместе с нами забрали 24-го апреля на 10 суток. Ара говорит Айказу, что была растиражирована газета «Парос» и он хотел бы увидеть ее. Айказ отвечает, что не в курсе, но спросит у Шагена, кто, возможно, сможет достать. На следующий день Айказ мне предложил встретиться с Ара и передать ему экземпляр газеты, что я и сделал, однако заявив при этом, что вообще не знаю распространителей. Через несколько месяцев Араик был арестован вместе со своей группой. Арест, насколько я помню, был связан с какими-то шрифтами. У него находят и переданный мною экземпляр газеты «Парос». На допросе Араик Мнацаканян говорит, что газету получил от меня. Фактически Араик был первым, кто дал показания о моей связи с газетой «Парос». Меня не стали вызывать в КГБ и задавать соответствующие вопросы, так как были уверены, что я что-нибудь выдумаю по поводу обнаруженного у Араика экземпляра и выйти на след издателей газеты через меня им не удастся. Им нужен был человек, с помощью которого они получили бы не приблизительную, а достоверную и детальную информацию о газете «Парос» и НОП. И КГБ досрочно освободил осужденного ранее по «Делу семерых» Хачика Амирджаняна. Через Седу, жену Вигена Бабаяна, он передал, что желает встретиться со мной. Я пошел на эту встречу. Пока Хачик Амирджанян находился на зоне, мы каждый месяц собирали деньги для его семьи. Он пользовался авторитетом среди диссидентов. В конце концов, человек был осужден и совсем недавно вышел на свободу. Он был крайне заинтересован газетой «Парос». Предлагал разузнать, кто организаторы, чтобы помочь им продолжить славное дело. Я познакомил его с Айказом. Позже все убедились, что Хачик был

досрочно освобожден из зоны специально, дабы помочь КГБ с разоблачением НОП. Лично я сказал ему об этом в лицо. Почти одновременно с нами была арестована и группа «Во имя Родины», с которой Амирджанян также установил связь. Их арест – результат его доноительства. Они были арестованы второго июля, а мы – девятого.

После освобождения, в 1974 году, я официально отказался от советского гражданства. В 1975-м отправился в Москву, в посольство Германии, чтобы передать соответствующее письмо. Подошел к зданию посольства, позвонил второму секретарю, представился и сообщил о цели своего визита. Он предложил войти, однако сотрудники милиции, вместо того чтобы впустить меня, забрали у меня паспорт и увели на свой стационарный пост. По моим документам они поняли, кто я. Узнали, что я был осужден по политической статье. Пока они снаружи решали мою судьбу, я воспользовался находящимся внутри телефоном, снова позвонил второму секретарю посольства и сообщил ему, что меня заперли в охранном пункте. Он обещал выйти и лично сопроводить меня в посольство. Заметив, что я пользовался их телефоном, милиционеры поспешно вернули мне паспорт и потребовали немедленно покинуть территорию посольства.

Я ушел и в тот же день отправился к Андрею Сахарову. Рассказал свою историю. Людмила Алексеева также присутствовала при беседе. Она сказала, что у нее нет связей в посольстве Германии, но она постарается передать мое письмо немцам через американцев. Я возвратился в Ереван. Через пару дней меня вызвали в КГБ и потребовали объяснений в связи с моей поездкой в Москву и попыткой проникнуть в посольство Германии. Я сказал, что отказался от гражданства СССР и обращаюсь в посольство, чтобы покинуть страну.

Через некоторое время я снова отправился в Москву, чтобы узнать, как продвигаются дела с моим заявлением. На сей раз я отправился к Юрию Орлову. В тот день Людмила Алексеева организовала пресс-конференцию в его доме. Однако планируемая пресс-конференция по каким-то причинам не состоялась. Там же находился Звиад Гамсахурдия – будущий президент Грузии, который в советское время прославился тем, что после своего ареста сломался, выступил с печально известным заявлением, осуждающим правозащитную деятельность и инакомыслие в целом. Мы познакомились, побеседовали. Узнал, что он планирует создание грузинской Хельсинкской группы. А я сказал, что я готов создать армянскую Хельсинкскую группу. Там же, в доме Орлова, мы с ним решили выступить позже в Москве с совместной пресс-конференцией по поводу создания армянской и грузинской Хельсинкских групп.

Вернувшись в Ереван, я встретился с людьми, которые, на мой взгляд, могли бы участвовать в работе намечающейся Хельсинкской группы. Я обратился к Рафаэлу Папаяну и Эдмонду Аветяну. Я хотел, чтобы в этом деле принимали участие известные в то время интеллектуалы-диссиденты - Левон Нерсисян³⁰, Эдмонд Аветян и Рафаэл Папаян. Все трое работали в ЕГУ, являлись диссидентами и могли сыграть положительную роль в этом деле. По сути, они не отвергли мое предложение. Однако членство в Хельсинкской группе в те годы требовало гласности. Участник должен был выступать открыто под своей фамилией. И Папаян, и Аветян, и Нерсисян пока не были готовы к этому. Позже Папаян и Аветян были осуждены за инакомыслие. Причем Эдмонда Аветяна КГБ решил наказать более сурово, и его отправили в психиатрическую лечебницу.

Как-то, навестив Эдмонда Аветяна, Роберт Назарян узнает от него о моих планах по поводу создания Хельсинкской группы и

сразу же приходит ко мне и предлагает свою кандидатуру. Мы встретились также с Эдуардом Арутюняном. До этого КГБ держал его в психиатрической больнице. Арутюнян был полон решимости заниматься активной деятельностью. И Эдуард Арутюнян, и Роберт Назарян, не раздумывая согласились представлять армянскую Хельсинкскую группу. Эдуард Арутюнян написал декларацию группы. Мы с Робертом Назаряном вылетели в Москву. Жили в квартирах Капитанчука и диссидента-священника Глеба Якунина. Сам же Капитанчук на машинке отпечатал текст нашей декларации и сделал порядка десяти копий. На следующий день в ходе пресс-конференции, организованной в доме Юрия Орлова, которую вела Татьяна Великанова, Роберт Назарян зачитал нашу декларацию. Было официально объявлено о существовании Армянской Хельсинкской группы. Пока мы добрались до Еревана, все радиостанции уже объявили о нашем комитете. Это было в апреле 1977 года.

В январе 1977 года произошел взрыв в московском метро. И уже в ноябре по этому делу был арестован Степан Затикиан и двое его друзей - Акоб Степанян и Завен Багдасарян. В связи с этим я планировал вылететь в Москву. Однако Овик Василян утверждал, что ехать в Москву нет времени, и западным журналистам следует сообщить об аресте Затикиана немедленно - по телефону из Еревана. Второго декабря я позвонил иностранным журналистам в Москву - по имеющимся у меня номерам, и от имени Хельсинкской группы сообщил им об аресте Степана и его друзей и о выдвинутом обвинении. В тот же день иностранная пресса распространила эту информацию и в качестве источника была названа моя фамилия.

Через несколько дней меня арестовали при выходе из дома, якобы за хулиганство, и осудили на три года. После спешно организованного судебного процесса меня перевезли в Москву -

в Лефортово. У них была запись моего телефонного разговора с иностранными журналистами, где я, в частности, говорил, что Затикян и друзья арестованы якобы за осуществление взрыва в московском метро. Они интересовались, откуда я знал за что Затикян был арестован, если не знал о взрывах. Я говорил, что достоверной информации у меня не было, сведения черпал из различных случайных источников, а также от некоей незнакомки, которая представилась соседкой Степана Затикяна. Именно поэтому в своем сообщении я использовал слово «якобы». В изоляторе Лефортово меня продержали пять месяцев и убедившись, что я не имел отношения к взрывам, отправили в Армению отсидеть срок за хулиганство.

Пока я был в Лефортово туда же привезли и Паруйра Айрикяна, хотя он уж точно не мог иметь никакого отношения к делу Степана. Во время этих событий он находился в Перми, на зоне. О том, что и Паруйр находится там, я узнал случайно – из-за песни. Нас выводили на часовую прогулку. На прогулке я вдруг услышал, как кто-то поет песню «По берегам Аракса³¹». Я тут же подхватил ее. Надзиратели расценили это как грубое нарушение режима, и нас обоих увели в карцер. Камеры, в которых нас содержали, имели общий коридор, и мы могли переговариваться. Кроме Паруйра, в Лефортово я встретился также со Степаном Затикяном. Я до сих пор не знаю, была ли эта встреча случайной, или ее организовал КГБ. Когда после очередной прогулки меня вели обратно в камеру, я увидел, как навстречу мне по коридору ведут Степана. И в Лефортово, и в ереванском изоляторе КГБ встречи заключенных, содержащихся в различных камерах, напрочь исключались. Любые передвижения рассчитывались таким образом, чтобы не происходило никаких случайностей. Нам приказали остановиться. На какое-то мгновение мы оказались лицом к лицу на расстоянии 10 метров. Я спросил Степана: «Как ты?». Растерялся, не на-

шел других слов. В ответ Степан лишь закрыл глаза и улыбнулся. Ничего не сказал.

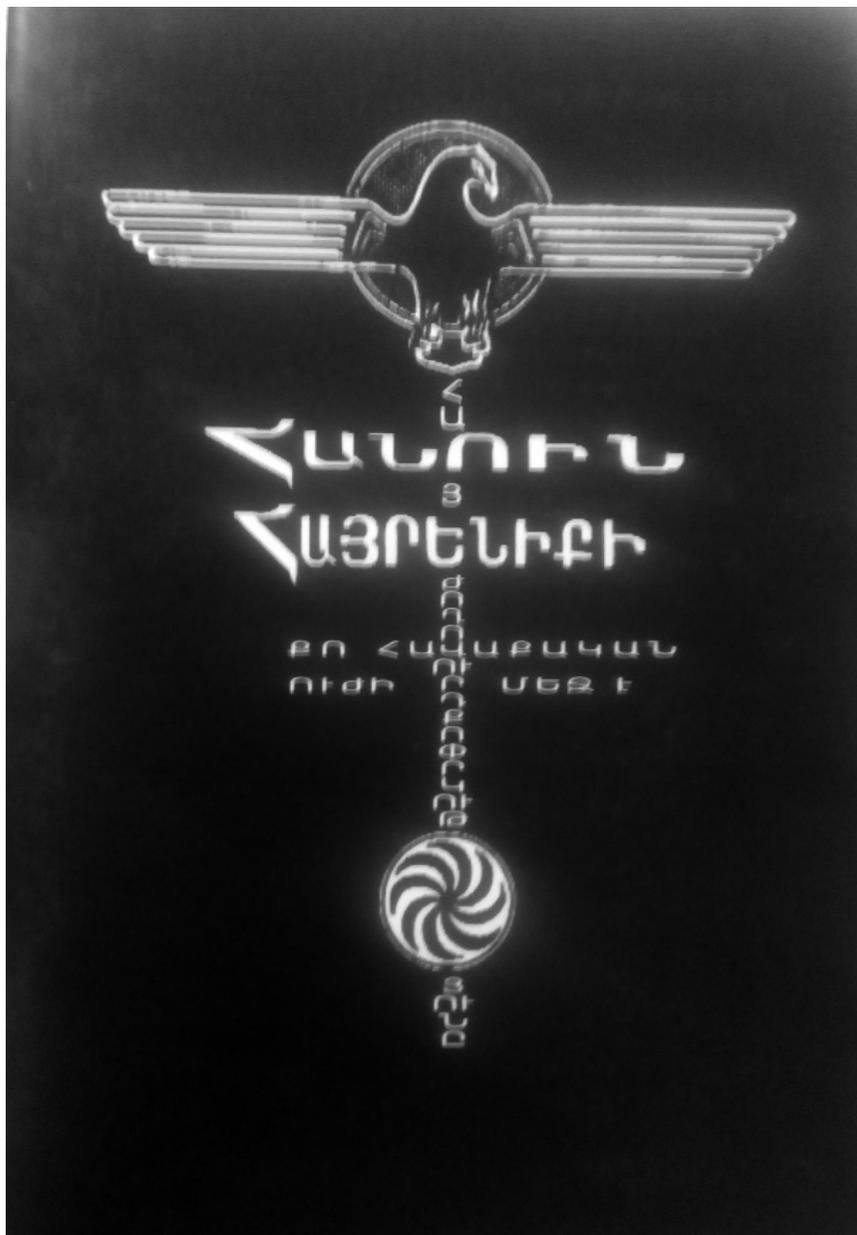
Когда я вышел на свободу после трех лет заключения, то узнал, что после первого своего осуждения освобожден и Эдик Арутюнян. В Хельсинкской группе появились новые члены. Мы продолжали делать то, что делали до своего осуждения. И в один прекрасный день меня в очередной раз пригласили в Комитет госбезопасности и предложили покинуть страну. Передо мной поставили четкое условие: если я отказываюсь покинуть Советский Союз и остаюсь в СССР, то меня снова осудят. В том, что так и будет, не было никаких сомнений. Предлагался простой выбор: либо – зона, либо – Америка. Принять решение мне следовало немедленно – на месте. Я вынужденно выбрал эмиграцию. Переехал в США. Через неделю я начал работать над формированием «Комитета по защите политзаключенных Советской Армении». Вскоре позвонил Виген Бабаян, который работал на радиостанции «Голос Америки» и сообщил мне, что по постановлению Верховного Совета СССР меня лишили гражданства. Нельзя сказать, что эта весть меня сильно огорчила. Позже я начал также издавать газету под названием «Еркунк».

Группа и журнал «Во имя Родины»

**Овик Василян, Асатур Бабаян, Геворк Экимян, Агаси
Антонян, Саргис Торосян, Ширак Гюнашян,
Левон Арушанян**

Приговор по делу членов группы, которая занималась изданием журнала «Во имя Родины», был опубликован 28 февраля 1969 года. Все они были осуждены по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК Армянской ССР. Арестовали восемь человек из группы, но осудили лишь семерых. Дело в том, что еще на стадии предварительного следствия в камере изолятора при неизвестных обстоятельствах скончался Айк Искандарян - один из лучших представителей интеллигенции того времени. Между тем, по словам его близких друзей и родственников, у Искандаряна не было никаких проблем со здоровьем.

Группа была создана в начале 1968 года. Через Шагена Арутюняна – члена НОП, они вышли на связь с Национальной объединенной партией. Велись переговоры вокруг возможного слияния, но из-за программных разногласий объединение организаций так и не состоялось. Через Геворга Экимяна члены группы пересекались с другими кружками и диссидентами, которые разворачивали свою деятельность в период 1963-1967 гг. Группа в основном ставила перед собой такие цели, как решение Армянского вопроса, решение карабахского и нахичеванского вопросов, сохранение чистоты армянского языка, борьба против ассимиляции и защита национальной идентификации армянских общин на территории СССР. Однако следует подчеркнуть, что эта группа

Обложка журнала «Во имя Родины»

существенным образом отличалась от многих действующих в шестидесятые годы подпольных национально-патриотических организаций. Члены группы «Во имя Родины» как в письменной форме - в своих статьях, так и в устной - в ходе своих выступлений и обсуждений, выражали недовольство советским строем.

Они осуждали факт подписания российско-турецкого договора 1921 года, а также – советско-турецкую дипломатию, которая противоречила интересам Армении и армянского народа. В своих статьях они оправдывали дашнаков и обвиняли коммунистов. Правда, очевидных тенденций, нацеленных именно на независимость, все еще не было, но уже намечались тенденции, которые к этому вели. Группа ставила перед собой непростую задачу - создание подпольной типографии, издание и распространение журнала. По сути, с основной частью этой задачи они справились. Была создана подпольная типография и издан журнал, но распространить самиздат им не удалось. В результате предательства члены группы были схвачены с партией готового к распространению журнала.

Журнал «Во имя Родины» состоял из 38 страниц. Эпиграфом к изданию служило четверостишие из поэмы Вигена Бабаяна «Завещание сыну-армянину»:

*Рожденный армянской утробой,
Клянись защищать свою землю,
Оберегая её народ и святыни,
И сохраняя священный язык Маштоца.*

На последней странице журнала был опубликован состав редколлегии - под псевдонимами: Зарзанд Маштоц (Асатур Бабаян), Артавазд Коченц (Агаси Антонян), Арутюн Багратунянц (Овик Василян), Шаварш Сирунян (Ширак Гюнашян), Гарсеван Ованнисян (Геворг Экимян), Смбат Погосян (Саргис Торосян).

Овик Василян был автором трех следующих статей, вошедших в журнал:

- «В качестве предисловия», которая фактически являлась программой организации,
- «Открытое письмо Кочинянам³²», в которой автор подвергает критике выступление первого секретаря Коммунистической партии Армении Кочиняна на Съезде комсомола, поддерживает партию дашнакцутюн³³ и обвиняет в потерях Армении большевиков,
- «Судебная комедия», которая была посвящена судебному процессу над членами организации «Движение за воссоединение Армении», имевшему место 25-29 ноября 1967 года.

Геворг Экимян являлся автором статьи «Два слова о Карабахе и Нахичеване». В журнале также вошли открытое письмо Аветиса Агароняна наркому иностранных дел РСФСР Чичерину и представленная для публикации Айком Искандаряном статья «Истоки революции» из дашнакского журнала «Альбом революции».

Всем членам группы были назначены довольно суровые для тех лет меры наказания. Овик Василян, Геворг Экимян, Асатур Бабаян и Саргис Торосян были осуждены на шесть лет заключения. Приняв во внимание многочисленные смягчающие обстоятельства (и особо подчеркнув это в приговоре), Агаси Антоняна приговорили к пяти годам, Ширака Гюнашяна - к четырем годам, а Левона Арушаняна – к одному году и шести месяцам заключения.

Хотя группа была сформирована лишь в начале 1968-го, основную ее часть составляли люди довольно опытные в плане подпольной деятельности. Так, например, Геворг Экимян и Асатур Бабаян свою деятельность начинали еще на заре шестидесятых. Геворг Экимян имел отношение к армянскому диссидентскому движению шестидесятых, являлся членом сформированного в 1963 году Союза армянской молодежи. Принимал участие в организации демонстрации 24 апреля 1965 года, посвященной дню памяти жертв Геноцида армян. Являлся также одним из органи-

заторов знаменитой демонстрации 1966 года, участники которой были арестованы. Оказался в центре внимания КГБ. В связи с деятельностью, которую разворачивал в 1964-1965 годах, дважды получил официальное предупреждение от КГБ. Несмотря на все эти предупреждения и преследования, продолжал свою деятельность.

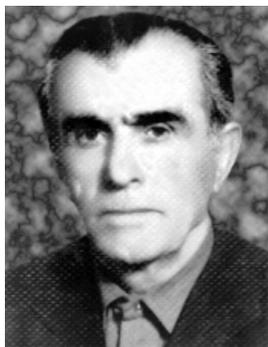
Асатур Бабаян – отец осужденного по «Делу семерых» поэта Вигена Бабаяна. Еще в 1964-1965 годах был предупрежден Комитетом государственной безопасности, но не прекратил свою деятельность.

Овик Василян и Ширак Гюнашян занимались пропагандой национальных ценностей, боролись за чистоту армянского языка и распространяли патриотические листовки в Ереване еще в 1965 году. А в 1967-м, когда они распространяли листовки с аналогичным содержанием в Ереване и Абовяне³⁴, к ним присоединился и Левон Арушанян.

Овик Мартинович Василян родился в 1936 году в Иджеванском районе. До ареста был связан с другими подпольными организациями. В 1965-1967 гг., вместе с единомышленниками методом фотокопирования тиражировал и распространял листовки, содержащие тексты как собственного сочинения, так и других авторов. Являлся одним из организаторов и одним из самых активных участников группы «Во имя Родины». После завершения формирования группы был избран ее руководителем. Был задержан 4 июля 1968 года, приговорен к 6 годам лишения свободы. Отбывал срок в Мордовии, в лагерях для политзаключенных. После освобождения находился под административным надзором, но продолжал диссидентскую деятельность. В 1970-1980 гг. играл ключевую роль в армянских диссидентских кругах. В декабре 1987 года вместе с единомышленниками сформировал организацию «Союз по защите Ай Дата («Армянского вопроса»)), а затем - партию «Национальное возрождение». Скончался 14 сентября 2012 года в Ереване.

Овик Василян

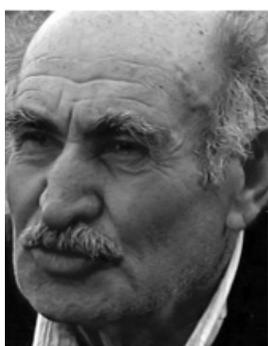
Асатур Бабаян

Геворк Экимян

Агаси Антонян

Саргис Торосян

Ширак Гюнашян

Асатур Унанович Бабаян родился 12 ноября 1915 года в Карабахе, в селе Мохратаг Мартакертского района. Является отцом осужденного по «Делу семерых» Вигена Бабаяна. После смерти родителей Асатур жил в детском доме. Получив среднее образование, переехал в Ереван. Учился в педагогическом институте. В 1941-м отправился на фронт. Семь раз был ранен и получил много наград и медалей. До ареста работал учителем армянского языка и литературы. Был одним из тех участников войны, которые надеялись, что после победы Советский Союз объявит войну союзни-

це фашистской Германии - Турции и тем самым решит Армянский вопрос. Однако эти надежды не оправдались. Страна, за которую эти люди проливали кровь, не собиралась помогать Армении. Более того, СССР официально заявил об отсутствии всяких территориальных претензий к Турции. Оставалось лишь полагаться на собственные силы. Асатур Бабаян был одним из первых, кто эту истину понял. И заставить его отказаться от своей цели не смогли ни преследования и предупреждения КГБ, ни арест и осуждение сына. В 1968 году он принимал участие в формировании группы «Во имя Родины» и издании одноименного журнала. Был арестован 4 июля 1968 года и осужден на 6 лет. Отбывал срок в Мордовии, в лагерях для политзаключенных. После освобождения вернулся в Ереван и находился под административным надзором. Был лишен возможности работать. С большим трудом устроился на работу в одной из средних школ - в качестве сторожа. Скончался 29 июля 1988 года в Ереване.

Геворк Рубенович Экимян родился в 1936 году в Сирии, в городе Алеппо. Политической деятельностью начал заниматься в первой половине 1960-х годов. Являлся членом «Союза армянской молодежи», который разворачивал свою деятельность в 1962-1963 годах. После судебного процесса по «Делу семи патриотов» стал действовать активнее. В 1966 году был одним из организаторов акции, состоявшейся 24 апреля в сквере им. Комитаса, в ходе которой были арестованы её участники. Несмотря на предостережения КГБ, продолжал свою деятельность. Среди инакомыслящих-шестидесятников сыграл роль своеобразного связующего звена. Участвовал в формировании группы «Во имя Родины» и в издании одноименного журнала. Четвертого июля 1968 года был арестован и осужден на 6 лет. Отбывал срок в мордовских лагерях для политзеков. Возвратившись в Армению, продолжал поддерживать связь с прежними друзьями и сотрудничать с диссидентами. Скончался в 2005 году в Ереване.

Агаси Андрюшевич Антоян родился в 1931 году в селе Катнаджур Спитакского района. С членами группы «Во имя Родины» познакомился через Асатура Бабаяна. У него дома проходили собрания группы «Во имя Родины», а также осуществлялись работы по изданию одноименного журнала. Четвертого июля 1968 года он был арестован, а в феврале 1969-го осужден на 5 лет. Отбывал срок в Мордовии, в лагерях для политических заключенных. После освобождения вернулся в Ереван. Находился под административным надзором. Продолжал поддерживать близкие отношения с друзьями. Скончался в ноябре 2000 года.

Саргис Хачикович Торосян родился в 1930 году в селе Егвард Аштаракского района. Принимал участие в организации группы «Во имя Родины» и в издании одноименного журнала. Именно Торосяну удалось достать необходимые для издания шрифты. Был арестован 4 июля 1968 года. Приговорен к 6 годам лишения свободы. Срок отбывал в Мордовии, в лагерях для политзеков. После освобождения вернулся в Ереван. Находился под надзором. С бывшими друзьями и соратниками связь не только не прервал, но сыграл роль связующего звена для политзеков разных поколений и возвращений. Скончался в апреле 2000 года.

Ширак Павлович Гюнашян родился в 1939 году в селе Айкаван Ахурянского района. До ареста учился в Ереванском политехническом институте, в то же время работал на Ереванском ламповом заводе, где и подружился с Овиком Василяном. С 1965-го и до конца жизни Ширак Гюнашян не прекращал свою диссидентскую деятельность. Он был одним из организаторов группы «Во имя Родины». Был арестован 11 августа 1968 года и осужден на 4 года лишения свободы. Срок отбывал в мордовских политических лагерях. После возвращения в Армению продолжил свою деятельность. В 1982 году был арестован во второй раз, в результате сфабрикованного обвинения – по статье 206¹ (распространение

заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Был осужден на 3 года лишения свободы. В 1987 году вместе с соратниками сформировал организацию «Союз по защите Ай Дата (Армянского вопроса)». С 1988-го являлся активным участником Карабахского движения. Во время блокады Карабаха он был координатором и организатором доставки продовольствия и припасов в Карабах из аэропорта «Эребуни». Вплоть до подписания соглашения о прекращении огня его основным рабочим местом оставался аэропорт «Эребуни». В 1996 году по его инициативе была создана общественная организация политзеков 1960-1980-х годов - «Клуб - 65». Скончался в 1997 году в Ереване.

Левон Рубенович Арушанян родился в 1939 году в селе Айгедзор Шамшадинского района. Еще в 1967-м он вместе с Шираком Гюнашяном, Овиком Василянном и другими занимался распространением листовок в Ереване и Абовяне. Чтобы привести в законченный вид уже готовый журнал «Во имя Родины», члены группы переправили его из дома Агаси Антоныяна в дом Левона Арушаняна, в город Абовян, что и стало причиной его ареста. Четвертого июля 1968 года Левон Арушанян был арестован, а в феврале 1969-го осужден сроком на 1 год и 6 месяцев. После освобождения подпольной деятельностью больше не занимался.

Из рассказа жены Агаси Антоныяна - Мари

В 1964 году, вместе с шестью другими, осудили и сына Асатура Бабаяна – Вигена Бабаяна. Асатур Бабаян был военным, участвовал во Второй мировой войне, был ранен семь раз, имел награды и медали. Мой муж Агаси служил вместе с ним в Ереванском полку. После свадьбы мы купили участок в Аване³⁵ и построили дом, в котором сегодня живет наша семья. Отчий дом Асатура находился

чуть выше нашего. Фактически бывшие знакомые и сослуживцы стали еще и соседями. После суда по делу Вигена и его друзей они часто приходили к нам на дружеские посиделки. На первых порах я понятия не имела об истинных причинах и целях этих посиделок. Думала, собираются вместе друзья и просто проводят время. В эту компанию входили Овик Василян, Ширак Гюнашян, Геворг Экимян, Асатур Бабаян, Саргис Торосян, ну и муж мой – Агаси Антонян. Где и когда они познакомились, не знаю. Могу лишь сказать, что до самого конца они сохранили эту дружбу.

И вот однажды Агаси рассказал мне об истинных причинах этих собраний и сообщил, что они решили организовать в нашем доме издательство журнала. Сначала я возражала, мне было страшно, но потом согласилась. Получив мое согласие, они уже в моем присутствии стали обсуждать все детали организации издания будущего журнала. В городе Севан Саргис и Агаси смогли каким-то образом достать шрифты. Дело продвигалось медленно. Пожалуй, где-то через год, благодаря Шагену Арутюняну, с нами познакомился Хачик Амирджян. Он был осужден вместе с сыном Асатура – Вигеном в 1964 году, но был освобожден досрочно. Вскоре после знакомства он явился к нам домой вместе с Асатуром и сказал, что разводится с женой и ему негде жить, попросил пристанища. Я выделила ему маленькую комнату, постелила постель, и какое-то время он жил в нашем доме. Через некоторое время парни начали сомневаться в Хачике. Асатур не верил им, все утверждал, что Хачик честный, но остальные ребята все же сомневались. Хачика не вмешивали в процесс издания журнала. Все делалось втайне от него. Он лишь знал о том, что действует группа. Но чем занимается эта группа и что она делает, он не знал. Он постоянно расспрашивал нас, предлагал свои услуги.

Асатур Бабаян обучил меня навыкам наборщика. А Экимян Геворг на ламповом заводе смастерил специальное устройство –

столик. В это самое устройство я укладывала в ряд буквы, вставляла отломанные кусочки спички для обеспечения расстояния между словами, затем наносила на буквы типографскую краску и утрамбовывала поверхность с помощью скалки. Таким образом я и отпечатала всю партию журнала. Оставалось изготовить переплет. К тому времени подозрения, что КГБ может выйти на группу, усилились. Я упаковала всю партию журналов в ящики, и они увезли эти ящики в Абовян. Работу, связанную с переплетом, они завершили уже в Абовяне – в доме сестры Овика. Закончив дело, они попытались общественным транспортом привезти всю партию в Ереван для дальнейшего распространения. Однако по пути в Ереван автобус останавливают. Из ребят в автобусе находились Овик Василян, Ширак Гюнашян, Геворг Экимян и муж сестры Овика – Левон. Объявляют о пропаже большой суммы денег и велят всем пассажирам выйти из автобуса, каждому со своим багажом. Ребята, естественно, оставляют свои сумки в автобусе и говорят, что это не их багаж. Словом, их арестовывают, сажают по одному в отдельные машины и привозят в изолятор КГБ. Это было второго июля. Агаси красил дома двери, но у него были проблемы с почками, так что, почувствовав недомогание, он прилег отдохнуть. К девяти часам вечера в дом без стука ворвалась группа людей. Они велели Агаси одеться. Заявили, что у них санкция на арест и обыск дома. Нас, жильцов дома, заперли в одной из комнат и приступили к обыску. Они орудовали в нашем доме до трех часов ночи. Между тем, Саргис, узнав об аресте ребят, спешит к нам домой, чтобы предупредить Агаси. Естественно, о том, что в тот самый момент у нас проводится обыск, он не знал. Уже находясь возле нашего дома, он замечает стоящие во дворе машины, понимает, что слишком поздно, пытается скрыться, но его хватают. К нам приводят и Саргиса. Он оставался с нами на протяжении всего обыска, а затем его увезли к ним и обыскали их дом.

В этом деле я фигурировала в качестве свидетеля. Ребята, естественно, все как один говорили, что я ничего не знаю. То же самое говорила и я. На этапе предварительного следствия наши подозрения, касающиеся Хачика Амирджаняна, окончательно подтвердились. Следствие длилось восемь месяцев. Суд состоялся 12 февраля – в день рождения Агаси. Меня и супругу Геворга Экимяна не пустили в зал заседаний суда, поскольку мы являлись свидетелями по делу. Лишь после дачи показаний нам позволили присутствовать в зале.

Всем ребятам назначили суровые меры наказания. Овику Василян, Асатуру Бабаяну, Геворгу Экимяну, Саргису Торосяну дали по шесть лет, Агаси – пять, Шираку Гюнашяну – четыре года. Только зятю Овика – Левону Арушаняну, который никакой связи с организацией не имел, дали полтора года. После суда ребят отправили в Мордовию. Раз в год разрешалось свидание. Весь год мы копили деньги, собирались женщинами и отправлялись на свидание. Ехали в Москву, из Москвы на поезде в Саранск, а оттуда, в кузове грузовика, доезжали до мест заключения. Парни содержались в разных колониях, расстояние между ними было довольно большим. А в один год мы с такими же трудностями добрались до зоны, но в свидании нам отказали. Это была третья колония. Саргис и Агаси сидели вместе, и я отправилась туда вместе с его женой. Как мы ни просили, нам не разрешили встретиться. Так и возвратились в Ереван, не повидавшись.

Вернувшись в Армению, парни продолжали дружить. Часто собирались в нашем доме. А семьями мы и вовсе сроднились. Ребята уже умерли, но связь между нашими семьями существует и сегодня.

Пока Агаси сидел, я никакого давления со стороны органов не испытывала и преследованиям не подвергалась. Работала в прачечной. После возвращения Агаси я стала работать на заводе

«Алмаст» («Алмаз»). Вот там уже меня периодически вызывали к директору и спрашивали, чем занимается Агаси. Там я постоянно находилась в центре внимания. Однажды в связи с какой-то проблемой мы, рабочие, решили отказаться работать. Вошел директор Мидоян и спросил, почему мы не работаем. Я попыталась объяснить. А он мне: «Мадам, это тебе не митинг, чтобы организовывать его и требовать армянские земли, я тебя сейчас из окна вышвырну». А сам Агаси и вовсе не имел никакой возможности работать. И не только он. Два года после освобождения он находился под надзором. Не имел права выходить из дома после восьми вечера, не имел права находиться в общественных местах. Однажды его выдворили из музея. Был такой милиционер по фамилии Джаназян, он покоя нам не давал. Постоянно приходил. А если Агаси и устраивался на работу, то в скором времени его все равно увольняли. С Овиком Василяном они несколько раз пробовали устроиться на работу, но тщетно. Однажды они устроились рабочими - укладывали парапеты вдоль дорог. Однако и там возникали проблемы.

В 1977-м в нашем доме снова проводился обыск - в связи со Степаном Затикяном. В день ареста Затикяна ребята попросили меня сходить к нему домой и узнать, что там происходит. Я отправилась туда со старшей дочерью. Мы дошли до дома, но нас не пустили. Через несколько дней пришли за мной на работу, привели меня домой и устроили обыск. Но ничего не нашли.

Айк Искандарян

Таинственная смерть

Айк Искандарян

Вместе с членами группы «Во имя Родины», за оказываемую поддержку в деле издания одноименного журнала, был также арестован Айк Искандарян. До того, как начался судебный процесс по данному делу, он скончался в изоляторе КГБ. До сих пор обстоятельства его смерти неизвестны, и они останутся неизвестными, пока Служба национальной безопасности Республики Армения будет лишь формально называться «национальной», а по сути – являться ЧК – КГБ, имея тот же

менталитет и храня непреходящую верность прошлому.

Айк Багдасарович Искандарян родился 23 сентября 1909 года в Сисианском районе. В 1922 году он с отцом перебрался в Баку, где учился в школе им. Туманяна, и закончил ее в 1928 году. В том же году поступил на строительный факультет ЕГУ. Продолжил учебу в Московской военно-инженерной академии им. Куйбышева. В 1942-м отправился на фронт. Попал в окружение под Керчью и был пленен. В лагере для военнопленных, армян отделили и переправили в Литвицу, где Искандарян был принят в армянский легион и получил звание младшего командира. Работал переводчиком в редакции газеты «Айастан» («Армения») в Берлине. В 1944-м он был арестован фашистами как не внушающий доверия и заключен в тюрьму. Поезд с заключенными подвергся бомбардировке, и, воспользовавшись ситуацией, Искандарян осуще-

ствил побег. Во французском городе Ним он присоединился к партизанам и в составе партизанских отрядов бился с фашистами. В 1945 году вернулся в Армению. После войны и до своего ареста и смерти работал инженером в сфере гидротехнического строительства. В 1960-1968 годах он являлся заведующим отделом гидротехнических конструкций в институте «Ереванпроект».

В 1964 году Искандарян собирает 5501 подпись по поводу присоединения Карабаха и Нахичевана к Армении и отправляет письма в руководящие органы СССР - ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров. Для того чтобы собрать как можно больше подписей и придать весомость письмам, Айк Искандарян делает все возможное, чтобы первыми поставили свои подписи Мартирос Сарьян³⁶ и Гоар Гаспарян³⁷, и это ему удается. В 1967 году Искандарян готовит еще одно письмо с аналогичным содержанием, которое должны были подписать только жители Карабаха и Нахичевана. Под этим письмом собирается 1906 подписей. В 1967 году член группы «Во имя Родины» Саргис Торосян предлагает ему принять участие в работах по изготовлению самиздата «Во имя Родины», но Айк Искандарян был против издания подпольного журнала. Свою позицию он аргументировал тем, что советским спецслужбам в самом скором времени непременно удастся разоблачить и арестовать всех членов подпольной организации. Однако он все же предоставляет для публикации имеющиеся у него ценные материалы - брошюру Гарегина Нжде³⁸ «Открытые письма армянской интеллигенции» и письмо Аветиса Агароняна «Народному комиссару Советской России по иностранным делам, г-ну Чичерину».

Второго июля 1968 года группу «Во имя Родины» арестовали. А Искандарян к тому времени уже давно находился в центре внимания КГБ. Обнаружив, что он связан с членами группы, чекисты решают арестовать и его.

В результате обыска у Айка Искандаряна были обнаружены и конфискованы следующие документы:

- речь Доктора Назима³⁹ 1910 года (по поводу уничтожения армян),
- выступление секретаря компартии Болгарии Димитрова⁴⁰ по поводу армянских территорий,
- выступление Орджоникидзе в связи с решением Нариманова⁴¹,
- два письма Гембарского (У Тану⁴² и президенту Индии),
- статья «Да здравствует Советская Армения», которая была опубликована в газете «Правда» в 1921 году,
- телеграмма Сталина Ленину (по поводу Западной Армении).

Все перечисленные материалы были размножены в количестве 50 экземпляров и были готовы для распространения в академиях, в среде писателей, общественных и политических деятелей республик, входящих в состав Советского Союза. Были конфискованы также собственные сочинения Искандаряна:

- «Писатель Шолохов» (письмо Шолохову⁴³, в котором он обвиняет его в пособничестве великодержавному шовинизму. Оно было отправлено в Союзы писателей 15 советских республик),
- «Размышления о независимой государственности»,
- «Призыв к армянам Диаспоры» (по пять экземпляров – для отправления и распространения в армянских общинах),
- благодарственные письма Б.Гембарскому⁴⁴, И.Эренбургу⁴⁵
- Призыв в связи с днем памяти Геноцида, которое мы представляем ниже:

«Дорогие друзья!

День памяти наших святых мучеников – 24 апреля, который в прошлом году мы с невиданным героизмом превратили в одну из слав-

ных страниц истории и борьбы армянского народа, должен отныне стать традиционным, заветным и священным днем для всех армян. В этом году, для того чтобы отметить этот достопамятный день, мы со смиренным чувством священного сыновнего долга вышли на улицы. Однако власти, с помощью своих тупых исполнителей, лишенных национального и человеческого достоинства, подавили нашу мирную и справедливую демонстрацию, которая была направлена против геноцида, захвата нашей родины и вопиющей несправедливости, не имеющей в мире аналогов. Эти люди должны с содроганием вспоминать о том, как они встали на защиту турок и злодейства. Вот в чем смысл их постыдного и позорного поступка. Но мы, тем не менее, осознавая величие долга, заполнили в этот день улицы и площади столицы и отдали дань уважения памяти миллионов мучеников.

Так пусть же глубокое осознание нашей праведности наполнит нас величием и гордостью, давайте не щадить ни жизни нашей, ни имеющихся у нас сил, ни вдохновения на тяжелейшем пути борьбы за восстановление справедливости и защиту наших интересов и прав нашего народа.

Айк Искандарян».

(В призыве речь идет об успешной демонстрации 1965 года и о разгоне аналогичной акции год спустя – 24 апреля 1966 года.)

В 1965 году в Бейруте партия Гнчак⁴⁶ выступает с обращением ко всем армянам, в котором, в частности, говорится: «Мы призываем наших соотечественников подняться на мирную борьбу за справедливое решение нашего вопроса». Искандарян выступает с ответным призывом, обращаясь к общественно-политическим организациям диаспоры и к армянскому народу в целом. Он, в частности, пишет: «После Второй мировой войны многие народы мира стали обладателями государственности - народы, которые не имели даже государственного мышления, и мы рады за них

и приветствуем это достижение. Но нам не следует забывать, что обожаемая нами отчизна находится под игом турецких захватчиков, что под армянскими руинами еще не успели истлеть останки армянского младенца, которого зарезал турок...»

Под призывом стоит подпись: Ереванский комитет Ай Дата (Армянского вопроса).

10 сентября 1968 года в Академии наук Армянской ССР проходила конференция, посвященная гидроинженеру Аствацатрян-ну. Искандарян также принимал в ней участие. В зале конференции его и арестовывают.

Через три месяца после ареста, 16 декабря, ему предоставляют возможность встретиться с членами семьи. Это свидание становится их последней встречей. В возрасте 59 лет, 25 декабря 1968 года, через девять дней после свидания с семьей, в изоляторе КГБ по неизвестным причинам Айк Искандарян умирает. Через два дня, 27 декабря, членов его семьи вызывают в КГБ и сообщают, что Искандарян скончался. Им запрещают звонить даже самым близким родственникам. Весь день их удерживают в здании КГБ и лишь вечером выводят через заднюю дверь, сажают в автобус и везут на нубарашенское⁴⁷ кладбище. Там рабочие, которых привезли сотрудники Госбезопасности, и похоронили одного из лучших интеллектуалов Армении того периода – Айка Искандаряна.

Второй судебный процесс по делу НОП

«Цасум» («Ярость») и «Еркунк» («Родовые муки»)

**Паруйр Айрикян, Акоб Ашикян, Ашот Навасардян,
Рафаэль Барсегов, Ашот Хачатрян**

Девятого января 1969 года в Ереване состоялся судебный процесс по делу основателей Национальной объединенной партии - Айказ Хачатряна, Степана Затикяна и Шагена Арутюняна. По всей вероятности, в КГБ были уверены, что эта антисоветская организация, которая посредством своей газеты «Парос» и программных положений анонсировала свою борьбу за независимость Армении, уже уничтожена. Это убеждение укрепились в них в том числе и благодаря усилиям самих основателей НОП. В ходе предварительного следствия Айказ Хачатрян предложил своим друзьям - Степану Затикяну и Шагену Арутюняну – в процессе допросов все взять на себя и создать впечатление, что они, и только они, представляют собой весь состав НОП. На тот момент КГБ понятия не имел о том, что НОП к тому времени уже являлась прекрасно организованной, разветвленной организацией, которая не прекратила и не планировала прекращать свою деятельность.

В то время из организаций, входящих в её состав, наибольшую активность, проявляла, пожалуй, группа, возглавляемая Паруйром Айрикяном. Еще в 1968 году им удалось 24 апреля организовать радиопередачу, посвященную дню памяти Геноцида армян, в Мемориальном комплексе Цицернакаберд⁴⁸. До судебного процесса по делу руководителей НОП им удалось распространить листовки «Цасум» («Ярость»), а через несколько дней, уже после судебного процесса – 5000 экземпляров листовки «Еркунк» («Родовые муки»).

«Еркунк» больше напоминала газету. Передовица «Еркунк» носила заголовок «Независимость как жизненная необходи-

мость», в которой СССР был назван Российской Империей, и авторы призывали к борьбе за независимость. А завершала листовку статья под заголовком «Испытание без опыта: рекомендации для подпольных организаций». Лозунг «Смерть или свободная Армения» служил эпитафией к листовке, ниже эпитафии представлялось название листовки («Еркунк»), дата и место издания (N1, январь, 1969 г., Ереван).

«Еркунк» была распространена в больших городах Армении - Ереване, Гюмри и Ванадзоре. В рекордно короткие сроки ереванские вузы, кинотеатры и традиционно многолюдные объекты были заполнены этими листовками. В марте 1969 года был готов и второй номер «Еркунк», однако организаторов арестовали и распространить его не удалось.

В конце марта 1969 года Комитету госбезопасности удается выйти на след этой организации, и начинаются аресты. Арестовываются Паруйр Айрикан, Акоб Ашикян, Ашот Навасардян, Рафаэль Барсегов и Ашот Хачатрян. Однако десятки членов НОП, которые не попали в поле зрения КГБ, остаются на свободе и продолжают свою подпольную деятельность. Одна из особенностей НОП заключалась в том, что если арестованный член партии во время показаний и называл какие-то имена, то только тех деятелей, которые были ему известны. А каждый член НОП знал строго ограниченное количество людей. Примечательно, что задержанные члены этой группы ни во время предварительного следствия, ни в ходе судебного процесса не заявили о том, что являются членами НОП. В тот период самым важным было сохранить в тайне само существование партии, поэтому давать во время допроса какие-либо показания, связанные с ней, считалось предательством. Основная задача любого арестованного члена НОП заключалась в том, чтобы, взяв ответственность на себя, исключить возможные аресты товарищей. Именно так поступи-

ԵՐԿՈՒՆԷ

№1 ՀՈՒՆՎԱՐ 1969 ԵՐԵՎԱՆ

ՍԵՎԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՄԵՍ ԳԵՆԱԿԱՏ ՈՒՂԱՏԸ

Դարեր շարունակ Հայ ժողովուրդը մտնելով դատան փորձությունների շեմերեն է իր գոյությունը Ազրեյ և ռուս է հուսալով, որ կգա այն լուսնը որը, երբ կուենեն իր ՄԱՍՏԱՅԱՍՏԱՆ ՈՒ ՍԵՎԱՆ ՀԱՅՐԵԲԻՐԸ: Եվ մենք որ է պայքարենք, որպեսզի ՍԵՎԱՆ ՀԱՍՏԱՅԻ հարցը չկասկենք գալիք սերունդին, որպեսզի չկրկենի 1815 թվա - նի Սեօ Եղեանը, 1920 թվականի Եո - նիստի 29-ը, երբ բազմող արշաւույցը ամօլեց արյունալի մայրամուտի, 1937 1969 թվականները:

Չգրեին ասանամյակում ԽՍՀՄ-ում/Ռուս կայսրութունում/ աշխուժացել և րթի է ստացել ազգային-ազատագրա - ն պայքարը: Դա ըտաարմուն է երանով Ռուսական կայսրութան բազմաթիվ ազգ հասկացան, որ վերջիվերջները որսիվի թողի տակ իրենց շուրխիստա - ն Եպատկներն են իրագործում:

Երբ մյուս ազգերին հուզում են ա - տության և իրենց լուսնան հարցերը - ո մեզ Հայերին, բառի զրանից հու - մ են հարցեր, որոնք պետք է վա - ճ լուծվան լինենք: Դրանք աղջարա - ուության, կողմից մյուս երկր կա - ռը հողային հարցն է: Դրանք է վերա - նվան Արցախն ու Եսփիջանը:

Հայաստանում բազմաթիվ ընդհատակյա քակեցություններ իրենց հիմնական տանն են համարում ԽՍՀՄ կառավարու - նի համունեխական փոստաղբութան, շնորով լուսնել Հայկական հողերի վե - իրավորման/սկզբում Արցախ և Եսփիջե - յի/ և Սեօ Եղեանի Օրվա պետականորեն շուտ հարցերում/կայան արեւելով դառն սարձարձութուն, երեսօ հասկացան, որ նց Եպատկին հասնելու համար պետք պայվանել Օտարի մարդախորությանը: Սեօ համար փաստարի ճշմարտություն է: Լինի այն, որ ըստը պետուր - ների համար շահ է որոշիչը:

Այս հարցերի պատասխանը պետք է լինի: «Հեղափոխության», մեծ երբեք Եղեան հարենցի խոսքերը: Ես, որ իր կյանքի վերջին ասրիներին աղոթը խորությանը հանաւեց «Գրուեաթարիտի ղիկաւուրա», հասկաթողության ողջ ետութունը, երբ րեւաթարական սկզբունները: Ես, որ ե - յունք կաւուր արիներին իր ազգի փրկութ - յունքը կապում էր հեղափոխական Ուո - սաստանի հետ, զգալով կոմունիստական զաղափարության ըսն ետութունը, մարգարեաբար ասանդէր: «ԴՈՒ ՀԱՅ ՓՈՂՈՒՊՈՒՐԻ, ԲՈ ՄԻԱԿ ՓԵՐ - ԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ԲՈ ՀԱՄԱՄԱՅԱՏ ՈՒԹՅՈՒ ՍԵՂ Ե՛՛՛»:

Միայն Հայերը կարող են լուսնել ի - իրենց ազգային հարցերը: Իր բախտը որ - ներին/լուս համար Հայ ժողովուրդը պետք է ուենեն սեփական կայն, սնկեմ ու ա - զատ Հայրենիք միջազգային կայն անա - լուսով:

Երկայուն սերողության մեջ գրա - նելով հայրենասերները պետք է հասկա - նան, որ ըստը հարցերի լուսնան Ես - իսպայանը Հայաստանի սնկապաւունն է կամ մի երր [Սրեանյան] սնկան Հայաս - տանի ստեղծումը: որով հիմնականում պետք է իրաւուն մեր սփյուռքահայ եղ - բայրները՝ Օգովելով միջազգային կայն հեարավորություններին, որպես ուղի - ջույց ուենենալով իրաւան Գեմարտուտ վերջին նամակը:

Երբ իտուում է սնկապաւուն մասին դա կաւ շատում, որ մենք պետք է այ - սով զինով ապստամբութուն բարձրաց - նենք: Դա միայն հուսալաւ կարիվ կենի, կարիվ կանգնած մտնելու համար:

Իր ուղիների մասին, «ԵՐԿՈՒՆԷ», ի - գրելեաթարենը հասկանալի է, սնաւ կը լինի: Նշենք միայն, որ մեծ նշան - կություն ունի միջազգային ղրուր - յունքը: Այս հարցի լուսաբանմանը և հասկանալու որոշ լուսնան համար սարա - կուանիլ ան հարցին, թե Հայաստանը կարող ետեւեւ արտուտ ֆիզիկական պատ -

Газета Еркунк 1-я страница

ли учредители НОП, заявив в ходе предварительного следствия и на суде, что лишь втроем и представляют собой весь состав подпольной организации. Аналогичным образом повели себя и входящие в состав НОП арестованные члены группы Айрикяна. Возможно, в тот период некоторые из арестантов и допускали какие-то ошибки, но в этом вопросе все они были безупречны: ни один из них не проронил ни слова ни о своем членстве в НОП, ни о существовании этой партии в целом. Эта тактика изменилась 4-5 лет спустя, лишь в 1974 году, когда во время предварительных следствий и судебных процессов арестованные стали открыто заявлять о своем членстве в Национальной объединенной партии, которая борется за независимость Армении. Однако и значительно позже члены некоторых групп, входящих в состав НОП, в ходе предварительных следствий упорно скрывали это обстоятельство и лишь в зале суда объявляли, что являются членами НОП, используя суд в качестве площадки для декларации и продвижения программы и идей партии. Например, в 1981 году во время судебного процесса именно так поступили члены «Союза армянской молодежи». На протяжении всего предварительного следствия они позиционировали себя как отдельную независимую организацию, и лишь в зале суда, на завершающем этапе судебного разбирательства, лидер организации Марзпет Арутюнян объявил, что организация является молодежной структурой НОП.

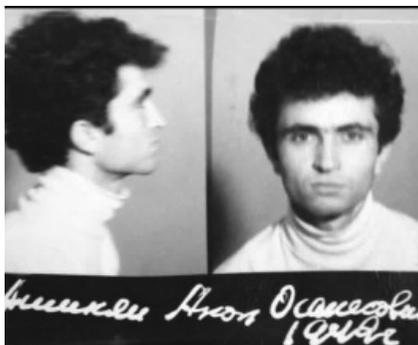
Второй судебный процесс по делу Национальной объединенной партии состоялся в феврале 1970 года. Были осуждены Паруйр Айрикян, Акоб Ашикян, Ашот Навасардян, Ашот Хачатрян и Рафаель Барсегов. Все они обвинялись по 1 части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК Армянской ССР.

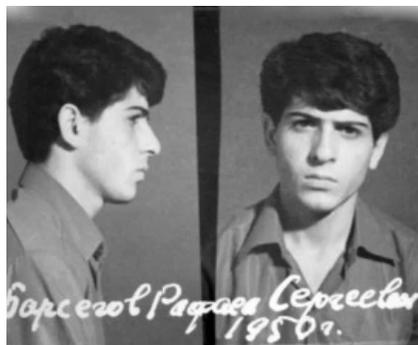
Ашот Навасардян

Ашот Хачатрян

Акоб Ашикян

Рафаэль Барсегов

Паруйр Айрикян

Паруйр Аршавирович Айрикян - родился в 1949 году в Ереване. До ареста учился в Ереванском политехническом институте на третьем курсе вечернего отделения факультета кибернетики, одновременно работая на трикотажной фабрике. Еще с юношества занимался патриотической

деятельностью. Организовал кружок «Армянский молодежный союз», занимающийся распространением листовок, которые тиражировались фотографическим способом. В дальнейшем они установили связь с Национальной объединенной партией и вступили в нее. Айрикян основал молодежную структуру НОП, которая называлась «Шант» («Молния»). После ареста лидеров НОП Айрикян руководит изготовлением и распространением листовок «Цасум» («Ярость»), а после судебного процесса распространяются листовки «Еркунк» («Родовые муки»). В марте 1969 года Паруйра Айрикяна арестовывают, а 23 февраля 1970 года осуждают на 4 года. Срок он отбывал в Мордовии, в лагерях для политических заключенных. После своего освобождения в 1973 году он вернулся в Армению и сразу был взят под административный надзор. Несмотря на это, Айрикян не прекращал свою активную деятельность. Восстановил возглавляемую им же в прошлом структуру НОП, в которую вступили новые люди. Отдельные, не связанные друг с другом кружки, под руководством Айрикяна, занимались распространением газеты «Парос» («Маяк») и листовок, оставляли на стенах улиц лозунги, призывающие к независимости. В феврале 1974 года Айрикяна вновь арестовывают. В этот раз, предъявив обвинение по статье 217¹ (злостное нарушение правил административного надзора). По этому сфабрикованному обвинению 5 марта 1974 года Айрикян был приговорен к двум годам лишения свободы. А через несколько дней – 29 марта, ему предъявляют еще одно обвинение по признакам 2-й части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статьи. В ноябре 1974 года его приговаривают к 7 годам заключения и 3 годам ссылки. Срок он отбывал сначала в лагерях Мордовии, затем в лагерях для политических заключенных в Пермской области. На зоне имел репутацию стойкого и активного политзека. За несколько месяцев до истечения семилетнего срока заключе-

ния, ему предъявляют новое сфабрикованное обвинение. В этот раз Айриkyяна обвиняют по 2-й части 174-й статьи (дача взятки) УК РСФСР. В 1981 году его осуждают на 3 года заключения. Срок он отбывает в Иркутской области, в лагере для уголовных преступников, после чего, согласно приговору, опубликованному в 1974 году, он был на три года отправлен в ссылку. В Армению Айриkyян вернулся в 1987 году. В том же году на основе НОП он формирует Объединение национального самоопределения. В 1988-м его вновь арестовывают. Однако этот арест не приводит к судебному разбирательству. Советская власть решает выдворить его из страны. В Армению ему удастся вернуться лишь в ноябре 1990 года. В том же году Айриkyян был избран депутатом Верховного Совета Армении, а в 1995 году - депутатом Национального Собрания Республики Армения. В настоящее время он живет в Ереване. Является лидером партии Объединение национального самоопределения.

Акоб Ованнесович Ашиkyян - родился в 1949 году в Ереване. Ко времени ареста он учился на третьем курсе вечернего отделения факультета технической кибернетики Ереванского политехнического института и одновременно работал в лаборатории научно-исследовательского института счетных машин в Ереване. Вступил в НОП в 1967 году. В 1969 году был арестован и приговорен к 2 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагере для политзаключенных в Мордовии. После освобождения жил в Ереване. Поддерживал связи с армянскими диссидентами, но не занимался активной деятельностью. Работал стоматологом. Скончался в 2005 году в Ереване.

Ашот Цолакович Навасардыан - родился в 1950 году в Ереване. Вступил в Национальную объединенную партию в 1967 году. 24 апреля 1968 года принимал участие в организации радиовещания в мемориальном комплексе Цицернакаберд, посвященного Гено-

циду армян, а в 1969 году участвовал в издании и распространении листовок «Цасум» и «Еркунк». Был арестован в 1969 году и осужден на 2 года заключения. Срок отбывал в Мордовии, в лагерях для политических заключенных. После освобождения, в 1971 году, вернулся в Ереван и, несмотря на то что находился под административным надзором, продолжал подпольную деятельность. Организовал отдельный кружок НОП. Кружок занимался изготовлением и распространением листовок, пропагандирующих независимость. В марте 1974 года его вновь арестовывают и приговаривают к семи годам заключения и двум годам ссылки. Досрочно освобождается в декабре 1976 года - в результате прошения о помиловании.

В феврале 1981 года завершился семилетний срок заключения, назначенный в 1974 году соратнику и другу Навасардяна Паруйру Айрипяну. По приговору он должен отправиться в ссылку, однако за несколько месяцев до завершения срока Паруйра вновь осудили – уже по сфабрикованной уголовной статье. КГБ решил, что Паруйр Айрипян не должен находиться на свободе. Ашот Навасардян и Азат Аршакян решают, что если их товарищу грозит новый срок и еще неизвестно, чем все это закончится, то и они не должны оставаться на воле. Они издают очередной выпуск «Пароса» («Маяк»), - официальной газеты НОП, но в отличие от прежней практики ставят свои подписи под этим изданием. За этот поступок, согласно приговору, который был опубликован 18 января 1981 года, Навасардян осуждается вновь по тем же статьям УК Армянской ССР (по 2-й части 65-й статьи и 67-й статье). Суд признает Навасардяна особо опасным рецидивистом и приговаривает к 8 годам лагерей и 3 годам ссылки. Первые три года он должен был отбывать в тюремном режиме, а остальной срок – в колонии особого режима. Этот срок он отбывал в Чистопольской тюрьме, затем – в Пермской области, на зоне особо-

го режима для особо опасных рецидивистов. Ашот Навасардян и Азат Аршакян - единственные армянские политзаключенные, которые были признаны особо опасными рецидивистами. В 1987 году, в результате горбачевской перестройки, Ашот Навасардян был освобожден досрочно.

С 1989 года он занимался организацией военизированных отрядов, осуществляющих охрану границ Армении и возглавлял военно-политическую организацию «Армия Независимости». В 1990 году Навасардян основал Республиканскую партию Армении. В том же году был избран в Верховный Совет РА, а в 1995-м – в Национальное собрание РА. Скончался в 1997 году в Ереване.

Рафаэль Сергеевич Барсегов - родился в 1956 году в Тбилиси. Вырос без отца. Мать проживала в Тбилиси, а он с братьями с 1961 года по 1968-й жил в Ереване в детском доме. В Национальную объединенную партию вступил в 1968 году. Был арестован в 1969 году и осужден на 6 месяцев заключения. Освобожден в зале суда ввиду истечения назначенного срока заключения к моменту вынесения приговора. В дальнейшем подпольной деятельностью не занимался. Переехал на постоянное жительство в Грузию, где и скончался.

Ашот Завенович Хачатрян - родился в 1951 году в Апаранском районе. До ареста учился на филологическом факультете ЕГУ. Был арестован в 1969 году, приговорен к 6 месяцам заключения. К моменту вынесения приговора был освобожден в зале суда ввиду завершения назначенного срока заключения. В дальнейшем подпольной деятельностью не занимался. Жил в Ереване, где и скончался.

Из рассказа Паруйра Айрикяна

В моем формировании решающую роль сыграли, с одной стороны – моя любовь к чтению, а с другой – мой отец. В те дни постоянно говорилось о том, что мы, наш народ, сегодня находимся в гораздо лучшем положении, чем находились на протяжении веков. Когда наша учительница географии впервые показала нам карту Армении, то я попросил ее показать на карте гору Арарат. Она указала на некую точку, которая находилась за пределами Армении, и это поразило меня: «Как, разве Арарат не в Армении?» «А ты что же, не знал?», - удивилась учительница. Для меня это было шоком. Как же так получается, что армяне живут сегодня лучше, чем когда-либо, но Арарат находится не в Армении? Вернувшись домой, я сразу же обратился к отцу: «Папа, ты знаешь, что Арарат находится не в Армении?» Мне было, наверное, лет десять или одиннадцать. Отец так же, как и моя учительница, ответил: «Разве ты не знал об этом?». Я был подавлен. Особенно меня поразило тот факт, что взрослые - мой отец, моя учительница и остальные - так спокойно говорили об этом. Я углубился в изучение этой темы. Узнал, что от исторической Армении остался лишь маленький кусочек. Узнал о Геноциде, сталинском терроре, постоянных репрессиях, невинных жертвах.

Один из друзей моего отца, Андраник Чалгушян, который был первым переводчиком Азнавура⁴⁹, снабжал меня литературой. В то время Левон Шант⁵⁰ и Аветис Агаронян были запрещенными авторами. Многие произведения поэта Шираза также распространялись в виде самиздата. Постепенно у меня сложилось впечатление, что существует чудовищная несправедливость, с которой люди смирились.

У нас дома много говорилось о 24 апреля и об Абрааме Айрикяне, который был известным в Константинополе интеллектуалом.

Как писатель, публицист он был не столь популярен, но был известен как учитель, который основывал школы, готовил учителей. Айрикияны в Константинополе были состоятельными людьми. Их старший сын, Абраам Айрикян, все имеющееся состояние передал гимназии, которую сам и основал. Он входил в составленный младотурками список представителей армянской интеллигенции, которых следовало уничтожить 24 апреля 1915 года. А мои ванские бабушки рассказывали об исходе из Вана, из родного города, который и поныне в Турции.

Все эти истории раз за разом становились частью моей души и формировали соответствующий настрой. С одного из холмов в Нубарашене открывался прекрасный вид на Арарат. Каждое утро я бежал к тому холму, смотрел на Арарат и беседовал с ним со слезами на глазах. Никто не знал об этом. Это был мой подростковый секрет. Потом я узнал, что мой дедушка построил свой дом таким образом, чтобы Арарат был виден с балкона, и каждое утро он выходил на этот балкон, смотрел на гору и плакал. И для этого у него были весьма серьезные основания. Дело в том, что в 1915-16 годах спасаясь от резни бегством семья моей матери решила из восточной Армении вернуться в Ван. В пути, на склонах Арарата, от холеры погибают 22 члена семьи. Мой 25-летний дедушка там их предает земле и возвращается, чтобы уже отсюда, с балкона своего дома, иметь возможность видеть Арарат и каждое утро оплакивать своих родственников.

В 16 лет, в 1965 году, я решил: если взрослые смирились с такой несправедливостью, то это их дело, а я должен бороться. В девятом классе мы втроем с одноклассниками решили создать тайную группу. Один из них скончался в Америке, а другой живет и сегодня в Ереване. Группа наша называлась «Нерушимой тройкой». Ночью 23 апреля мы повесили в школе стенгазету, которую специально заранее изготовили. Это было нашим первым «делом». В

тот день в школе праздновался День молодежи и по этому случаю был организован вечер. Понятно, что делалось это для того, чтобы отвлечь внимание школьников от 24 апреля. А мы разместили на доске объявлений нашу газету, в которой призывали не забывать о дне геноцида. Директор школы узнал, кто авторы газеты. Он вызвал нас к себе, сказал, что никому не расскажет о газете, но велел нам больше этого не делать. На следующий день к нам присоединился еще один ученик из старшей школы. Таким образом, нас стало четверо, и мы уже не могли называться «Тройкой», поэтому решили переименовать группу в Армянский молодежный союз (АМС). Это было начало. На следующий день мы узнали, что 24 апреля в Ереване состоялась большая демонстрация. Кроме того, мы слышали о суде по «Делу семерых». Разные слухи циркулировали в народе. Говорили, что существует большая патриотическая организация, семь членов которой судят, и что один из них - по имени Хачик, взял всю вину на себя, чтобы спасти остальных. Все это приправлялось легендами и вдохновляло нас.

Мы начали изготавливать с помощью фотокопирования листовки и распространять их. Писали на асфальте патриотические лозунги. Наша группа просуществовала довольно долго. Постепенно к нам стали присоединяться и взрослые. Одной из них была воспитательница детского сада, с которой я был очень близок. В ее подвале мы и осуществляли нашу издательскую деятельность.

Весной 1967 года во время распространения листовок в поезде Ереван-Гюмри была поймана одна из девушек-членов АМС, десятиклассница Дохоян Мария. Чекисты требовали, чтобы она рассказала, кто ей передал листовки. Но Мария отказалась выдавать своих соратников. Она преподала нам серьезный урок. На ее примере мы поняли, что можно не только не бояться КГБ, но и отказываться говорить чекистам правду. В то время я заканчивал первый курс в политехническом институте. Одним из моих

друзей был Азат Аршакян, который уже работал в нашей группе, хотя встречались мы редко. О том, что Мари схватили, я рассказал ему и другому моему другу, и однокурснику Акобу Ашикяну, зашедшим в тот день к нам домой. Сказал, что со стороны КГБ и родителей на нее оказывается серьезное давление. Они пытаются заставить ее назвать имена людей, которые дали ей листовки. Они, конечно, догадывались, что их отдал ей я, но требовали назвать имя, а Мария молчала. Подобные листовки мы распространили во многих местах, в том числе и в школе Азата. Услышав мой рассказ Азат предложил сказать, что листовки якобы нашел он в своей школе, принес их мне, а я, в свою очередь, отдал их Марии. Мы так и сделали. Получилось, будто неизвестные люди распространили листовки в школе Азата (а это было зафиксированным фактом и КГБ об этом было известно), Азат их взял и передал мне, а я, в свою очередь, отдал их Марии, которая, совершенно не задумываясь о последствиях, раздала их попутчикам - пассажирам поезда. Потом меня вызвали на допрос, и я подтвердил, что листовки я взял у Азата Аршакяна и отдал их Марии. Азат подтвердил мои показания. Таким образом, дело было закрыто, а мы поняли, что можно не только не бояться КГБ и не раскрывать необходимую информацию, но и запутать, ввести чекистов в заблуждение.

Эта история способствовало распространению вести о нашем существовании. Весь Нубарашен, Эребуни⁵¹ говорили о том, что в городе действует серьезная патриотическая группа и руководит этой группой некий Паруйр. Как-то к нашему другу по имени Жирик подошел некто по имени Манук, который был знаком с Шагеном Арутюняном, и стал спрашивать обо мне, выразил желание познакомиться. Так через Жирика я познакомился с Шагеном Арутюняном.

Наша деятельность носила главным образом патриотический характер и не выходила за рамки патриотизма. Как сейчас пом-

ню, какое сильное впечатление на меня произвели слова Шагена Арутюняна, когда он во время встречи, указав на двух советских офицеров, сказал: «Вот эти, например, что они делают на нашей родине?». Это уже был совсем другой уровень для меня.

Через Шагена я познакомился со Степаном Затикианом. Основатели и члены созданной в 1966 году Национальной объединенной партии (НОП), Степан и Шаген, воспринимали нас уже в качестве состоявшихся деятелей. Нам было по 17-18 лет, но мы успели сделать немало дел, успели попасться, но не отступить. С апреля 1967 года две девушки и четверо парней из нашей группы уже являлись членами НОП. Начался новый этап борьбы. Мне было предложено создать молодежную структуру НОП. По предложению Шагена эта структура стала называться «Шант» («Молния»). В состав этой структуры я включил Андраника Маргаряна, Карапета Джгальяна, Манука Топузяна и других, всего - 14 человек.

После издания и распространения газеты НОП – «Парос», когда лидеры партии уже были арестованы, выяснилось, что на самом деле я являюсь фактическим руководителем действующего сегмента НОП. Для меня это было несложно, поскольку и у меня, и у моих товарищей уже имелся необходимый опыт, была серьезная, организованная структура и было стремление действовать.

Айказ Хачатрян во время очной ставки в КГБ предложил Шагено Арутюняну: «Скажи им, где ты спрятал печатную машинку, пусть это дело закроют, и все закончится». Айказ не знал, что печатная машинка хранилась в подвале дома одного из наших друзей. Он не знал, что это был мой тайник и мы там занимались издательской деятельностью. Шаген, будучи уверен, что кроме печатной машинки ничего больше в этом подвале нет, соглашается с предложением Айказа и называет место хранения машинки. В названном месте проводится обыск и вместе с печатной машин-

кой КГБ забирает мой чемодан с экземплярами наших старых и свежих листовок.

В отношении меня возбуждают отдельное, не связанное с делом руководителей НОП уголовное дело. Об этом во время суда мне сказал Степан Затикян. С одной стороны, чекисты возбуждают дело в отношении меня, а с другой - внушают семьям Степана и Шагена, что я якобы предатель. Это стандартная практика в духе КГБ, который в те дни вел очень тонкую психологическую игру. Теперь, с высоты прожитых лет, вспоминая все эти события, я поражаюсь, как же мне удалось в 19 лет справиться и выстоять в этой непростой ситуации?! Быть может, это удалось потому, что меня окружали хорошие друзья.

До суда над лидерами НОП мы смогли распространить листовки под названием «Цасум» («Ярость»), а после суда – листовки «Еркунк» («Родовые муки»). КГБ был в шоке. Ничего подобного они и представить себе не могли: в течение полчаса все действующие вузы республики были заполнены листовками. Мы в массовом порядке распространили газету «Еркунк» в Ереване, Кировакане (Ванадзор), Ленинакане (Гюмри). Листовки были распространены во всех вузах и кинотеатрах, а также в других многолюдных местах.

Одной из своих ошибок я считаю то, что каждый из членов групп «Еркунк» («Родовые муки»), «Цасум» («Ярость»), и «Айк» («Армения») был гораздо более подготовлен к роли лидера, чем Азат Аршакян, который на три-четыре месяца покинул Армению и был оторван от нашей реальности, а я доверил ему роль руководителя после себя. Он был моим другом, я ему очень доверял, но после моего ареста, он фактически не справился с этой ролью и организации бездействовали.

Работа КГБ заключалась не только в том, чтобы идентифицировать, поймать и осудить нас, но и в том, чтобы сломить нас

психологически. Учитывая менталитет того времени, чекисты использовали против нас наших родителей: «Почему ваш сын должен сидеть в тюрьме? Помогите нам, чтобы он понял свою ошибку и избежал сурового наказания». Вот такую они строили ловушку, выступали якобы в качестве союзников наших родителей, что очень давило на нас.

В 1970-м меня приговорили к 4 годам заключения, которые я провел в политических лагерях Мордовии. Вернувшись после первого срока в 1973 году в Армению, я сразу был взят под административный надзор. Несмотря на это, я немедленно приступил к восстановлению наших бездействующих организаций. Одним из наиболее важных этапов являлось внесение изменений в программу НОП, принятие стратегии «Независимость - путем референдума». Цель состояла в том, чтобы сделать партию более созвучной духу времени. Был создан руководящий орган НОП - Совет НОП. Я был единогласно избран лидером. В 1974-м я был вновь арестован и приговорен к 7 годам заключения и 3 годам ссылки.

У КГБ была сверхзадача – ликвидировать НОП как явление. Для достижения своей цели чекисты считали важным показать, что осужденные члены НОП прекращают свою борьбу, раскаиваются в содеянном, и просят прощения у советской власти. Они разрабатывали отдельные подходы и методы давления на осужденных членов НОП – с учетом личных особенностей каждого. Для них было чрезвычайно важно, чтобы находящиеся в заключении члены НОП выступили с раскаянием и прошениями о помиловании. Если бы такое поведение стало носить распространенный характер, то это сломало бы волю находящихся на свободе членов организации. Это могло привести и к полному уничтожению НОП. Однако к чести организации следует отметить, что число осужденных, выступивших с прошением о по-

миловании, было крайне ограниченным. Написали прошение о помиловании также Ашот Навасардян и Азат Аршакян. Справедливости ради следует, однако, подчеркнуть, что Ашот и Азат были впоследствии, в 1981 году, осуждены вновь после выпуска очередного номера «Пароса».

Мы и на зоне продолжали нашу борьбу за свободную и независимую Армению посредством голодовок, акций протеста, поддерживая связь с внешним миром, создавая и переправляя литературу. К нам также присоединились политзаключенные других национальностей, и НОП стала международной организацией. Все это мне не простилось, и в 1981-м, мне продлили заключение еще на три года и перевели в зону для уголовников в Иркутской области.

В 1987 году, вернувшись с зоны, вместе с четырьмя друзьями я вывел НОП из подполья и переименовал ее в Объединение национального самоопределения (ОНС). Это была первая альтернативная политическая организация в СССР со своим печатным органом - еженедельником «Независимость». Основной целью ОНС являлся референдум о независимости, который и состоялся в сентябре 1991 года.

Союз воссоединения Армении

**Вальтер Меликян, Юрий Будагян, Сероб Саргсян,
Сурен Меликян**

Осенью 1969 года сформировалась организация «Союз воссоединения Армении» (СВА). Вальтер Меликян, член этого союза, начал свою национально-патриотическую деятельность в первой половине 1960-х годов. Тогда он входил в Союз армянской молодежи (САМ), который был основан в 1963 году. Следует напомнить, что лидеры этой организации были осуждены в августе 1964 года. В течение 1965-1966 годов Меликян дважды получал официальные предупреждения от Комитета государственной безопасности о недопустимости подобной деятельности.

СВА был сформирован в период, когда уже существовали такие подпольные организации и деятели, которые, наряду с патриотическими тезисами и территориальными требованиями, выдвигали и совершенно новые цели: независимость, борьба против советской власти, демократия. В программе СВА также упоминалось о создании независимой республики и демократии, но, тем не менее, утверждать, что эта организация боролась именно за независимость, было бы неправильно. СВА считал своей главной задачей решение проблемы утраченных территорий Армении, в частности Карабаха и Нахичевана. Само название организации говорило за себя. Один из лидеров СВА - Вальтер Меликян, имея политическую закваску начала 60-х, преследовал типичные для того времени цели. К ним он постарался добавить и требования, которые сформировались в диссидентских кругах уже в конце 60-х - демократия и независимость. Тем не менее, в этом сочетании целей и требований доминировало мышление первой половины 1960-х годов. Независимая государственность и демо-

кратия так и не стали четко сформулированными требованиями и целями в ходе деятельности этой организации. Однако, чтобы обосновать обвинение, предъявленное членам СВА по статьям 65-й (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й, во втором приговоре КГБ искусственно и утрированно акцентирует формулировку «независимое государство» в программе организации.

Лидеры СВА активно взаимодействовали с другими диссидентами и подпольными организациями - инициировали совместные дискуссии, обменивались запрещенной литературой. К чести арестованных членов СВА следует отметить, что на протяжении всего предварительного следствия КГБ так и не удалось заставить их раскрыть другие подпольные организации или назвать имена и фамилии диссидентов, с которыми они взаимодействовали, так что в приговоре пришлось отметить, что все эти люди и группы не были выявлены в ходе расследования.

Каким бы странным это ни казалось, но по делу Союза воссоединения Армении было вынесено два приговора. Это единственный случай в истории политических процессов в период с 1960-1988 годов в Армении. Первый приговор был вынесен 18 октября 1971 года судьей Н. Манукяном, который председательствовал на этом процессе. Он, по собственному усмотрению, изменил выдвинутые против подсудимых статьи - 65-ю (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-ю (организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение государственных преступлений, создание организации для совершения таких преступлений) на статью 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), которая предусматривала более мягкое наказание. При рассмотрении дела судья Манукян пришел к выводу, что обвиняемые не преследовали цель свержения советской власти и подобных призывов не озвучивали. Это было подтверждено и показаниями свидетелей, и показаниями обвиняемых, а также ря-

дом доказательств по делу. Статья 206¹ в первую очередь предусматривала более мягкое наказание – содержание в лагере общего режима, находящегося на территории Армении. По этой статье были осуждены: Вальтер Меликян – на три года, Юрик Будагян – на три года, Сероб Саргсян – на два года, Сурен Меликян – на два года и Арамаис Хачатрян – на год.

Вальтер Меликян

Сероб Саргсян

Юрик Будагян

Сурен Меликян

Как правило, в делах, которые были связаны с КГБ, судьи не имели право проявлять самостоятельность, и такая воля судьи удостоилась самого жесткого ответа со стороны КГБ, который потребовал отмены приговора и организовал новое судебное разбирательство по ранее выдвинутым обвинениям. Они добились замены и судьи, и прокурора, и 20 марта 1972 года – через пять месяцев после вынесения первого приговора – под председательством судьи А. Егиазаряна и при участии прокурора Г. Гамаляна обвиняемых вновь осудили, но уже по 65-й и 67-й

статьям. Естественно, по этим статьям был вынесен более суровый приговор, отбывать которые осужденным предстояло уже в лагерях строгого режима за пределами Армении - в специальных зонах для политзаключенных в Мордовии или в Перми. Арамаис Хачатрян, который был приговорен к одному году лишения свободы по первому приговору, во время вынесения второго приговора уже фигурировал в качестве свидетеля.

Вальтер Унанович Меликян – родился в 1939 году в поселке Берд Шамшадинского района. Учился в Ереванском политехническом институте. Национально-патриотической деятельностью начал заниматься в первой половине 1960-х годов. Являлся членом Союза армянской молодежи, который был основан в 1963 году. В 1969 году принимал участие в организационных работах по формированию Союза воссоединения Армении, и именно он написал программу организации. Являлся лидером СВА. В феврале 1971 года был арестован и приговорен к 4 годам лишения свободы. Срок отбывал в Мордовии, в лагерях для политических заключенных. После освобождения вернулся в Армению. Однако жить в Ереване ему запретили. Вынужденно перебрался в Берд, где и скончался в феврале 2017 года. Активно участвовал в обороне приграничных районов Армении в 1989-1992 годах. Был одним из организаторов самообороны Тавушской области.

Юрик Абгарович Будагян – родился в 1943 году в селе Шнох Туманянского района. Учился в Ереванском политехническом институте. Окончив институт с отличием, поступил в аспирантуру. Работал старшим инженером на Ереванской ТЭЦ. Национально-патриотической деятельностью начал заниматься в 1966-1967 годах – после знакомства с Вальтером Меликяном. Принимал активное участие в организационных работах СВА. Являлся автором устава организации. В феврале 1971 года был арестован и приговорен к 3 годам и 6 месяцам заключения. Отбывал срок в

мордовских и пермских лагерях для политзаключенных. После освобождения вернулся в Ереван, где находился под административным надзором. Работал в сфере энергетики. В настоящее время живет и работает в Ереване.

Сероб Айкович Саргсян – родился в 1926 году в Ереване. Образование – незаконченное высшее. Был ведущим инженером на Ереванском химкомбинате им. Кирова. Национально-патриотической деятельностью занимался с 1968-1969 годов. Был одним из организаторов и активных членов Союза воссоединения Армении. Арестован в феврале 1971 года и приговорен к 2 годам лишения свободы. Отбывал срок в лагерях для политзеков в Мордовии. После освобождения вернулся в Ереван и продолжал работать на химкомбинате им. Кирова. Скончался в возрасте 60 лет, в 1986 году.

Сурен Баласанович Меликян - родился в 1948 году в поселке Берд Шамшадинского района. Родной брат Вальтера Меликяна. Национально-патриотической деятельностью занимался со школьной скамьи. Основал юношескую организацию «Уйс» («Надежда»). Для продолжения образования переехал в Ереван. Уже на первом курсе Ереванского политехнического института, в 1969 году организовал тайный студенческий кружок, главной целью которого являлось присоединение Карабаха и Нахичевана к Советской Армении. В дальнейшем эта студенческая группа объединилась с другой организацией–Союзом молодежи Армении, в которую входили деятели с многолетним опытом подпольной борьбы. После объединения было принято решение назвать организацию Союзом воссоединения Армении. Сурен Меликян был арестован в мае 1971 года и приговорен к 3 годам лишения свободы. Отбывал срок в лагерях для политических заключенных в Мордовии. После освобождения вернулся в Ереван, где находился под административным надзором. В 1989-1992 годах он ак-

тивно участвовал в обороне приграничных районов Армении и формировании отрядов самообороны. В настоящее время живет и работает в Ереване.

Из рассказа Юрия Будагяна

Сложно сказать, как я стал участником подпольного патриотического движения. Вот уже минуло сорок лет, и на протяжении всего этого времени я не раз задавался этим вопросом, но найти точный ответ мне не удастся. Однако все эти годы периодически анализирую бесчисленные вопросы, осмысливая и переосмысливая многие эпизоды, сегодня я пришел к определенным выводам. Надо было наконец понять, что заставило человека моего положения решиться на такой шаг. Я с отличием окончил институт, поступил в аспирантуру по любимой специальности и при довольно высоком окладе работал на ТЭЦ, пользовался уважением и расположением коллег, в скором времени должен был получить квартиру. Словом, у меня было все, о чем только мог мечтать советский человек со способностями чуть выше среднего уровня. По всей видимости, к такому шагу меня побудила вездесущая и видимая невооруженным глазом фальшь, коей была пропитана вся советская действительность. Во время митингов, собраний и съездов озвучивалось с трибуны одно, а в реальной, повседневной жизни делалось совершенно другое. Этот диссонанс создавал душающий вакуум. И я не был одинок. Многие чувствовали то же самое. Зачем и для чего живет человек? Неужели для лживых лозунгов и ложных идей? Неужели лишь для собственного благополучия? В то время я был более чем уверен в своем завтрашнем дне. Я знал наверняка, что вскоре завершу аспирантуру, что построю блестящую карьеру, и я был совершенно уверен, что впереди меня ждет вполне обеспеченная и безопасная жизнь. Но

разве этого достаточно? Размышления подобного рода, а затем и полное неприятие коммунистической идеологией национального самосознания, не давали мне покоя. Почему отвергается национальная идентификация, почему Армения и армянский народ находятся в таком положении? Недоставало весьма существенной детали, и сегодня я с уверенностью могу сказать, что именно стремление восполнить этот недостаток и подтолкнул меня на этот путь. Институт я окончил в конце 1965 года и уже в 1966-м вел в этом направлении определенную работу. В ТЭЦ работали люди, разделяющие мои взгляды. Мы собирались, беседовали. Это, конечно, нельзя было считать серьезной деятельностью, но люди воодушевились свободомыслием. В этот период я и познакомился с Вальтером Меликяном. С этого знакомства в моей жизни начался новый этап. Вальтер давно занимался подобной деятельностью, поддерживал связь с подпольными организациями и отдельными диссидентами того времени. Он сыграл огромную роль как в моей деятельности, так и в армянском национальном движении в целом. Он обладал колоссальным организационным талантом, умел находить общий язык даже с людьми, с которыми имел серьезные конфликты и разногласия. Велика была и роль Сурика Меликяна. В 1968-1969 годах наша группа уже сформировалась. У нас были собственные кружки. Была картотека с личными данными всех членов группы. Вальтер хранил их у себя в Берде. Сотрудники КГБ, к сожалению, смогли их обнаружить во время обыска. По этой причине кроме нас – арестованных – в поле зрения КГБ оказалось порядка сорока человек. Этих людей, конечно, не осудили, но само разоблачение сыграло роковую роль в судьбе многих. Будущее многих людей было загублено. Некоторые из них были студентами, некоторые работали в различных областях - все они оказались в черном списке КГБ - со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Сказать точно, каким образом КГБ вышел на нашу организацию, я не могу, но знаю, что один из её членов, связанный с группой в Карабахе, был арестован по возвращении из Степанакерта⁵². Проведя несколько дней в заключении, он рассказал о нас. Некоторые члены нашей группы утверждали и продолжают утверждать, что этот человек был изначально внедрен чекистами. Однако я воздержусь от подобного утверждения. В любом случае, то, что в скором времени нас обнаружат и поймают, не вызывало никаких сомнений. Лично я в этом был более чем уверен. За нами начали открыто следить. Я был готов к аресту. Убрал у себя в доме, уничтожил все доказательства своей деятельности. Так что во время обыска были обнаружены лишь книга Степана Шаумяна⁵³ и томик Ленина с моими пометками.

В ходе предварительного следствия никакого противозаконного давления со стороны КГБ на меня или моих родственников не оказывалось. Впрочем, им это и не было нужно. Во время обыска в доме Вальтера обнаружилось так много материалов, написанных нами, что не было никакого смысла сопротивляться или что-то отрицать. Этих конфискованных материалов было вполне достаточно для того, чтобы выдвинуть против нас обвинение по действующим в те годы законам. Все было понятно и нам, и им. У нас была лишь одна задача: список задержанных ограничить нами, не дав его пополнить новыми именами. И я рад, что нам это удалось. Правда, люди, на которых вышли из-за изъятых в ходе обыска списков, всё-таки серьезно пострадали - на них оказывали сильное давление, и один из них, не выдержав такого давления, получил психическое расстройство. Но ареста они все же избежали. Нас судили два раза. В ходе первого процесса судья по фамилии, если не ошибаюсь, Манукян, по собственной инициативе изменил предлагаемые 65-ю и 67-ю статьи (антисоветская агитация и пропаганда) на относительно мягкую - 206¹ (клевета

в адрес советского строя). Этот судебный процесс и назначенное наказание не удовлетворили КГБ. Они организовали второй судебный процесс, вернувшись к 65-й и 67-й статьям, по которым нас осудили за антисоветскую агитацию. Так что по нашему делу было вынесено два приговора.

Самые тяжелые воспоминания остались от этапа. Это было ужасно - уголовники, антисанитарные условия, насекомые! На зоне было полегче. В основном там содержались политзеки. Мы находились в Мордовии. Там, в политических зонах, за десятилетия прочно утвердились определенные отношения между «зеками» и «администрацией». Спустя некоторое время нас решили перевести из Мордовии в Пермь. Этап был чудовищным. Он сопровождался невероятной дикостью. Это происходило летом, воды было мало, еды не было вовсе. В четырехместных купе вагонзак размещалось по 7-8 зеков, а сам вагонзак цепляли к поездам лишь по ночам. Днем наш вагон стоял под палящим солнцем. Переправляли нас лишь по ночам, цепляя вагонзак к поездам - таким образом, видимо, советская власть пыталась сохранить в тайне транспортировку заключенных. Когда мы добрались до пункта назначения и нас стали выпускать из вагона, мы просто падали ничком на обочину. Лежащие друг на друге люди не могли пошевелинуться от изнеможения. Один из зеков там же скончался. Несколько часов мы валялись на этой самой обочине. Потом стали потихоньку приходиться в себя, и нас наконец доставили в колонию. Колония эта некогда служила зоной для несовершеннолетних девочек, и там была швейная мастерская.

Чувствовалось, что переселяли девочек в спешном порядке, поскольку всюду валялись груды сломанных и неисправных швейных машинок. Там не было никаких условий для проживания. Негде было спать, нечего было есть, не было и одежды. Позже, когда наконец из Мордовии привезли наши вещи, мы посте-

пенно стали обустроиваться. Из армян там были Саргис Торосян и Баграт Шахвердян. Был там и наш любимый Тамоян - отец нынешнего езидского шейха Тамояна.

Я познакомился и подружился со многими политзаключенными из других республик. С некоторыми из них поддерживаю связь и сегодня.

Отбыв свой срок, я вернулся в Армению. Возможно, это странно прозвучит, но я чувствовал поддержку людей. Я имею в виду не представителей комсомольско-коммунистического фронта, а обычных людей. Их теплое отношение воодушевляло меня. Я постоянно убеждался, что не ошибся, избрав именно этот путь. До своего осуждения я получил комнату в общежитии для сотрудников ТЭЦ. После приговора и до моего освобождения, там жила моя мама. Так что я вполне доволен. Директор ТЭЦ Кунджулян так и не выделил эту комнату другому человеку. Я хотел вернуться на прежнюю работу в ТЭЦ, но в особом отделе заявили, что предатель родины (в моем лице) не имеет право работать в столь важном учреждении. Тогда я подошел к Степану Сааковичу Асратяну, прекрасному человеку, который был неофициальным руководителем моей дипломной работы. В свое время именно при его содействии я поступил на службу в ТЭЦ. Он всегда поддерживал меня. Он и объяснил мне, что в ТЭЦ возвращаться мне больше не стоит, ибо ничего не получится, и предложил работу в городской электросети, которой руководил Осипов. Он также всегда поддерживал меня. С его помощью я дважды получил квартиру, продвинулся в карьере. Я никогда об этом не забуду. Словом, не было у меня ощущения, что против меня строят козни, чинят препятствия. Напротив, меня постоянно окружали заботливые, чуткие люди, которые помогали мне. Я был обычным инженером. Максимум, чего мне удалось добиться в советское время, - это должности заместителя главного инженера. Я был назначен глав-

ным инженером в то время, когда Советов больше не было, все разваливалось, и эта должность больше ничего из себя не представляла. Да и других претендентов, честно говоря, не было.

Вернувшись из зоны, я сразу же был взят под административный надзор: каждую неделю мне следовало являться в отделение милиции и подписываться под бумажкой о невыезде. Все было нормально, но в отделении милиции Эребуни был один негодяй – старший лейтенант, который постоянно занимался интригами и все пытался навредить мне, чиня искусственные препятствия. В этом заключалась единственная неприятность, с которой я столкнулся по возвращении с зоны. Позже, уже в независимой Армении, этот милиционер получил какие-то звания, был назначен на руководящую должность.

Все это осталось позади. Армения теперь является независимым государством. Но я все еще жду и надеюсь увидеть ту Армению, о которой мечтаю.

Из рассказа Сурена Меликяна

Все началось в январе 1963 года. По приглашению моего старшего брата Вальтера к нам домой пришли член действующего в то время Союза молодежи Армении, преподаватель механического факультета политехнического института Завен Мартиросян и преподаватель кафедры математики из того же института Левон Дарбинян. В тот день я впервые узнал о Геноциде армян, о нашей стране, которую мы потеряли, о нынешнем положении нашего народа. Все это было открытием для меня и совершенно не соответствовало тому, о чем я читал в книгах или узнал в школе. В тот день в моем сознании произошла настоящая революция. Если прежде я планировал после окончания школы поступить в Суворовское училище и честно, преданно служить Советскому

Союзу, то с того дня все мои планы на будущее резко изменились. Уже через три месяца я организовал в Берде – городе в Шамшадинском районе – молодежную подпольную организацию «Уйс» («Надежда»), состоящую из семи человек. Слава богу, все семеро сегодня живы и здравствуют. В 1965 году, 24 апреля, мы смогли организовать в Берде внушительную демонстрацию. В тот день возле Дома культуры Берда тяжелоатлет Навталян демонстрировал свои физические способности. Собралась большая толпа. Мы же превратили это мероприятие в демонстрацию. Прозвучали выступления, посвященные Геноциду, участники декламировали посвященные этой теме стихи.

В 1966 году, после того как мы окончили школу, наша организация «Надежда» расширилась, были созданы филиалы-кружки в регионах. В 10-м классе некоторых членов нашей группы раскрыли по доносу. Семерых отличников лишили возможности получить предназначающиеся медали лишь потому, что они состояли в нашей группе. Предатель в дальнейшем, в советские годы, занимал высокие должности в милиции. И в независимой Армении он не растерялся, остался при должности. Занимал высокие посты в таможне, стал главным советником в мэрии Еревана. Он до сих пор - на своем посту.

Я уехал в Ереван, чтобы продолжить образование. Поступил в политехнический институт. У нас уже были филиалы в Иджеване, в районе Красный, и мы начали утверждаться в Ереване.

После судебного процесса (1964 г.) по делу «Семи патриотов» некоторые члены Союза армянской молодежи (САМ) отказались от борьбы, а некоторые заявили, что заниматься подпольной деятельностью не имеет смысла, ибо нас все равно поймают, и вместо организованной борьбы следует бороться индивидуально. То есть необходимо получить хорошее образование, интегрироваться в советскую реальность и вести патриотическую деятельность в рам-

ках действующего закона. Мы стали называть их «культурными», потому что они подчеркивали культурную деятельность, пропаганду армянской культуры и отвергали любую противозаконную деятельность, считая ее слишком опасной и бессмысленной.

Параллельно с учебой, я подрабатывал сторожем в статистическом управлении, и наши встречи проходили в гараже этого учреждения. Однажды один из моих друзей сказал, что есть и другие организации, аналогичные нашей, и мы можем встретиться с ними. На встречу пришли Юра Будагян, Сероб Саргсян и, как бы это смешно ни звучало, мой брат, Вальтер Меликян. Вот этим составом мы в дальнейшем и были осуждены. После встречи мы решили объединиться. Организация Вальтера все еще называлась Союзом молодежи Армении. Однако, объединившись, нашу общую организацию мы назвали Союзом воссоединения Армении.

У нас был кружок и в Карабахе, куда мы и планировали отправить нашу программу, устав и ряд других материалов. Было решено, что их отвезет в Карабах Арамаис Хачатрян. Я с первого дня не доверял ему. К сожалению, в дальнейшем выяснилось, что мои подозрения не были лишены оснований. Именно он и донес на нас. В результате этого предательства в 1971 году в феврале арестовали наших ребят, а в мае – меня. В знак протеста - в ответ на мое задержание, я объявил голодовку, которая длилась 12 дней. Из допросов мне стало ясно, что чекистам известно все. Я решил, что дальше молчать о нашей деятельности и отказываться от показаний просто не имеет смысла. Можно рассказать обо всем, не называя имен и фамилий. Поскольку арестовали нас четверых, то мы заявили, что вчетвером и представляем весь состав нашей группы, а все остальные, кто общался и с нами, были просто нашими друзьями-приятелями и не знали о нашей подпольной деятельности. Нам удалось сделать так, чтобы никого, кроме нас, не арестовали. Одного из нас – Юру Геворгияна, который являлся

руководителем нашей подгруппы в сельскохозяйственном институте, серьезно терроризировали, чтобы он признался в соучастии с нами. Его били, но он так и не назвал ни одного имени. Тогда его исключили из института. Избивали и Ашота Саргсяна – в результате он получил психическое расстройство. Многих преследовали самыми изощренными способами, но им так и не удалось выявить новые имена и втянуть в это дело других людей.

Нас судили дважды: один раз по 206¹ статье, второй раз – по 65-й и 67-й. Так и не выяснилось, что за игру они затеяли, но только относительно мягкая статья 206¹ была изменена на 65-ю и 67-ю. После суда нас перевели из изолятора КГБ в ереванскую тюрьму. Зима в 1971- 1972 годах выдалась очень холодной. Здесь, при такой стуже, каждого из нас содержали в одиночных камерах - с выбитыми стеклами в окнах, без отопления, без теплых одеял и без матраса. Тяжелейшие были условия. Эти камеры были предназначены для кратковременного содержания заключенных, отправляющихся по этапу, максимум - на один или два часа, но нас там продержали несколько дней. Ночами мы бегали по камере из угла в угол, чтобы не замерзнуть. Из ереванской тюрьмы нас отправили в тбилисскую. Казалось, мы попали в рай. Там было все в порядке как в плане еды, так и в плане опрятности. Позже мы узнали, что начальник тюрьмы, зная, что мы являемся политзаключенными, создал для нас особые условия. В течение десяти дней мы наслаждались его «гостеприимством». За весь срок это были наши самые счастливые дни: вчетвером мы находились в одной нормальной и чистой камере, и нас вполне прилично кормили. Затем - Ростовская тюрьма, где на двоих или троих заключенных приходилось по одной кровати. Словом, мы пережили этап со всеми его «прелестями». Этап - жестокое испытание для каждого заключенного. Мы прибыли в Мордовию и нас разбросали по колониям. Спустя пару месяцев к нам привезли Бабаяна Асатура,

Гюнашяна Ширака, Экимяна Геворга и хорошего моего друга Сероба Саргсяна, которого мы все очень любили за кристальную чистоту и честность. Сероб выкуривал по три пачки махорки в день.

Бабаян Асатур не работал, так как был ветераном войны и имел инвалидность. После ареста ему вкололи какой-то препарат, в результате чего у него несколько раз в год случались приступы паралича. Мы его кормили. А когда он был здоров, то заботился о том, чтобы мы нормально питались: на территории колонии наряду с цветами он выращивал зелень и снабжал нас ею.

В колонии я познакомился с очень известными сегодня политзеками других национальностей. Мы работали в швейной мастерской. Из зеков-армян в мастерской не работал только Гюнашян Ширак. Каждый день после завтрака его вместе с двумя военными преступниками доставляли в соседнюю женскую колонию, там они работали в столярной мастерской. Обедал он там, а к вечеру возвращался и ужинал с нами.

Отбыв свой срок, я вернулся в Армению через Москву. Там меня встретили правозащитники Шимон Грилюс, Татьяна Сергеевна Ходорович, Галина Салова, Елена Сиротенко, Григорий Подъяпольский. Возвратившись в Ереван, я продолжал поддерживать с ними связь. В основном связь осуществлялась через Елену Сиротенко. В Армении я немедленно был взят под административный надзор. Я не имел права выходить из дома после 7 часов вечера, покидать город, находиться в общественных местах.

Паруйр Айрикан, освободившись после первого срока, навестил моих родителей, и, когда его вновь осудили, я решил навестить его родителей. Я знал, что Нубарашен – это маленький район Еревана и все местные знают друг друга. Я приехал в Нубарашен на общественном транспорте и начал расспрашивать случайных прохожих, как пройти к дому Паруйра. Но мне никто так и не помог с этим. И я ни с чем вернулся домой. В дальнейшем

я нашел приятеля, который проживал в Нубарашене, сказал ему, что хочу навестить родителей Паруйра. В те годы страх у людей был настолько велик, что мой приятель предложил поехать в Нубарашен врозь, чтобы нас не видели вместе. Он сказал, чтобы я следовал за ним: он дойдет до дома Паруйра, кивнет в сторону дома и быстро удалится. Так я должен был понять, что нахожусь возле нужного дома. Мы так и сделали. Я познакомился с семьей Паруйра. Его отец, Аршавир Айрикян, был славным человеком. Я с большой теплотой вспоминаю о нем. В те годы люди боялись общаться с нами. Во время различных праздников-мероприятий, гости сторонились нас. Казалось, они боялись, что их арестуют лишь за то, что они обменялись с нами парой слов. Я выразил желание прописаться у родного дяди, а он мне заявил: «Да ты что, хочешь, чтобы нас всем семейством в Сибирь уpekли?» Никто не рискнул помочь мне с пропиской, и только доктор наук, преподаватель политехнического института Ким Обарян взял на себя смелость прописать меня в своей квартире.

Я сдал соответствующие экзамены, чтобы продолжить образование, но вместо того, чтобы продолжить учебу на третьем курсе, я был вынужден начать заново с первого курса. С 1975 года я, можно сказать, приступил к индивидуальной деятельности. Не состоял ни в какой организации, но связь с друзьями не прервал. Время от времени меня вызывали в КГБ, допрашивали по поводу взрыва в московском метро - по делу Степана Затикиана. Все это продолжалось до 1988 года, когда я возобновил активную деятельность. Во время карабахского конфликта я организовывал защиту наших границ, изготавливал и приобретал оружие. Словом, делал все то, что должен был делать. Настали новые времена.

Люди, которые насмеялись над нами, терроризировали и преследовали наших родных и близких, стали вдруг патриотами и защитниками родины. Представьте, в селе произошел вот та-

кой случай: однажды, когда мы с братом были в тюрьме, какие-то ублюдки, увидев нашего отца, присевшего у дома, поставили перед ним ведро с землей и сказали: «Твои сыновья земли требуют – на вот, возьми домой и наешься ею вдоволь». Говорить о потерянных землях, требовать присоединения к Армении Карабаха и Нахичевана, было чем-то недопустимым и предосудительным. Слава богу, пришли иные времена, и люди изменились. В этом есть и наша заслуга.

Баграт Шахвердян и Арарат Товмасын

Журнал «Молодой армянин»

Баграт Шахвердян начал свою деятельность в 1963 году. Среди армянских диссидентов он выделяется своим уникальным подходом в плане диссидентской активности. Если до и после Шахвердяна (за исключением правозащитников) все инакомыслящие деятели, диссидентские группы и кружки, а также уже сформированная к тому времени Национальная объединенная партия (НОП), создавали тайные подпольные организации для решения проблем, волнующих Армению и армянский народ, изготавливая в подпольных условиях, воспроизводя и тайно распространяя самиздат, то Шахвердян Баграт пытался подпольную работу совмещать с открытой, публичной деятельностью.

В 60-х он работал исключительно подпольно: распространял листовки, основал вместе с единомышленниками организацию, предпринимал попытки создания подпольной типографии. Однако, спустя некоторое время, был разоблачен. После раскрытия пришел к выводу, что исключительно подпольная деятельность не столь эффективна, и решил перенести свою деятельность в такую плоскость, которая позволила бы ему и его единомышленникам заниматься и открытой пропагандой. Целью было вселить в сознание не только активных граждан, но и в широкие слои населения сомнения по поводу правдивости тезисов и догм советского государства, дабы, освободившись от сковывающего их страха и излишней осторожности, люди получили наконец возможность свободно оценивать истинное положение дел и, в конечном итоге, осознали необходимость изменить это положение. Шахвердян пытался действовать открыто, хотя и в строго дозволенных рамках.

Но даже открытая часть его деятельности содержала элемент конфиденциальности. Он организовал студенческие и школьные

кружки, которые изучали армянскую культуру, собирали народные песни, читали и распространяли запрещенную литературу, отмечали народные праздники и совершали национальные обряды. В то время все это было или запрещено, или, в лучшем случае, не поощрялось. С помощью одной из таких групп он издал журнал под названием «Молодой армянин», в котором, помимо всего прочего, была опубликована статья о необходимости обретения независимости, что само по себе уже являлось серьезным поводом для задержания и осуждения авторов. В рамках избранной им общественной деятельности он писал письма, критикующие советский строй, в редакции различных советских газет и журналов. Редакции же по собственной инициативе переправляли его письма в КГБ, и впоследствии они составили существенную часть обвинительного заключения, выдвинутого против Шахвердяна. Арарат Товмасыян также писал письма - в редакцию газеты «Правда» и Брежневу.

Баграт Шахвердян был одним из первых в среде инакомыслящих в Армении, который придавал особое значение и систематически озвучивал тему прав человека. Примечательно, что после его ареста и осуждения, члены созданных им кружков, несмотря на вышеупомянутое отношение Шахвердяна к подпольной борьбе, вступили в действующую в то время Национальную объединенную партию и стали активными ее членами. Некоторые из них были впоследствии осуждены именно как представители НОП.

Еще в 60-е годы КГБ предупреждал и Арарата Товмасыяна, и Баграта Шахвердяна о недопустимости разворачиваемой ими деятельности. Впервые Товмасыян получил предупреждение в 1966 году - за распространяемые им в Нагорном Карабахе листовки, а во второй раз - в 1968 году, когда в связи с днем памяти Геноцида армян, он пытался организовать митинг в городе Арарат. В тот же период был предупрежден и Баграт Шахвердян.

Оба они были осуждены по статье 65-й, части 1-й (антисоветская агитация и пропаганда) и статье 67-й (организация деятельности по особо опасным государственным преступлениям, а также участие в антисоветских организациях) УК Армянской ССР. Баграт Шахвердян был также осужден и по первой части 156-й статьи (спекуляция - покупка и продажа товаров или других объектов с целью получения прибыли).

Согласно приговору, Шахвердян и Товмасян должны были отбывать свои сроки в относительно мягких условиях – в колонии усиленного режима, что является несколько странным, поскольку осужденные по 65-й и 67-й статьям отбывали сроки в лагерях для политзеков строгого режима. Видимо, по этой причине Шахвердян и Товмасян были первоначально отправлены в Среднюю Азию для отбытия наказания. Лишь позже власти осознали допущенное недоразумение и, без внесения соответствующего изменения в приговор (что было возможно лишь после провозглашения нового приговора), Товмасян и Шахвердян и Товмасян были переведены из Центральной Азии в Пермь и Мордовию в

колонии строгого режима для политических заключенных. Фактически предусматриваемый вынесенным приговором усиленный режим без какого-либо обоснования, скорее всего по приказу, был заменен на строгий.

Баграт Шахвердян

Баграт Леонович Шахвердян родился в 1940 году в селе Айгеат, Алавердийского района. Окончил Ереванский политехнический институт. Он начал заниматься диссидентской деятельностью со студенческих лет. КГБ несколько раз

предупреждала его о недопустимости этого. За активную деятельность его исключили из комсомола и института. Шахвердян сотрудничал с многими диссидентами и подпольными организациями, действовавшими во второй половине 60-х и начале 70-х годов. Он был арестован в марте 1973 года и осужден на 5 лет заключения и на 2 года ссылки. Срок отбывал в Пермских лагерях. За мятежное поведение на зоне режим его содержания ужесточили – со строгого (по приговору, напомним, определялся усиленный режим) на тюремный - его перевели во Владимирскую тюрьму. Ссылку он отбывал в Туркмении. После освобождения Шахвердян вернулся в Ереван и был взят под административный надзор. В 1987 году эмигрировал в США, где и проживает.

Арарат Товмасын

Арарат Сиреканович Товмасын родился в 1927 году в селе Геташен Мартунинского района. Национально-патриотической деятельностью начал заниматься с середины 1960-х годов. В городе Арарат создал организацию Союз армянских патриотов. Был арестован в апреле 1973 год и осужден на 3 года и 6 месяцев заключения. Был досрочно освобожден. Жил в городе Арарат. Скончался в 2008 году.

Из рассказа Баграта Шахвердяна

Патриотической и политической деятельностью, насколько помню, я начал заниматься после того, как мой друг из сельскохозяйственного института Эдик Бегларян дал мне почитать письмо

польского востоковеда, Богдана Гембарского. В 60-х годах его имя было широко известно в Армении. Он занимался Армянским вопросом. Публиковал статьи и письма о судьбе армянского народа. Это было, наверное, в году 1963-м. Письмо произвело на меня шокирующее впечатление. Я читал и перечитывал его друзьям, постоянно говорил об этом с людьми. В конце письма был напечатан адрес Гембарского и я написал ему. На мое письмо ответила его дочь.

В 1964 году по моему предложению была создана организация, целью которой должно быть распространение писем Гембарского и других подобных материалов. Мы решили назвать нашу организацию Союзом армянских патриотов. Из-за отсутствия печатных средств у нас возникли неразрешимые проблемы с изданием и тиражированием материалов, имеющихся в нашем распоряжении. Нам пришлось задуматься о создании собственной типографии. Мы заинтересовались, кто может достать шрифты. Приятель одного из наших друзей совмещал учебу с вечерней подработкой в типографии. Он пообещал принести нам шрифты. В те годы это была сложная и опасная задача, которую нужно было сделать так, чтобы никто об этом не узнал. Через некоторое время молодой человек выполнил свое обещание. Но для осуществления задуманного, того количества шрифтов было недостаточно. Когда он нес вторую партию, его поймали. Естественно, на первом же допросе он все рассказал чекистам. Так, в 1964 году я впервые оказался в Комитете госбезопасности. Поскольку ничего серьезного, кроме злополучной попытки заполучить шрифты и письма Гембарского, не было найдено, нас отпустили.

Уже близился 1965 год – пятидесятилетие Геноцида. Мы решили, что эту дату необходимо отметить, надо что-то предпринять. Один из нас предложил: поскольку у нас нет типографии или других средств для печати, то материалы нам следует размножить

фотографическим способом. Так мы воспроизвели и распространили внушительное количество листовок. В основном листовки были посвящены теме Геноцида. В них говорилось, что об этой трагедии нельзя забывать – необходимо иметь возможность официально отмечать эту траурную дату и что у нас должен быть соответствующий мемориал. Наряду с листовками, мы организовывали собрания и участвовали в тех, что проводили другие группы.

24 апреля, после собрания, проведенного в университете, мы посетили могилу Комитаса. Там нас арестовали и доставили в милицию. На следующий день нас отпустили. Позже мы узнали, что некоторых все же продержали чуть дольше. После событий 1965 года в политехническом институте было проведено специальное комсомольское собрание, в ходе которого был вынесен на обсуждение мой вопрос. Собрание постановило исключить меня из рядов комсомола. Это решение не причинило мне особой боли, но, наряду с этим, мне сообщили, что меня на целый год исключают из института. Они решили, что я должен год поработать чернорабочим и таким образом встать на путь исправления, а перевоспитавшись, вернуться в институт и продолжить учебу. Вот это было и неожиданно, и весьма обидно для меня. Я просил их не исключать меня из института, но «приговор» был вынесен и обсуждению не подлежал.

В результате всех этих событий мы с ребятами пришли к выводу, что КГБ не проведешь. Чекисты все равно узнают о каждом нашем шаге с помощью вездесущих агентов. В итоге мы решили изменить нашу тактику. Мы начали везде заявлять, что не делаем ничего противозаконного и что все наши действия совершенно открыты. Мы сформировали группы в разных регионах и учебных заведениях республики, организовывали акции-походы. Вместе со студентками театрального института, с певцами, которые сотрудничали с нами, мы навещали репатриантов, записы-

вали их воспоминания, рассказы, песни и сами пели эти песни. Кроме того, мы организовывали встречи со свободомыслящими, яркими представителями интеллигенции того времени. В то же время в обстановке строгой конфиденциальности нам удалось сохранить и свою организацию - Союз армянских патриотов.

В тот же период, не помню, через кого именно, я познакомился и сблизился со Степаном Затикианом. Я часто бывал у него дома. Ему нравились национально-патриотические песни, которые мы собирали, и он пел их вместе с нами. Много позже он рассказал мне о Национальной объединенной партии. После издания «Пароса» («Маяк») интересовался моим мнением. Я сказал ему, что, по-моему, антикоммунизм – не тот путь, по которому стоит вести наш народ. Добавил, что я и сам не принимаю коммунистические идеи, но считаю, что нам следует сперва подтолкнуть наш народ к самопознанию, а уж затем - к идее независимости и пр., добавил, что, быть может, антикоммунизм и радикальный национализм - идеи интересные, но они не могут сейчас быть эффективными. Я пытался объяснить, что народ боится и сторонится даже нас – людей, пропагандирующих исключительно национальные ценности, а уж если речь пойдет об антикоммунизме или независимости, то они и вовсе откажутся слушать и разбегутся в ужасе. Но Степан не согласился с моими доводами. Словом, мы не стали единомышленниками, но были близкими друзьями.

Мы проводили встречи с действующими в те годы различными патриотическими организациями. Встретились и с группой Вальтера Меликяна. В то время часто говорилось об объединении организаций и совместной деятельности, чему я всегда противился. Я продолжал ставить акцент на открытой деятельности, утверждая, что в любой подпольной организации КГБ будет иметь своих агентов и что намного эффективнее и безопаснее действовать открыто. Вот так мы и работали. Нам удалось сформировать студенческие кружки в различных регионах.

Я не знаю, кто создал группу Арарата Товмасына. Она не была единственной – у нас было много подобных в регионах страны. В дальнейшем, когда меня арестовали, КГБ связал меня именно с группой Арарата, хотя я так и не понял почему.

Наши девушки издали журнал «Молодой армянин», в котором были статьи разного содержания, в том числе и о независимости. По всей видимости, роковую роль сыграла именно эта статья. Я отдал журнал Арарату Товмасыну. Он, в свою очередь, показал его членам своей группы. Формально это стало причиной его ареста. Во время предварительного следствия он не сказал, что получил журнал от меня. Были и другие члены группы, которые меня знали. Они и назвали мое имя. Во время ареста Арарата я находился в Москве. Там меня и арестовали. У Арарата была большая семья, он работал шофером. Я не только не хотел его осуждения, но и делал все возможное, чтобы его не осудили. Но он был очень честным человеком, не скрывал своих взглядов и своего негативного отношения к Советам. В первый же день судебного заседания он сказал, что делал все правильно и ни о чем не жалеет. Помню, как во время заседания суда Арарат в очень грубой форме обругал Ленина, заявив, что тот продал Армению. Судья изменился в лице, сидел в ужасе и не знал, что делать. У них не было никаких серьезных оснований для того, чтобы судить Арарата. Думаю, причина осуждения Арарата заключалась в особой дерзости, с которой он выступал в зале суда и в ходе всего предварительного следствия. В дальнейшем, спустя много времени, уже на зоне, я узнал, что его уговорили или вынудили написать прошение о помиловании. Меня этот факт вовсе не разочаровал. Напротив, я был очень рад, что вскоре он возвратится к своим детям.

До своего ареста долгие годы я писал письма в различные газеты и журналы, в том числе – в «Авангард», «Гарун» («Весна»), «Литературную газету» и пр. В процессе предварительного след-

ствия мне стало известно, что все мои письма, прямо из редакций отправлялись в КГБ с пометкой «антисоветское содержание». Я до сих пор дословно помню приписку редактора «Гаруна», в которой он сообщает чекистам, что я поднимаю в своем письме антисоветские и националистические идеи. И ведь не только он так поступал. Эти так называемые представители интеллигенции могли вернуть мне мои письма или просто проигнорировать их, порвать и выбросить, но каждый из них предпочел донести - отправить письмо в КГБ. Когда я ознакомился с уголовным делом, это обстоятельство меня очень огорчило. Но вскоре я успокоился, поняв, что такова была суть этих людей. Такими уж они были.

После осуждения меня отправили по этапу. Для каждого заключенного самый тяжелый период отбывания срока – это этап. Ереван - Тбилиси - Ростов - Волгоград - Казахстан – Пермь – такой был у меня маршрут. Политические лагеря находились в районе Чусовой Пермского края. Я сидел в 35-й колонии. Там же завершал свой срок и Торосян Саргис. Позже туда привезли и Будагяна Юрика, а спустя еще год – Зограбяна Размика. Я сразу же влился в лагерную жизнь: принимал участие в акциях протеста и подружился с видными узниками совести. Особенно я сблизился с украинскими и прибалтийскими националистами, а также с евреями. С известным диссидентом Владимиром Буковским, которого в дальнейшем советские власти обменяли на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, мы и вовсе стали близкими друзьями. На зоне я написал несколько стихотворений - под ритм работающих в швейной мастерской машинки. Одно из стихотворений называлось «Иерусалим». И мелодию придумал. Один из наших друзей переложил текст на ноты, и нам удалось тайно переправить эту песню на волю. Позже ее время от времени транслировали по иерусалимскому радио.

В результате моей чрезмерной активности на зоне мне ужесточили режим и перевели во Владимирскую тюрьму. За пару меся-

цев до меня туда был переведен Буковский. Мы сидели в одной камере. В тюрьме я узнал, что Затикян Степан осуществил взрыв в московском метро, и крайне удивился. Из Москвы приехали меня допрашивать. Я сказал, что очень хорошо знаю Затикяна и что крайне удивлен его поступком. До сих пор я не могу понять, что могло подтолкнуть к столь отчаянному шагу такого организованного, подготовленного, скромного человека, коим являлся Степан.

У меня были серьезные проблемы со здоровьем, но тюремщики упорно отказывались везти меня в больницу. В тот период и произошел обмен Буковского. Оказавшись в Европе, Буковский первым делом заявил о моих проблемах, и меня госпитализировали на месяц. После зоны меня отправили в ссылку в Туркмению. Там я работал сторожем в совхозе и жил в сторожке.

Когда закончился срок моей ссылки, мне позвонили и сказали, что в Ереван я должен вернуться по специальному, ими начерченному маршруту. Я начал протестовать, заявив, что отныне являюсь свободным гражданином и имею право возвращаться на родину так, как мне заблагорассудится. Чекисты, понятное дело, продолжали настаивать на своем. Дело в том, что они всячески пытались не допустить моего визита в Москву. Однако по дороге я сменил поезд и все же отправился в Москву, встретился там с диссидентами, навестил семьи политзеков, с которыми сидел, и только после этого прибыл в Армению.

В Ереване меня тут же вызвали в милицию и сообщили, что надо мной установлен административный надзор. А из этого следовало, что я не имел права выходить из дома после восьми вечера, не имел права без разрешения покидать Ереван, посещать общественные места - театры, стадионы, кинотеатры и т.д. и был обязан непременно найти работу. В противном случае меня ждал новый срок за тунеядство. Однако работодатели, узнав о моей

статье, не брали меня на работу. Это был замкнутый круг. Наконец, с большим трудом, я смог устроиться простым рабочим на строительной площадке, которая была расположена возле железнодорожного вокзала. Я проработал на стройке целый год - до тех пор, пока по содействию Ширака Гюнашяна, который был осужден раньше меня за публикацию журнала «Во имя Родины», не устроился инженером в газовой компании. Через несколько лет началась перестройка. С зоны вернулся Паруйр Айриkyн. Мы инициировали создание Комитета по защите Азата Аршакяна и Ашота Навасардяна. Позже были освобождены и они. В Армении у меня ничего не было. Я был женат, жили мы по найму. Мне предложили переехать в США. Я принял приглашение и с 1987-1988 годов живу в Америке.

Национальная объединенная партия – 1974

1974 год был беспрецедентным по количеству политических судебных процессов – девять за год и 16 осужденных. Подобного не происходило ни до ни после. Один из них – Андраник Маргарян, - хоть и был осужден в феврале 1975 года, но арестовали его в ноябре 1974 года. Дело, возбужденное в его отношении, непосредственным образом было связано с судебными процессами, имевшими место в упомянутом - 1974 году. Все, проходившие по этим делам, являлись членами Национальной объединенной партии. В 1969 году были осуждены учредители НОП Айказ Хачатрян, Степан Затикян и Шаген Арутюнян, затем были арестованы и спустя год, в 1970-м, приговорены к разным срокам лишения свободы Паруйр Айриkyан, Ашот Навасардян, Акоб Ашикян, Рафаэль Барсегов, Ашот Хачатрян. Серия арестов привела к временному снижению активности НОП. Однако с 1972-го по 1973-й год, когда после отбывания наказания они были освобождены, началась новая фаза активизации НОП. В этом плане 1973 год был уникальным. Освободившиеся члены НОП своим присутствием, участием и опытом придали новый импульс подпольной борьбе. В результате активизируются подгруппы НОП, формируются независимые друг от друга, но централизованно управляемые структуры, приобретаются полиграфические средства, создается самодельная подпольная типография. Координацией и организацией деятельности независимых групп и подгрупп НОП занимался недавно вернувшийся из лагерей Паруйр Айриkyан. В дополнение к листовкам и другим печатным материалам, содержащим призывы к независимости, в людных и видимых местах - на стенах зданий и сооружений, на дорогах и автомагистралях – члены НОП пишут лозунги, призывающие к независимости. Это последнее нововведение позволило подпольщикам распростра-

нять свои идеи среди максимально широкой аудитории, не тратя при этом много средств и не используя печатные средства. Листовки, безусловно, имели свою значимость: они содержали тексты, в которых читателю доступно объяснялась необходимость и реальность достижения независимости, а также раскрывалась порочность господствующей идеологии. Но для изготовления и распространения одной партии листовок требовались чудовищные усилия, средства и время, и был еще вопрос, удастся ли изготовителям распространить листовки в широких слоях населения при тотальном контроле советских спецслужб, да еще сделать это таким образом, чтобы их не поймали в процессе или сразу после распространения. Вероятность быть арестованным и приговоренным к длительному сроку заключения была чрезвычайно высока как на начальном этапе изготовления, так и на последующих этапах. Написание лозунгов, призывов к независимости на видных сооружениях и стенах зданий являлось относительно легким и быстрым делом, и если оно организовывалось должным образом, то вероятность попасться была не столь высока. Как правило, это совершалось глубокой ночью, когда улицы города были пусты, а утром большое количество граждан видели и читали требования и призывы к независимости.

До 1974 года все арестованные и осужденные члены НОП всячески пытались скрыть от предварительного следствия и суда как свое непосредственное отношение к НОП, так и само существование этой партии. Одно лишь слово об этой партии, произнесенное во время допросов, считалось изменой. Но в 1974 году и в дальнейшем члены НОП на досудебной и судебной стадиях, а затем в лагерях и тюрьмах, стали публично заявлять о существовании активно действующей Национальной объединенной партии, членами которой они являются, о целях и борьбе этой организации.

Первое судебное разбирательство состоялось 28 марта 1974 года. Подсудимыми являлись Анаит Карапетян, Фирдус Мурадян и Гарегин Давтян, а чуть позже – 10 июня 1974 года - Каджик Саакян. Спустя месяц, 10 июля, были осуждены Норик Мартиросян, Самвел Мартиросян и Левон Бадалян; 16 июля – Рубен Хачатрян, 30 августа – Ашот Навасардян, 3 октября – Гагик Аракелян и Костан Карапетян, 23 октября – Азат Аршакян, Размик Зограбян и Размик Маркосян, 22 ноября – Паруйр Айриkyан, а в феврале 1975 года – Андраник Маргарян, арестованный в ноябре 1974-го.

Кроме того, в 1974 году по вымышленному обвинению осуждают также члена НОП Вазгена Караханяна.

Анаит Карапетян, Фирдус Мурадян, Гарегин Давтян

Анаит Карапетян

Анаит Агвановна Карапетян – родилась в 1952 году в Ереване. Патриотической деятельностью она занималась со школьных лет – принимала участие в работах одной из молодежных групп, действовавших в те годы. Позже группа установила связь с Багратом Шахвердяном и Рубеном Хачатряном, которые занимались диссидентской деятельностью. Под их руководством эта и несколько подобных ей групп переходят от патриотической деятельности

к более серьезной – политической, а затем приходят и к идее независимости. Во время суда над Багратом Шахвердяном члены кружка, в который входит Анаит, знакомятся с представителями

Национальной объединенной партии, присутствующими на суде. Вскоре группа полностью присоединяется к НОП и начинает заниматься изготовлением и распространением листовок, призывающих к независимости, написанием призывов и лозунгов аналогичного содержания на стенах зданий и другими подобными мероприятиями.

Имя: Анаит Левановна
 Дата рождения: 20 февраля 1952 год
 Уроженец(ица): г. Ереван
 Национальность: армянка
 Семейное положение: незамуженная
 Отношение к военной службе: —
 Судимости: с 28 марта 1974 по 27 марта 1974 г. Арм. ССР к 2 годам
 Имя в документах: Анаит Левановна Карапетыан
 Подпись: Анаит Карапетыан

**Справка
 об освобождении**

ложных измышлений, порочащих советский строй) УК Арм ССР. Анаит Карапетыан отбывала срок в женской колонии, которая находилась в Чувашии, на территории поселка Козловка. После

В те годы в группах и кружках было много женщин. Они состояли в таких организациях, как «Во имя Родины», Союз армянской молодежи, Союз воссоединения Армении. Кроме того, в состав НОП входила (и активно действовала вплоть до второй половины 1980 - их) «Девичья группа». Мужчины, состоящие в организациях, после своего ареста, как правило, делали все для того, чтобы уберечь девушек от арестов и осуждения. В крайних случаях женщины привлекались лишь в качестве свидетелей. В случае парней из группы Анаит, то ли по неопытности, то ли еще по какой причине, этот принцип не сработал, и, из-за проявленного в ходе следствия мятежного поведения и показаний соратников, Анаит Карапетыан была арестована и осуждена по 69-й статье (нарушение национального и расового равенства) и по первой части 206¹ статьи (распространение заведомо

освобождения она продолжила свою деятельность. В настоящее время живет в Ереване.

Фирдус Мехакович Мурадян - родился в 1955 году в селе Зар Абовянского района. Окончил исторический факультет Ереванского государственного университета. Был арестован, будучи студентом первого курса, в октябре 1973 года и осужден на 7 месяцев лишения свободы по 69-й статье УК Арм. ССР. Срок отбывал в Армении. Жил и работал в Ереване, в Институте археологии и этнографии АН РА. Скончался в 2014 году.

Гарегин Амбарцумович Давтян – родился в 1955 году в Армавирском районе. Окончил Ереванский театрально-художественный институт. Был арестован на втором курсе института в октябре 1973-го и осужден на 7 месяцев по 69-й статье УК Арм ССР. Срок отбывал в Армении. В настоящее время живет в Ереване.

Из рассказа Анаит Карапетян

В 1967 году – мне тогда было 15 лет – наш учитель отвез нас в мемориальный комплекс Сардарапат⁵⁴. Там проходило праздничное мероприятие. В ходе праздника группа парней пела и декламировала национальные песни, стихи. Это было новостью для меня. Я была чрезвычайно взволнована. В дальнейшем, на другом мероприятии, которое проводилось возле могилы Есаи Ягубяна – одного из командиров, защищавших от турок Муса Даг⁵⁵, – мне сообщили, что существует Союз молодежи Армении и что мероприятия в Сардарапатском мемориальном комплексе возле могилы Ягубяна и в Пантеоне им. Комитаса в Ереване организуют именно члены этой организации. Потом так сложились обстоятельства, что мне удалось познакомиться с некоторыми из них - женой Каджика Саакяна Светой, Геворгом Гасабяном, Алисой Гаплянян и другими. Алиса была актрисой. Сейчас живет за границей. В те годы она читала стихи, я тоже читала стихи. В

дальнейшем я обучилась мелодекламации. Если во время нашей декламации поблизости находились иностранцы, то они лучшим из нас дарили авторучки. В те годы не было импортных жвачек, которые позже считались в Союзе отличным подарком. Я декламировала всегда - со школьной сцены и на больших сценах, затем на сценах зоны. Наши действия координировал Баграт Шахвердян. Мы понимали, что КГБ зорко следит за нами. Но это обстоятельство не могло служить препятствием для нас. Начиная с 8-го класса меня вызывали в КГБ и требовали, чтобы я прекратила свою деятельность. Я им объясняла, что не делаю ничего противозаконного, что всего лишь читаю патриотические стихи со сцены, не знаю никого, кто занимается незаконной деятельностью и ни к какой организации отношения не имею. Члены моей семьи, мои родители, родственники также являлись патриотами и за мои связи, мою деятельность меня не осуждали. Более того, моя сестра – Кнарик Карапетян (по прозвищу Грачуи) и двоюродный брат Самвел Карапетян также входили в нашу группу.

В 1973 году Баграт Шахвердян был арестован. Вместе с ним был также осужден Арарат Товмасын. Жена Арарата в тот период ожидала ребенка. Солдаты, дежурившие в зале суда ударили ее, беременную. Я видела это, потому что присутствовала на суде в качестве свидетеля, вмешалась и поднялась шумиха. Мне был 21 год. Я вела себя чрезвычайно смело во время дачи показаний. Повторяла, что подсудимые являются патриотами, что я согласна с их взглядами и советский суд не имеет право осуждать их. Прокурор Тохьян, повысив голос, в ярости закричал, мол, по какому праву я защищаю Шахвердяна, а я спокойно в ответ потребовала, чтобы он не кричал. Помню, как сказала: «Если бы громкий голос служил благой цели, то ослы бы строили замки».

После судебного процесса по делу Баграта наш кружок вошел в состав Национальной объединенной партии. Мы стали членами НОП и были разделены на группы. Моей руководительницей

стала Шогик Асоян. В этот период НОП разворачивала очень активную деятельность. Мы распространяли листовки, писали лозунги с требованием независимости Армении на стенах зданий и дорогах и подписывали эти лозунги - «НОП». Двоих наших парней арестовали, когда они в очередной раз писали лозунги на стенах. В ходе предварительного следствия они рассказали все, что знали, назвав также и мое имя. Арест оказал на них шокирующее действие: они были подавлены, утверждали, что я, воспользовавшись их наивностью, втянула их в антисоветскую деятельность.

Во время обыска в нашем доме ничего подозрительного не обнаружили, если не считать рукописный экземпляр стихотворения Исаакяна «Бесконечной мести и ненависти...», рукопись их крайне взволновала: наконец ими был обнаружен фактический образец столь ожидаемой антисоветской литературы. Однако я их крайне разочаровала, сообщив, что это произведение принадлежит перу Исаакяна. В ходе предварительного следствия меня не арестовали. Взяли расписку о невыезде и постоянно вызывали на допросы. Они требовали, чтобы я дала показания о других членах НОП, но я продолжала твердить, что никого не знаю.

Во время судебного процесса я вела себя подчеркнуто смело. Не скрывала своих взглядов, отказалась от защиты, сама защищала свои интересы. Сама выступила с защитной речью и завершила ее четверостишием:

*Достичь бы мне желанной цели!
И если на эшафот меня отправят,
То и с петлей на шее, задыхаясь,
Я прокричу: «Ах, Армения моя!»*

Как только я завершила свою речь, находящийся рядом солдат-пристав вlepил мне пощечину. Я знала лишь одно: они ни в коем случае не должны видеть мои слезы, поэтому сдержала себя и не заплакала. Суд постановил взять меня под стражу прямо в

зале суда. Меня немедленно отправили в изолятор КГБ, где, продержав некоторое время, доставили в ереванскую тюрьму. Там ко мне подошел надзиратель и сказал, что он присутствовал на процессе над Паруйром Айрикяном и это произвело на него сильное впечатление. Сказал, что знает, что я из этой же группы, и хочет мне помочь. Я написала письмо родителям, он передал его им. Потом во время своей смены он приносил мне книги, сигареты и кофе. Позже, после моего освобождения, я вышла за него замуж.

Криминальные авторитеты, узнав о мотивах моего осуждения, относились ко мне с подчеркнутым уважением. Через месяц меня перевели в женскую колонию. Там тоже ко мне относились хорошо. Хорошо относились и уголовники, и администрация. Из колонии меня в качестве свидетеля по делу Айрикяна доставили в суд. Судья спросил меня: «Знаете ли вы подсудимого?», а я ответила: «Нет, но я считаю позорным не знать такого армянина, так что я весьма благодарна Комитету госбезопасности и Верховному суду за то, что мне была предоставлена возможность познакомиться с этим человеком».

Однажды ко мне подошел начальник женской тюрьмы Седракян и сказал: «Девочка, мы слышали о тебе по радио «Голос Америки», и я обещал своей дочке, что сделаю все возможное для того, чтобы ты освободилась раньше назначенного срока». В колонии меня не обременяли физической работой. Я занималась культурными вопросами, организовывала различные мероприятия и читала стихи со сцены. Однако, как бы ни хотелось начальнику колонии сдержать свое обещание, сделать этого он не смог - все было в руках КГБ.

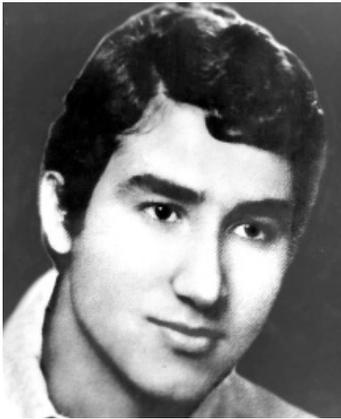
Однажды мне неожиданно велели собрать вещи и снова переправили в ереванскую тюрьму. Там я узнала, что меня решено отправить в Россию. Уголовники-авторитеты позаботились о том, чтобы мой рюкзак был набит всеми необходимыми для этапа вещами. За короткий промежуток времени они собрали и передали

мне все необходимое – и одежду, и еду, и сигареты. Даже ночную рубашку передали.

Из Еревана меня отправили в Ростов, оттуда - в Рязань. Начальником Рязанской тюрьмы был армянин. Он спросил о причине моего осуждения, я попыталась ответить на армянском, но он немедленно остановил меня жестом и взглядом. Тогда я ответила ему по-русски. Через некоторое время он пришел один и спросил, что мне нужно. Я попросила принести мне сигарет. Вскоре надзиратель принес мне махорку и сигареты без фильтра. Я была полностью вымотана. Этап был чрезвычайно тяжелым. Я лежала одна в камере на деревянных нарах и еле дышала. Очнулась от того, что почувствовала, как женщина-надзирательница вливает мне в рот теплую жидкую пищу с ложечки. Наконец меня привезли в Чувашию, в колонию, которая находилась в селе Козловка. В целом, ко мне и там хорошо относились. Я и там читала со сцены стихи. Декламировала и на армянском языке. Конечно, зеки не понимали армянского, но внимательно слушали, аплодировали, а затем просили меня перевести, рассказать вкратце содержание на русском языке. Трехтысячная колония аплодировала Терьяну⁵⁶ в моем исполнении.

Отбыв свой срок полностью, я возвратилась в Армению. Вскоре восстановила свои связи с друзьями. Многие из них находились еще в тюрьмах. Вместе с другими женщинами мы посещали родственников осужденных. Помогали и поддерживали семьи политзеков. Я находилась под административным надзором. Меня постоянно вызывали в КГБ, долго не давали паспорт, а наконец отдав, не прописывали. Не позволили также записаться в очередь для получения квартиры. И лишь после провозглашения независимости, благодаря посредничеству Навасардяна Ашота, который к тому времени уже являлся депутатом Верховного Совета, мне наконец выделили двухкомнатную квартиру. В этой квартире я и проживаю сейчас.

Каджик Саакян

Каджик Саакян

Каджик Вараздатович Саакян – родился в 1952 году в селе Нурнус, Абовянского района. Благодаря Баграту Шахвердян, приходившемуся ему родственником, он, с раннего возраста, был вовлечен в молодежный кружок. Позже под влиянием Шахвердяна и Рубена Хачатряна Саакян стал приверженцем независимости. Через Хачатряна он связался с Национальной объединенной партией. После суда над Багратом Шахвердяном весь их кружок вступил

в НОП. Учился Саакян в Ереванском политехническом институте. Был арестован в ноябре 1973 года. Обвинялся по статьям 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), 69-й (нарушение национального и расового равенства), и 231-й (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, пьянство, азартные игры) УК Арм. ССР. В результате он был приговорен к трем годам и шести месяцам заключения, с отбыванием в лагере общего режима, из чего следовало, что он мог остаться в Армении. Однако в скором времени вместе с другими политзеками его переправили этапом в Россию – в Казанский лагерь. В зоне Саакян отличался мятежным поведением, поэтому часто оказывался в штрафном изоляторе. По возвращении в Армению, он находился под административным надзором, однако свои связи с единомышленниками не разорвал. Вскоре после освобождения он заболел и скончался в 1980 году, в возрасте 29 лет.

Из рассказа жены Каджика Саакяна, Светы

Я была ученицей восьмого класса. В то время в некоторых школах, в том числе и в нашей, действовали патриотические группы. Я участвовала в работе этой группы. Основными темами были: Армения, родина, Геноцид, патриотические стихи, и так далее. Каджик был членом аналогичной группы, действовавшей в его школе. В какой-то момент наши кружки объединились. Это и стало причиной нашего знакомства. Позже к походам, патриотическим стихам, изучению истории добавились и мероприятия, посвященные 24 апреля – изготовление и развешивание в различных частях города черных флагов, выпуск стенгазет и плакатов о Геноциде армян. Однако основной нашей деятельностью оставалась пропаганда патриотизма. Эту задачу перед нами ставил Шахвердян Баграт. Своими руководителями мы считали Баграта Шахвердяна и Рубена Хачатряна. Мы называли Баграта «Маэстро», а Рубена – «Пап» («Дед»). Мне очень жаль, что с Рубеном все вышло не так, как должно было. Многие так и осталось загадкой.

В 1973 году арестовали Баграта Шахвердяна. Во время суда по его делу мы встретились с Паруйром Айрикяном, который только что вернулся из зоны. Это знакомство послужило поводом для нашего скорейшего вступления в ряды Национальной объединенной партии, так как мы уже были готовы к этому: идея независимости не была для нас новой – и Баграт Шахвердян, и Рубен Хачатрян являлись её сторонниками и фактически подготовили нас к этому переходу. НОП была совершенно иным измерением. Характер и качество нашей работы резко изменились. После многолетних теоретических дискуссий и разговоров мы приступили к довольно опасным и практическим шагам: листовки, лозунги, призывающие к независимости на стенах школ и зданий, издание печатного органа НОП «Парос» («Маяк») и многое другое.

Наша организация была многолюдной, но далеко не все знали друг друга. Нас разделили на группы по десять человек, и руководитель каждой группы знал руководителя другой «десятки», и так далее.

Каджик был чрезвычайно активным деятелем. Принимал участие и в изготовлении и фотокопировании листовок, и в написании лозунгов. Он учился в Ереванском политехническом институте. В тот день, когда сотрудники КГБ заявили к нам домой, он был на занятиях. Мы с Каджиком уже были женаты и жили в Конде (*старый район в центре Еревана - В.А.*), ютились в одной маленькой комнате. Я была беременна вторым ребенком, который родился уже после суда. В доме в тот момент были только я и наш малыш. Провели обыск, нашли один экземпляр «Пароса», фотографии Андраника⁵⁷, Геворга Чауша⁵⁸ и, забрав с собой вернувшегося из института Каджика, удалились. У нас дома находились две печатные машинки, которые мы использовали для печати листовок. Когда возникла реальная угроза ареста, одна из них была немедленно переправлена в деревню Каджика - в Нурнус, впрочем, позже ее обнаружили и изъяли из общественного туалета деревни, а другую машинку, которая хранилась у нас, так и не обнаружили. Чекисты знали о ее существовании, знали, что мы ее спрятали, и сделали все, чтобы обнаружить ее, но так и не смогли. Во время предварительного следствия нам однажды предоставили возможность свидания. Впрочем, его цель нам обоим была понятна: они хотели из нашей беседы выяснить местонахождение второй пишущей машинки. Но мы, не будучи наивными, вообще не стали обсуждать эту тему. Во время суда Каджик вел себя подчеркнуто смело. Меня в зал суда не пустили, потому что по данному делу я выступала в качестве свидетеля. Лишь выслушав мои показания, они позволили мне остаться в зале. Временами возникали казусы. Например, Каджик брал на себя вину

за написание текста листовок, сознался, что он написал текст, а затем Анаит Карапетян, отвечая на аналогичный вопрос во время дачи показаний, заявила, что именно она является автором этого текста. И таких эпизодов было довольно много.

Как-то в те дни попросила у меня молотый кофе моя приятельница, чей муж был милиционером и дежурил в здании Верховного суда как раз во время процесса по делу Каджика. Чтобы сэкономить время и не идти, будучи беременной, к приятельнице домой, я решила передать ему пакет с кофе непосредственно в здании суда. Позже этого милиционера уволили только за то, что он взял у меня пакет. Вот в такое время мы жили.

После суда Каджик был переведен в Шаумянскую колонию - недалеко от Еревана. Это было близко и удобно, но вскоре его почему-то увезли в Россию. Он сидел в Казани. За все время у меня не было ни единого свидания с ним. С одной стороны, моя поездка была слишком проблематичной, учитывая наличие двух малолетних детей, с другой – Каджика всегда лишали право на свидания, и он часто оказывался в штрафном изоляторе. Даже на свободу он вышел непосредственно из карцера.

Сразу по возвращении Каджик был взят под административный надзор. Но продолжал встречаться с единомышленниками. Не прошло и года после освобождения, как он заболел. Эта болезнь стала роковой. Годы, проведенные в зоне, сказались на его организме, который полностью утратил сопротивляемость. Он так и не справился с болезнью и спустя год скончался – ему было 29 лет.

Норик Мартиросян, Самвел Мартиросян, Левон Бадалян

Возвратившись в Армению, отбывшие свои сроки после первого осуждения члены Национальной объединенной партии не только начинают активизировать сформировавшиеся к тому времени структуры НОП, но и иницируют формирование новых структур, групп и кружков. Ашот Навасардян организует такую группу в ереванском районе Конд. Руководит ею Норик Мартиросян, а среди участников особо выделяются братья Норик и Самвел Мартиросяны и Левон Бадалян. Первую партию листовок они успешно распространили в Ереване, а также исписали городские стены лозунгами и призывами к независимости. Однако следующую партию готовых листовок, которую планировалось распространить в канун годовщины установления Советской власти в Армении – в ночь с 28 на 29 ноября, в ход пустить не успели. 25 ноября Самвела Мартиросяна и Левона Бадаляна арестовали. Спустя некоторое время арестовывают и Норика Мартиросяна. Приговор по их делу был оглашен 10 июля 1974 года. Они обвинялись по 69-й (нарушение национального и расового равен-

Норик Мартиросян

Самвел Мартиросян

Левон Бадалян

ства) и по первой части 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) статьям УК Армянской ССР.

Все трое в ходе судебного разбирательства заявили, что не считают свои действия противозаконными и не сожалеют о содеянном. В приговоре, в частности, говорится: *«Следует подчеркнуть, что все трое обвиняемых настойчиво заявляли в своих показаниях, защитных речах и последних словах, что они остаются верны своим националистическим взглядам и убеждениям, будучи членами Национальной объединенной партии».*

Норик Амбарцумович Мартиросян - родился в 1948 году в Ереване. Окончил ЕГУ. До ареста работал учителем математики в средней школе. В 1972-м познакомился с недавно освободившимся из зоны Ашотом Навасардяном, благодаря которому стал членом НОП. Норик организовал кружок, который представлял собой отдельный филиал НОП. Участвовал в изготовлении и распространении листовок, чьим автором и являлся. Был арестован в мае 1974 года. Приговорен к 3 годам лишения свободы, которые должен был отбывать в лагере общего режима. Сначала он отбывал наказание в Шаумянской колонии, в окрестностях Еревана, затем в России, в лагере для политзаключенных в Пермском крае. Позже оставшиеся два года его заключения были заменены ссылкой, которую он отбыл там же. Освободившись, он возвратился в Армению. Работал в Ереванском институте механики. Затем переехал в Казахстан. В настоящее время живет и работает в Ереване.

Левон Патваканович Бадалян - родился в Ереване в 1951 году. Ко времени ареста учился на 5 курсе факультета физики ЕГУ. С Нориком и Самвелом Мартиросяном организовал группу - филиал НОП. Участвовал в печати, копировании и распространении листовок. Был арестован в ноябре 1973 года. Приговорен к двум

годам и шести месяцам заключения в колонии общего режима. Первоначально Бадалян отбывал наказание в Шаумянской колонии, недалеко от Еревана, но позже был переведен в Россию, в лагерь для уголовных преступников в Куйбышеве, в котором и отбыл весь оставшийся срок. После освобождения возвратился в Армению. Восстановился в ЕГУ и окончил его. Работал по профессии на различных ереванских предприятиях. Скончался 14 декабря 2013 года в Ереване.

Самвел Амбарцумович Мартиросян - родился в Ереване в 1950 году. Окончил факультет переработки цветных металлов Ереванского политехнического института. После окончания института работал там же. Со своим братом Нориком Мартиросяном и Левоном Бадаляном организовали группу, которая являлась филиалом Национальной объединенной партии. Участвовал в печати и распространении листовок. Был арестован в ноябре 1973 года и приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы в колонии общего режима. Первоначально он отбывал наказание в Шаумянской колонии, но позже был переведен в Россию - в Пермскую область. Там же вскоре оставшийся срок заключения заменили ссылкой. После освобождения вернулся в Армению. Работал на разных заводах, затем уехал в Казахстан. В настоящее время живет и работает в Ереване.

Из рассказа Норика Мартиросяна

С самого раннего детства, а затем - будучи уже студентом, я постоянно задавался вопросом: почему Армения не является независимой страной, почему мы лишены права контролировать свою собственную судьбу? Как-то в 1972 году в доме общих знакомых мы встретились с Ашотом Навасардяном и разговорились. Ашот уже был осужден за подпольную деятельность. Он сказал нам,

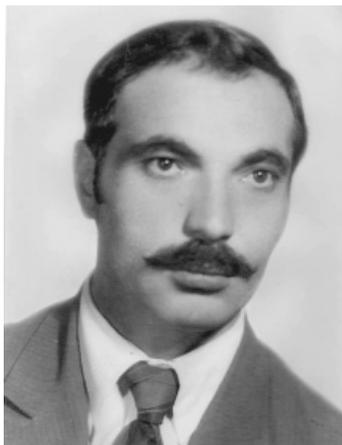
что существует организация, которая борется за независимость Армении, и эта борьба является законной, говорил и том, что Армения должна обрести независимость путем референдума, и для этого необходимо проделать серьезную работу. Мы выразили желание присоединиться к этой борьбе. Для начала Ашот предложил мне написать листовку, что я и сделал. Текст был одобрен, и мы размножили и распространили ее. Уже готовую партию новых листовок мы спрятали в привокзальной камере хранения. Когда мой брат Самвел Мартиросян и Левон Бадалян отправились за ними, их поймали. Следствию потребовалось несколько месяцев для того, чтобы выявить мою причастность к этим листовкам, и я тоже был арестован. После осуждения нас отправили в Шаумянскую колонию в Армении. Кроме нас, там были и другие политические заключенные, в частности, Аракелян Гагик, Карапетян Костан, Саакян Каджик. Однажды, когда Самвела незаслуженно заключили в штрафной изолятор, мы, политзаключенные, объявили забастовку. К нам явились сотрудники госбезопасности, побеседовали с нами. Казалось, что все утряслось, но, к нашему удивлению, нас вдруг отправили этапом в Россию, в Пермский край, в 35-ю зону. Из армян там же находились Зограбян Размик и Шагвердян Баграт. По инициативе чекистов, без письменного моего заявления или просьбы, оставшийся срок моего заключения был заменен на ссылку в городке Чусавой Пермского края. Аналогичным образом поступили и с моим братом – Самвелом. Он свою ссылку провел в том же крае, в городке Березники. А Левона Бадаляна увезли в колонию для уголовных преступников, где он и отбыл весь свой срок.

После моего освобождения репрессии участились. Я работал в Институте механики. У КГБ там был свой особый, первый отдел. Они вызывали к себе всех, с кем я работал, общался, дружил, и беседовали с ними. Люди боялись, а я фактически был причи-

ной их страха. Так жить было очень сложно. Позже я женился и уехал в Казахстан. В Армению вернулся в 1989 году и как-то встретил Ашота Навасардяна, который предложил мне вступить в Республиканскую партию и стать членом её совета. Я отказался: атмосфера, царящая в Республиканской партии, была для меня неприемлемой. Изредка я лишь встречался с Ашотом, а после его смерти и вовсе перестал ходить туда. Я работал в электросетях, это было сложно: из-за неуплаты мне приходилось отключать людям электричество, заставляя их не задерживать платежи, отлично понимая, что они просто не в состоянии платить. Я больше не мог работать в таком месте и в такой обстановке. Я уволился и начал работать водителем такси. Чувствую себя намного лучше и спокойнее.

Жертва КГБ – Рубен Хачатрян

На самом деле, многие могут считаться жертвами КГБ - пожалуй, все арестованные и преследуемые этой организацией. Но были и такие, кто в буквальном смысле этого слова погибали в изоляторе КГБ или в лагерях. В этом ряду Рубен Хачатрян занимает особенное место. На момент смерти он не находился ни в изоляторе КГБ, ни в лагере. Он умер в своем доме и, более того, по собственной воле. Но жизнь, которую он прожил, все то, что с ним происходило в ходе предварительного следствия, дальнейшая его судьба – дают нам основание полагать, что с этим человеком обошлись более чем жестоко. Что на самом деле произошло, как сотрудники КГБ использовали его болезнь против него и его друзей, была ли у него эта проблема изначально или он приобрел ее в изоляторе КГБ – нам неизвестно. Как бы то ни было, несомненным является тот факт, что человек, не имевший заметных отклонений, после ареста приобрел серьезное психическое расстройство. Его история существенно отличается от остальных.

Рубен Хачатрян

Рубен Людвигович Хачатрян – родился в 1937 году в селе Лусакерт Артикского района. До ареста работал водителем троллейбуса в Ереване. С середины и до конца шестидесятых занимался диссидентской деятельностью, был увлечен патристическими идеями и вопросами в духе того времени: Карабах, Нахичеван, признание Геноцида, сохранение армянского языка и его чистоты. Он общался с действующими в тот период отдельными диссидентами и подпольными организациями. Под-

держивал связь с членами кружка, издающего журнал «Во имя Родины» и с членами Союза воссоединения Армении – Вальтером Меликяном и Юрой Будагяном. Много лет сотрудничал с Багратом Шахвердяном. В конце 1960-х годов Хачатрян пришел к идее независимости Армении. В начале 1970-х годов он установил связи с Национальной объединенной партией и через какое-то время стал ее членом. В 1973 году он принимал активное участие в деятельности НОП. Был арестован в день судебного заседания по делу Баграта Шахвердяна - 10 декабря 1973 года. Обвинялся по первой части 65-й статьи УК АрмССР (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье УК АрмССР (организационная деятельность, направленная на осуществление особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации). Хачатрян был приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы. На стадии предварительного следствия, а также позже – неоднократно пытался покончить жизнь самоубийством. Близкие к нему люди утверждают, что после ареста он находился под воздействием препаратов или других подобных средств, что привело к резкому изменению, ухудшению его психического состояния. После оглашения приговора, по неизвестным причинам, вместо лагеря для политзаключенных его отправили в Капан⁵⁹ и лишь спустя несколько месяцев перевели в Мордовию, в лагерь для политизеков. Подозрительное медицинское вмешательство в изоляторе КГБ в период предварительного следствия, последующее тюремное заключение, этап, тяжелые тюремные и лагерные условия, полное отсутствие медицинской помощи, – всё это вкуче привело к дальнейшему ухудшению его психического состояния. Несмотря на досрочное освобождение, последовавшее через 1,5-2 года после приговора, уже глубоко больной Хачатрян в 1994 году покончил жизнь самоубийством в своей квартире в Ереване.

Из рассказа жены Рубена Хачатряна, Тигрануи

Арест Рубена для нас был неожиданностью. Мы сидели дома, обедали, когда в дверь позвонили и я ее открыла. Они вошли и заявили, что должны обыскать наш дом. Я, конечно, знала, чем занимается Рубен, но, тем не менее, факт обыска и ареста был для меня неожиданным. Рубена увезли в изолятор КГБ. Мы каждый месяц носили ему передачи. Особых проблем спецслужбы нам не доставляли. Ничего плохого я не видела и не чувствовала. Нам предоставляли свидания. Следователь даже выразил готовность позволить Рубену встретиться с его родителями. Признаться, я очень довольна этим следователем. Когда я приходила, он лично спускался и забирал у меня передачу. Во время свиданий Рубен ничего не рассказывал. Говорил лишь, что все будет хорошо. Во время процесса над Рубеном, Баграмом Шахвердяном и Паруйром Айрикяном, я была приглашена в суд в качестве свидетеля. Естественно, в суде я твердила, что ничего не знаю. Объясняла, что - да, обвиняемых знаю, они бывали у нас дома, но я всего лишь проявляла гостеприимство, угощала их – не более того, а чем они занимались, понятия не имею. Рубену дали два года и шесть месяцев и увезли в Капан. Мы всей семьей его там навестили. Спустя несколько месяцев его переправили в Мордовию, где он пробыл год и восемь месяцев. За все это время мы ни разу не виделись с ним. Однажды нам позвонили из Комитета госбезопасности и сообщили, что нам следует написать заявление-прошение для того, чтобы Рубена досрочно освободили. Они сами и продиктовали нам текст. Основной акцент в нём ставился на моем слабом здоровье. Мы с братом Рубена написали требуемое заявление. О дальнейшей его участи мы ничего не знали, так как нам ничего не говорили. А потом оказалось, что Рубену уже совсем плохо.

Ему сделали какой-то укол. А до этой инъекции его еще и очень мучили. Он показывал на участок между затылком и плечом и

утверждал, что укололи его именно в это место. Однажды, когда мы беседовали с ним дома, после очередной выписки из больницы, он сказал мне: «Когда мне сделали укол, я взглянул в зеркало, которое висело на стене в комнате, и ужаснулся, увидев, как расширились мои зрачки. Казалось, я потерял сознание. Наверное, минут 15-20 я ничего не чувствовал. Когда же открыл глаза, то понял, что меня несут. Я хорошо помню: ряд комнат и нагие ноги. А перед глазами были мои родители, вы – члены моей семьи, и все лежали мертвые».

Из рассказа дочери Рубена Хачатряна, Гоар

Мы отправились в Капан на двухчасовое свидание на вертолете. В то время папа был уже совсем плох. Я была маленькой, но хорошо всё помню. Помню, как появился папа и между нами была решетка. Он выглядел очень рассерженным. У него были связаны руки за спиной. Наверное, он не хотел, чтобы мы видели его в таком состоянии. Он закричал, потребовав, чтобы его увели обратно. Вероятно, сотрудники тюрьмы поняли всю абсурдность ситуации и освободили ему руки. Затем папа разозлился на дядю, сказав: «Почему ты привел детей?» Там я впервые увидела что-то чужое и отвлеченное в его взгляде. Что бы с ним ни сделали, это было сделано именно там - в ереванском изоляторе КГБ. Отец был какой-то чужой, обозленный. Он даже не обнял нас с братом, не приласкал. Лишь поцеловал каждого в лоб. Мы плакали, не хотели расставаться с ним. Дядя с трудом нас вывел. Я никогда не забуду взгляд папы. До ареста на его лице всегда присутствовала добрая улыбка, а там, в изоляторе, у него был страшный взгляд.

...Всем было ясно, что мой папа заболел по их вине и они освободили его раньше срока, просто чтобы избавиться от ненуж-

ной головной боли. Я прекрасно помню возвращение папы. Дома были я и мой брат Агаси. Отец постучал в дверь и сам же ее открыл. Он вошел в длинном плаще и широкополой шляпе, широко развел руками и беззвучно заплакал. Это был совершенно другой человек. Никакого сравнения с тем, что мы видели в Капане. Его настроение часто и резко менялось. В течение многих лет он время от времени ложился в психиатрическое отделение, получал соответствующее лечение и возвращался домой. Помню, как однажды во время очередного обострения болезни папы никого, кроме нас с братом, в доме не было. Он вывел нас из гостиной и закрыл дверь. Мы смотрели на него сквозь дверные стекла. «Ну, давайте же, идите, - кричал он, - идите и поговорите со мной теперь! Легко же было допрашивать меня со связанными руками!» Он ходил по комнате и громко разговаривал. Когда же обострение отступило, то, отвечая на наши вопросы, он признался, что ему привиделись люди, которые в былые времена допрашивали его. Вспоминая те допросы, он впадал в крайне подавленное состояние. Он говорил, что с ним очень жестоко обращались, но, несмотря на это, он не дал требуемых показаний. В доме у него была своя комната. На стенах висели портреты его друзей.

Он часто пытался покончить жизнь самоубийством. Мы были настороже. Всячески старались удержать его, отвлечь от этой мысли. Со мной он становился откровенным. Говорил, что боится за нас, что, пока он есть, нам могут навредить, а если его не будет, то мы будем в безопасности. Говорил, что если мы пострадаем, то для него это будет страшнее смерти. Фактически он постоянно пытался своей смертью спасти нас от воображаемой опасности.

Была зима 1994 года, у меня только родилась дочь. Это было тяжелое время, было холодно, топить было нечем. В тот день выпало много снега. Это был первый снег. Позвонил папа и спросил, могу ли я поговорить с ним подольше. Дочка плакала, и я отве-

тила, что в данный момент говорить не могу, но перезвоню через полчаса. «Хорошо,- сказал он,- позвони через полчаса, но в любом случае береги себя, если с тобой все будет хорошо, то моя совесть будет спокойна». Сказал это, пожелал удачи и положил трубку. Я перезвонила через час – папы уже не было. Он повесился на кухне. Оставил записку. В ней написал, что самоубийство является его решением, а также что любил свою семью и всем сердцем был предан родине.

Из рассказа Светы - жены Каджика Саакяна

Мне очень жаль, что с Рубеном все вышло не так. Истинная причина так и не прояснилась. Но никто не имеет права судить. Не каждый может выдержать выпавшие на его долю испытания. У Рубена есть дети, и, говоря о нём, я, в первую очередь, думаю о них. Он пытался покончить с собой еще во время предварительного следствия, и, хотя тогда это не удалось, он всё-таки совершил самоубийство, уже будучи свободным. До ареста мы все его очень уважали. Проводили различные мероприятия в его доме, в том числе, праздновали День Вардананц⁶⁰. Впоследствии это мероприятие было включено в несколько уголовных дел и в обвинительные акты как отдельный эпизод.

Из рассказа Баграта Шахвердяна

Свою деятельность Рубен начинал еще в начале 60-х и был увлечен идеями патриотов того времени: Карабахский вопрос, Нахичеван, Геноцид. В дальнейшем вступил в НОП. Его деятельность стала носить ярко выраженный антисоветский характер, он являлся приверженцем независимости. Рубен был очень сильным и преданным своим идеям человеком, поэтому его поведение после

ареста крайне удивляет. То, что произошло с ним на этапе предварительного следствия, для меня было странным и непонятным. На него каким-то образом повлияли – в изоляторе КГБ могли сделать все, что угодно. Мы с Рубеном были очень близки. Помню хорошо, что он всегда отказывался от алкоголя. Не потому, что не хотел пить, а просто знал, что ему нельзя – имел какую-то проблему, о которой не говорил. Думаю, именно эту проблему и использовали против него в изоляторе КГБ. Он определенно находился под влиянием каких-то лекарств или чего-то другого. Наверное, из всех задержанных именно он оказался тем человеком, на которого было проще повлиять таким образом. Сейчас я очень жалею, что после своего освобождения, не встретился с ним, не попытался как-то поддержать его и помочь. Фактически он остался наедине со своими проблемами. Возможно, все сложилось бы иначе, если бы мы встретились. Теперь уже поздно говорить об этом. У меня остались о нем только хорошие воспоминания.

Из рассказа Анаит Карапетян

Баграт Шахвердян и Рубен Хачатрян были нашими лидерами. Нам очень нравился Рубен. Именно он представил меня Каджикю Саакяну. Рубен был водителем троллейбуса, и мы договаривались, на какой остановке и в котором часу мне следует сесть в троллейбус, чтобы получить или передать какую-нибудь посылку или информацию. Я была крайне шокирована, когда из своей камеры в изоляторе КГБ Паруйр Айриkyян сообщил мне с помощью перестукивания, что Рубен – предатель. Я до сих пор не могу смириться с этой мыслью.

Из рассказа Паруйра Айрикяна

Рубен был из старых поповцев, и я был уверен, что он преодолет все испытания. Но во время очной ставки передо мной стоял другой человек. Он не понимал, что предает меня и дает показания, которые стали единственным основанием для моего повторного задержания. Пусть и в присутствии чекистов, но я в тот миг решил наказать, как бы дико это ни звучало, – даже ударить его, отправив в нокаут. Для меня Рубен был не просто бесхребетным предателем, который помог загубить нескольких друзей, а противником освобождения Армении, ведь мы чувствовали, видели и были убеждены в том, что нашли свой путь для спасения нашей родины от коммунистической империи. И когда после очной ставки мы прощались, и я думал, как же мне ухитриться и нанести ему смертельный удар в обход стоящих между нами чекистов, он вдруг с такой теплотой и воодушевлением кинулся меня обнимать и прощаться, что я опешил! Смог лишь с трудом промолвить: «Я очень недоволен тобой, но Бог с тобой». Рубен так разволновался, будто я сказал нечто не соответствующее действительности, что-то неправильное. Я не верю в сновидения, но спустя несколько дней произошло нечто странное: во сне ко мне явился его малыш и, глядя мне прямо в глаза, пролопотал: «Дядя Паруйр, мой папа хороший». Я все пытался уйти, отвязаться от малыша, но он не исчезал и все продолжал твердить: «Дядя Паруйр, мой папа хороший». Через день или два в изоляторе КГБ я узнал, что из подгруппы Рубена Хачатряна к семи месяцам приговорили Фирдуса и Гарегина, к двум годам – Анаит Карапетян и к трем с половиной годам - непреклонного Каджика Саакяна, а самого Рубена приговорили к двум с половиной годам. С помощью Размика Маркосяна, проигнорировав тюремные запреты, я из окна позвал Рубена и обругал самыми последними словами, назвал его «пре-

дателем», «изменником» и пригрозил: «Молись теперь, чтобы мы никогда не встретились с тобой!». Позже знакомый зек рассказал мне, что, по словам сокамерника Рубена, он очень удивился моему возмущению: «Что же это такое говорит Паруйр, как это я – «предатель»? ... Но, впрочем, да, конечно, я же выдал его. Но что же это такое? Я будто только проснулся, очнулся ото сна». На следующий день Рубен пытался покончить с собой, но надзиратели его спасли. Сначала он попробовал повеситься в камере, затем вскрыл вены, потом проглотил большое количество папирос... В дальнейшем Рубен был освобожден досрочно, но, спустя годы, покинул этот мир, всё-таки совершив самоубийство...

Ашот Навасардян

Ашот Навасардян 1974г.

Для **Ашота Цолаковича Навасардяна** это был уже второй приговор - в августе 1974 года. По первому приговору - в 1970 году, он был осужден на два года. Но после освобождения, несмотря на административный надзор, он продолжил свою деятельность. Навасардян формирует новые структуры Национальной объединенной партии, которые занимаются изготовлением и распространением листовок, призывающих к независимости Армении, и написанием лозунгов и аналогичных призывов на городских зданиях.

В основном речь идет о деятельности группы Норика Мартиросяна. Именно Ашот Навасардян занимался формированием этой группы и координацией её действий. В марте 1974 года его вновь арестовывают, обвиняя по двум статьям – 67-й (организационная деятельность, направленная на осуществление особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) и второй части 65-й (антисоветская агитация и пропаганда) УК Армянской ССР. Решением суда он был осужден на 7 лет лагерей и 2 года ссылки. Навасардян был освобожден досрочно – по прошению о помиловании, в декабре 1976 года.

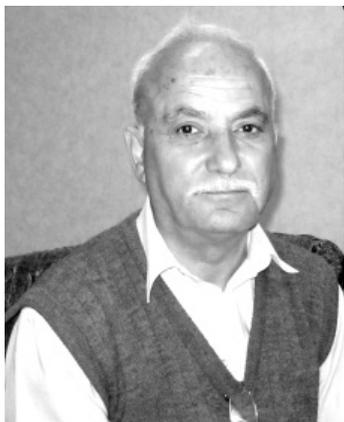
Гагик Аракелян, Костан Карапетян

Гагик Аракелян

Гагик Сережаевич Аракелян - родился 12 декабря 1955 года в Ереване. До заключения он работал на Ереванском заводе «Поливинилацетат». Еще в школе Гагик сформировал школьный патриотический кружок «Амроц» («Крепость»), который позже был раскрыт. После профилактических бесед с Аракеляном и его друзьями в Комитете госбезопасности, их предупредили о недопустимости подобных занятий и отпустили. Позже он познакомился с

Азатом Аршакяном, который включил его в ряды Национальной объединенной партии. В 1973 году Аракелян участвовал в таких мероприятиях НОП, как написание призывов к независимости на улицах и зданиях, распространение листовок и печатного органа НОП - «Парос» («Маяк»). Находясь со школьной скамьи под наблюдением КГБ, Аракелян, естественно, не мог долго продолжать свою деятельность. В мае 1974 года в возрасте 19 лет его арестовали, выдвинув обвинение по 69-й (нарушение национального и расового равенства) и первой части 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) статьям УК Армянской ССР. Он был приговорен к двум годам лишения свободы. Срок отбывал в России, в городке Дзержинск, в лагере для уголовных преступников. После освобождения политической деятельностью не занимался. В 1990-х вступил в Христианско-демократический союз Армении. В настоящее время Аракелян является членом Республиканской партии Армении. Живет и работает в Ереване.

Костан Карапетян

Костан Ваанович Карапетян – родился в Ереване 20 июня 1955 года. До ареста работал на заводе «Армэлектро». Жил по соседству с Азатом Аршакяном и в результате общения с ним с ранних лет был вовлечен в национально-патриотическую деятельность. Позже вступил в ряды Национальной объединенной партии. В 1973-м принимал активное участие в таких мероприятиях, организованных НОП, как написание лозунгов и призывов к независи-

мости на стенах зданий, распространение листовок и печатного органа НОП - «Парос». В марте 1974 года, в возрасте 19 лет, был арестован и обвинен по 69-й (нарушение национального и расового равенства), 207¹ (оказание сопротивления сотруднику милиции или дружиннику) и 231-й (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, пьянство и азартные игры) статьям УК Арм ССР. Был приговорен к двум годам лишения свободы. Отбывал срок в России, в лагере для уголовных преступников в Горьковской области. После освобождения политической деятельностью не занимался. В настоящее время Карапетян живет и работает в Ереване.

Из рассказа Гагика Аракеяна

До вступления в Национальную объединенную партию у нас была действующая юношеская группа под названием «Амроц» («Крепость»). Этот кружок функционировал в нашей школе в 1969-1970 - годах. Я тогда был в 8-м классе. Мы встречались и с

представителями других юношеских кружков, которые действовали за пределами нашей школы. На протяжении нескольких лет мы занимались распространением листовок в связи днем Геноцида - с 24 апреля. Я учился в 9 классе, когда наш кружок раскрыли, и мы впервые оказались в КГБ. Нас допрашивали по поводу распространения листовок и деятельности кружка. После допроса нам вынесли официальное предупреждение. Это было мое первое предупреждение. В дальнейшем оно много раз повторилось.

Азат Аршакарян жил в нашем районе, как и Ашот Навасардян, который к тому времени уже был осужден и только вернулся из заключения. У Азата были проблемы с КГБ, и в нашем районе об этом знали многие. Так что мы были в некоторой степени осведомлены об их с Ашотом деятельности. Мы не были с ними близки, но само их существование вдохновляло нас. Дальнейшие события показали, что Азат знал о нашей деятельности. Когда мы закончили школу, он предложил нам действовать в рамках Национальной объединенной партии. Пожалуй, это был 1973 год, мне тогда только исполнилось 18 лет. Начался совершенно новый, активный этап нашей деятельности. Мы писали на стенах общественных зданий лозунги о независимой Армении, распространяя листовки с подобными призывами, и газету «Парос». Кроме того, мы проводили серьезные организационные мероприятия, например, формировали подгруппы-филиалы. Меня часто вызывали в КГБ в 1973-1974 годах. Они предупреждали меня, угрожали, требовали, чтобы я прекратил свою деятельность. Я был молод и уверен, что занимаюсь хорошим делом. К тому же я был готов к возможному аресту и потому не обращал внимания на их угрозы и предупреждения. Весной 1974 года меня и Костана Карапетяна арестовали. В том же году взяли многих из наших ребят. Изолятор КГБ был переполнен членами НОП. Кое с кем из арестованных я был знаком, о других – только слышал, а с неко-

торами познакомился позже. Мы с Костаном были приговорены к двум годам лишения свободы и переведены из изолятора КГБ в Ереванскую тюрьму. В нашу же камеру из Шаумянской колонии доставили Каджика Саакяна. По нашей информации, нам всем троим предстояло отправиться в Россию. Однако этап постоянно откладывался. Спустя некоторое время, вместо России, нас троих поместили в Шаумянскую колонию. Здесь же находились Норик и Самвел Мартиросяны, Левон Бадалян и из старой гвардии НОП – Караханян Вазген. Он был приговорен к одному году лишения свободы по сфабрикованному обвинению. Однажды Самвел Мартиросян был совершенно необоснованно отправлен в карцер. Мы – политзеки лагеря, объявили голодовку и забастовку, вследствие этого нас отправили в Россию и отделили друг от друга. Меня увезли в Дзержинск, Костана Карапетяна – в Горьковскую область, Левона Бадаляна – в Куйбышев, Саакяна Каджика – в Казань, а Норика и Самвела Мартиросянов – в Пермский край.

Я свой срок отбывал в лагере, предусмотренном для уголовных преступников. Все знали, что я осужден за политическую деятельность. Ко мне относились с большим уважением. Серьезных проблем в зоне у меня не было. Отбыв свой срок, в 1976 году я вернулся в Ереван. С первого же дня находился под административным надзором. По сути, это был домашний арест. Я не имел права выходить из дома после шести вечера. С работы мне приходилось бежать домой, чтобы успеть к этому времени. В противном случае, опоздание расценилось бы как нарушение режима и могло послужить поводом для нового осуждения. Такой режим изначально предусматривался на год, но через шесть месяцев его смягчили, а затем и вовсе отменили. Я начал жить жизнью свободного человека. Работал и занимался повседневными делами. Политикой и подпольной деятельностью больше не занимался.

Из рассказа Костана Карапетяна

Существенную роль в формировании моих взглядов сыграл Азат Аршакян. В конце 1960- 70-х годов в нашем районе Шенгавит его все знали и уважали. По своему уровню и интересам он существенно отличался от других. Я с удовольствием общался с ним – его вообще все любили. С этого общения все и началось. Я только окончил школу. От Азата я узнал о том, что существует организация, которая борется за независимость Армении, и вступил в неё. Нашей основной задачей было написание в многочисленных районах города лозунгов, требующих независимость Армении. У нас были готовые трафареты, с помощью которых мы и писали эти лозунги. Однажды, поздним октябрьским вечером 1973-го, когда мы – трое ребят – расписывали телефонные будки на Третьем участке Еревана, нас заметили два милиционера. Они попытались нас арестовать. Я оказал сопротивление, и пока они со мной возились, моим друзьям удалось сбежать. Один из милиционеров ударил меня рукояткой пистолета. Тогда в общей суматохе я и не почувствовал боли. Они уже запихнули меня в машину, но мне удалось сбежать. Возню с сотрудниками милиции и мое сопротивление видели две женщины – мать и дочка, которые в этот момент вышли на балкон своей квартиры. Когда стало ясно, что, потеряв меня из виду, милиция уехала в другом направлении, они позвали меня к себе домой. Только там я заметил, что из раны на моей голове течет кровь, которой забрызгана вся одежда. Мать и дочь обработали мою рану, наложили повязку, постирали рубашку, дали мне другую одежду и предложили переночевать в их доме. В этой ситуации было крайне опасно выходить ночью на улицу. Без сомнения, меня бы схватили. И я остался у них. Рано утром возвратился домой. В конце дня я вернулся в ту квартиру, чтобы вернуть одежду, которую они мне дали. Там я уз-

нал, что к ним явились сотрудники Комитета госбезопасности и расспрашивали обо мне. Женщины признались, что я ночевал у них, но никаких сведений обо мне не дали, поскольку ни меня, ни адреса моего толком не знали. Было уже ясно, что меня ищут. На следующий день мне предстояло встать на учет в военном комиссариате, который тогда находился на верхнем этаже милицейского участка перед кинотеатром «Айреник» («Родина»). Фактически весь тот день милиция и КГБ разыскивали меня, а я находился в их здании. Им так и не удалось найти меня. Спустя месяцы они испытали шок, узнав, что я находился в их здании. В узком кругу моих друзей эту «дерзкую» историю хорошо знали и рассказывали ее, как притчу. Некий человек, которого я не назову по имени хотя бы потому, что его уже нет на этом свете, донес на меня в спецслужбы. Спустя пять месяцев после этого инцидента, в марте 1974 года, меня в очередной раз вызвали в военкомат. Когда подошла моя очередь, доктор предложил мне сесть и начал осматривать шрам на моей голове. Потом куда-то позвонил. Я понял, что в военкомат меня вызвали с совершенно определенной целью. И действительно, меня арестовали непосредственно на выходе из военкомата.

Ни во время предварительного следствия, ни в процессе судебного разбирательства никаких интересных или значимых событий не происходило, не считая обеда, который они подавали. Ни внешний вид, ни вкус, ни запах этого варева не имели ничего общего с едой. Пожалуй, это единственное, что сильно впечатлило меня в те дни.

Мы с Гагиком Аракеляном были приговорены к двум годам заключения и переведены в Шаумянскую колонию. Среди армянских политзаключенных там находились братья Норик и Самвел Мартиросяны, Гагик Аракелян, Вазген Караханян, Левон Бадалян и Каджик Саакян. Вся колония была безработной – работы

просто не было. Можно было пересчитать по пальцам зеков, которые были там чем-то заняты. Однажды по неизвестным мне причинам нас, политзаключенных, решили отправить в Россию. С нами была и Анаит Карапетян. Из Ростова ее увезли в другом направлении. Мы находились в одном вагоне, но женщины, ясное дело, сидели в отдельных купе. Под купе подразумевается тесная коробка-клетка, в которой помещалось столько людей, сколько нужно переправить. Этап – это отдельная история. Заключенные, которые пережили этап, никогда его не забудут. Из Еревана нас отвезли в Тбилиси, оттуда - в Ростов, затем - в Харьков, потом - в Пензу и, наконец, - в Горький. Нас долго держали в Горьковской тюрьме. Затем нас с Гагиком отделили друг от друга. Меня увезли в населенный пункт под названием Сухобезводный, сам же лагерь находился в лесу. После освобождения была у меня мысль написать мемуары и озаглавить их «Девять месяцев в лесу», но я так и не нашел для этого времени.

Отбыв наказание, я вернулся в Армению. В отличие от других, меня не взяли под административный надзор. Лишь от случая к случаю вызывали в КГБ. Еще один раз вызвали за то, что я написал письмо Паруйру Айрикяну. По сути, я и сам не давал поводов для контактов с КГБ, поскольку никакой запрещенной деятельностью уже не занимался.

Азат Аршакян, Размик Зограбян, Размик Маркосян

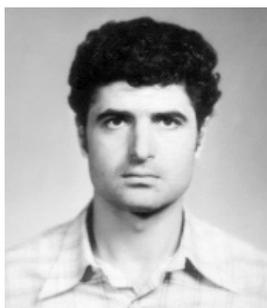
Азат Аршакян

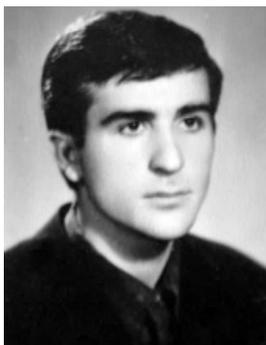
Размик Зограбян

Размик Маркосян

*Азат Аршакян
фото из уг. дела*

*Размик Зограбян
фото из уг. дела*

*Размик Маркосян
фото из уг. дела*

Азат Левикович Аршакян – родился в 1950 году в Ереване. С 15-16 лет он общался со свободомыслящими людьми Армении. В 1966-1967 годах вступил в юношескую организацию «Союз армянской молодежи», позже – в «Шант» («Молния»), а затем – в ряды Национальной объединенной партии. В 1970 году во время судебного процесса по делу членов НОП был привлечен в качестве свидетеля. В 1973 году являлся активным участником мероприятий,

проводимых Национальной объединенной партией, формировал её подгруппы, а также участвовал в печатании и распространении листовок. Аршакян являлся одним из организаторов акции сожжения гигантского портрета Ленина на центральной площади им. Ленина в Ереване (сегодня - Площадь Республики). Он был арестован в апреле 1974 года. Обвинялся по первой части 65-й (антисоветская агитация и пропаганда), по 67-й (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации), по второй части 96-й (нарушение национального и расового равноправия) и по 231-й (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, пьянство, азартные игры) статьям УК Арм ССР. До этого он был осужден в марте того же года по 207-й статье УК Арм ССР (оказание сопротивления сотруднику милиции или дружиннику).

Дабы не допустить того, чтобы Комитет госбезопасности вычислил Смбата Авагяна – второго участника сожжения портрета Ленина, Аршакян, в ходе предварительного следствия заявил, что вторым участникам акции является он. Был приговорен к семи годам лагерей и трем годам ссылки. Для отбытия наказания его отправили в лагерь для политзаключенных в Мордовию. В апреле 1977 года по прошению о помиловании он был досрочно освобожден. Во второй раз за антисоветскую деятельность Аршакян был арестован в 1981 году и обвинен по второй части 65-й и по 67-й статьям УК Армянской ССР. Он был признан особо опасным рецидивистом и приговорен к восьми годам лишения свободы и трем годам ссылки. В 1987 году был освобожден, благодаря Горбачевской перестройке.

С 1989 года Азат Аршакян активно участвовал в общественно-политической жизни страны. Был одним из организаторов военно-политического объединения «Армия независимости». В

1990 году был избран в Верховный Совет Армении, а в 1995 году – депутатом в Национальное Собрание РА. Является основателем Христианско-демократического союза Армении. Живет и работает в Ереване.

Размик Артаваздович Зограбян – родился в 1950 году в Ереване. В его съемной квартире в ереванском районе Сари таг, была организована подпольная типография. Он активно участвовал в изготовлении и распространении листовок. Вечером 20 января 1974 года (накануне годовщины смерти Ленина) он вместе с соратником – Смбагом Авагяном, сжег гигантский портрет Ленина на одноименной площади (нынешней Площади Республики). Смбаг Авагян смог сбежать и спрятаться, согласно предварительному плану, а Размик Зограбян скрыться не успел и был арестован непосредственно после сожжения портрета. Был обвинен по первой части 65-й (антисоветская агитация и пропаганда), по 67-й (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации), по второй части 96-й (нарушение национального и расового равноправия) и по третьей части 213-й (изготовление, использование или продажа поддельных документов, бланков, штампов, печатей, автомобильных регистрационных знаков-номеров) статьям УК Арм ССР. В итоге он был приговорен к семи годам лишения свободы и трем годам ссылки. Срок наказания отбывал сначала в Мордовии, затем в лагерях для политзаключенных в Перми. Все предложения по поводу написания прошения о помиловании категорически отклонял. В зоне проявлял непокорность, в результате чего режим его содержания был ужесточен, и Зограбян был переправлен во Владимирскую тюрьму. После семи лет заключения был выслан в Иркутскую область на три года. Вернулся в Армению в 1984 году. С 1991 года является членом Республиканской партии Армении. В 2002-2007 гг. занимал должность советника Премьер-министра Республики

Армения. В 2007г. был избран депутатом Национального Собрания РА. В настоящий момент не работает.

Размик Григорьевич Маркосян – родился в 1949 году в Ереване. До ареста являлся студентом факультета культуры Ереванского педагогического института им. Х. Абовяна. В 1973 году участвовал в мероприятиях, организованных НОП: написании призывов к независимости в общественных местах, организации подпольной типографии, изготовлении и распространении листовок. Был арестован в июне 1974 года и обвинен по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда), по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) и по 1-й и 3-й частям 213-й статьи (изготовление, использование или продажа поддельных документов, штампов, бланков, автомобильных номерных знаков) УК Арм ССР. В итоге Маркосян был приговорен к четырем годам заключения и двум годам ссылки. Первоначально отбывал срок в лагерях для политзеков в Мордовии, а затем - в Перми. После окончания срока заключения он отбывал ссылку в Целиноградской области Казахстана. Срок ссылки уже завершился, когда его вновь арестовали за то, что он якобы самовольно покинул место ссылки, и осудили по сфабрикованному делу, выдвинув обвинение по 198-й и 170¹ статьям Казахской ССР. 170¹ статья соответствует 206¹ статье УК Арм ССР (распространение клеветы, порочащей советский государственный и общественный строй). Основанием для обвинения в клевете послужили заявления, которые Размик Маркосян написал из зоны еще в 1977-1978 годах в Верховный Совет и Генеральную прокуратуру СССР. В 1980 году за эту «клевету» его осудили на три года лишения свободы и еще на два – за сфабрикованное же дело о «побеге». В целом, ему предстояло еще три года отбывать новый срок в зоне. Маркосян обжаловал этот приговор, и в результате его ходатайства вердикт,

который предусматривался за «побег» по 198-й статье, был отменен, а дело закрыто за отсутствие состава преступления. Однако за клевету его приговорили к одному году лишения свободы. Отбыв этот год Размик Маркосян в апреле 1981 года был освобожден и вернулся в Армению. После освобождения он поддерживал постоянные контакты с армянскими и зарубежными диссидентскими кругами. В 1987 году участвовал в формировании Объединения национального самоопределения. Принимал активное участие в политических процессах, происходящих тогда в стране. Он был одним из организаторов военно-политического объединения «Армия независимости». С 2000 года его приглашали на работу в Правительство Республики Армения, в качестве председателя Государственного совета по вопросам религии, а с 2002 года – в качестве советника Премьер-министра РА. В настоящее время не работает. Живет в Ереване. Занимается публицистикой.

Из рассказа Азата Аршакяна

В советское время у нашей семьи были серьезные проблемы. Двух братьев моего деда сослали. Один из них был офицером армянской армии. Он так и не вернулся в Армению, после ссылки жил в Грузии. С 12-13 лет отец часто брал меня с собой, когда ездил к нему. Здание сельского совета нашей деревни когда-то было домом моих предков. В годы моей юности обо всем этом много говорилось в нашей семье. Говорилось также о том, что нам не следует особо бросаться в глаза в стране Советов, поскольку это может плохо кончиться. Лучшим выходом считалось жить тихо, не высываясь. Это то, что дала мне семья.

Очень важную роль в моей жизни сыграла демонстрация 1965 года, связанная с годовщиной Геноцида армян. Мне тогда было 15 лет. Я занимался боксом. Каждый год первого мая мы участвовали в праздничном параде на центральной площади им. Ленина. За

месяц до него - в течение всего апреля, мы проводили репетиции на площади. И вот одна из таких репетиций совпала с событиями, которые произошли в тот год 24 апреля. Невольно я стал не только свидетелем, но и участником шествия, посвященного памяти жертв Геноцида. Вместе со многими арестовали и меня, но я объяснил, что не имею ничего общего с этим маршем, что являюсь просто боксером, показал боксерские перчатки, которые лежали у меня в спортивной сумке, и меня отпустили. Шествие произвело на меня неизгладимое впечатление. Я был воодушевлен. Я сразу же рассказал об этом Паруйру Айрикяну, с которым в 1960 году мы познакомились в пионерском лагере и дружили. Паруйр был сильно раздосадован тем, что не участвовал в этом шествии.

Атмосфера, царящая в доме Паруйра, существенно отличалась от атмосферы нашего дома. Наша была рабоче-крестьянская, а у них - столичная. Я очень уважал Аршавира Айрикяна - отца Паруйра. Он рассказывал о Константинополе, Франции, об известных стамбульских армянах-интеллектуалах. Другой Айрикян - дядя Паруйра, был музыкантом. Во время чаепитий он рассказывал нам о классической музыке. А сестра Паруйра - Сона, пела песни Комитаса. Я особенно подчеркиваю атмосферу дома Паруйра, так как она также оказала колоссальное влияние на меня. Сам Паруйр также сыграл решающую роль в моей жизни. Я должен подчеркнуть, что все мои дальнейшие действия - членство в подпольной организации, распространение листовок, антисоветская или патриотическая деятельность, - короче говоря, все то, в чем я принимал участие, осуществлялось по инициативе Паруйра.

Каким-то чудом я постоянно оказывался в среде вольнодумцев. Добровольно участвовал в строительстве мемориала Геноциду - помогал строителям, часто бывал в саду им. Комитаса, где познакомился в Шахвердяном Багратом. Я сказал ему, что моя бабушка пела гимн независимой Армении «Наша Родина», но у меня нет текста, и он записал на листке из школьной тетрадки слова

этой песни и вручил его мне. Мне было известно, что Паруйр с несколькими своими друзьями занимается какими-то делами, но лично я в этом не участвовал. Это был юношеский кружок в Нубарашене. Мой прадедушка, который жил в Грузии, в свое время преподавал мне уроки куда более серьезные, так что юношеский патриотизм команды Паруйра был для меня пройденным этапом. Однажды Паруйр сказал мне, что девушек из их группы поймали во время распространения листовок в поезде, направляющемся в Кировакан (Ванадзор), и заставляют их признаться, выдать людей, которые им эти листовки дали. Сказал, что они загнаны в тупик и не знают, что делать. Те же листовки распространялись и в нашей школе, в чем я принимал участие. И тогда я предложил сказать чекистам, что якобы сам взял эти листовки в нашей школе и передал им. Таким образом замыкался бы круг и девочки выходили из затруднительного положения. Паруйр так и сделал. За мной немедленно явились. Директор школы подтвердил, что в школе такие листовки распространялись, КГБ в курсе, и они вполне могли попасть мне в руки, а я заявил, что именно в школе и взял их и передал Паруйру. В тот день меня с родителями впервые вызвали в Комитет государственной безопасности, и я получил официальное предупреждение в связи с неприемлемыми действиями. С этого случая началось мое участие в инициативах Айрикяна.

Еще до известной организации «Шант», мы в нашем районе Шенгавит, независимо от Паруйра, успели сформировать довольно большую подпольную группу. В ней уже был Ашот Навасардян и другие ребята. У нашего кружка была своя программа - мы видели будущее армянского народа в рамках ленинской национальной политики и коммунистической идеологии. Мы уже находились под наблюдением КГБ, куда нас время от времени вызывали. Это называлось профилактикой. Здесь мы и сталкивались с реальной советской действительностью. Мы видели совсем не то, что было написано в книгах, и не то, что рассказывал нам учи-

тель, а то, что существовало на самом деле - чрезвычайную грубость и вульгарность. Профилактика включала в себя не только приводы и приглашение в КГБ наших родителей, но и весь следующий за этим процесс: тебя обсуждают и осуждают на различных собраниях, заставляют оправдываться, и, что самое главное – это делают люди, которые за стенами этих собраний говорят тебе совершенно другое. И вот это лицемерие, это двуличие и радикализовало нас. Словом, КГБ всеми своими действиями доступно и быстро объяснил нам, что такое настоящий коммунизм. Мы поняли, что советский человек и коммунист – это совсем не то, что мы себе представляли. В 1967 году мы провели собрание и решили разорвать все связи с идеями коммунизма и советским строем. Решение мы подкрепили символической акцией: у стен завода «Наирит» сожгли прокоммунистическую программу нашей организации.

Во время строительства мемориала Геноциду армян, некий человек по имени Месроп, который был намного старше меня и которому я, вероятно, понравился, предложил встретиться с некоторыми из его друзей. Мы отправились в Эчмиадзин. Там я познакомился со Степаном Затикяном и Айказом Хачатряном, а позже - с Шагеном Арутюняном. Мне нравилось общаться с людьми, которые были старше меня и отличались неординарностью. Я рассказал Паруйру об этих встречах. Мы решили понаблюдать за ними, посмотреть, кем являются мои новые знакомые. Спустя некоторое время Паруйр сказал, что наблюдать больше не нужно, поскольку эти люди - «наши друзья». Оказалось, что мои новые знакомые являются основателями Национальной объединенной партии. А через какое-то время началось наше сотрудничество. Для начала мы распространили листовки, которые они нам дали, и не попались. Экзамен мы сдали успешно, и они решили принять нас в ряды НОП. Единственным препятствием являл-

ся мой возраст: я был несовершеннолетним и по уставу НОП не мог являться членом партии, но ради меня сделали исключение. Мы приняли клятву НОП и стали членами организации. В 1968 году 24 апреля мы организовали в Цицернакаберде известную радиопередачу, техническую часть которой осуществил наш друг Вачик - его отец был профессиональным радиотехником. Текст радиовещания зачитала одна из наших девушек. Вся работа была осуществлена силами нашего шенгавитского филиала. Не помню, каким образом нюансы этого дела стали известны КГБ.

С самого детства я хотел стать летчиком. Мне очень нравился отец Ашота Навасардяна, а он, как и многие мои соседи, работал в аэропорту. В 1968 году я отправился в Хабаровск, чтобы получить соответствующее образование. Подоспел призывной возраст. Я вернулся в Армению и отправился на службу в армию. Но был досрочно демобилизован, так как получил серьезные повреждения, попав в аварию. Из-за отъезда в Хабаровск и последующего призыва в армию я долгое время не принимал участия в деятельности наших ребят. Во время моего отсутствия распространялись листовки, была напечатана газета «Еркунк». Когда в 1970 году наших судили, я выступал в суде лишь в качестве свидетеля. Из-за травм, полученных при аварии, я до 1973 года находился на полупостельном режиме. К тому времени из лагеря вернулся Степан Затикян, а позже – Паруйр и Ашот. И мы вновь собрались вместе. К нам присоединились два Размика – Размик Маркосян и Размик Зограбян. Появились и другие ребята. Родилась идея создания собственной типографии. После долгих размышлений мы с Маркосяном нашли новый способ печати, который сегодня может показаться примитивным, но в начале 1970-х его можно было считать настоящим изобретением. Этот способ был намного лучше и эффективнее, чем печатание на машинке. Мы помещали матрицу под пресс, выливали на нее расплавленный свинец и придавлива-

ли. По сути, печатали сразу целую строку текста. И так – строку за строкой. Потребовалось много усилий, но в итоге мы достигли хороших результатов. Зограбян Размик жил по найму в Саритаге. Он был хорошим парнем, но пассивным. Его комнату мы и превратили в типографию. Именно там, по собственному методу, мы напечатали листовку «Айер» («Армяне»). Распространили эти листовки и не попались. А попались мы из-за другой акции. Мы запланировали сжечь большой портрет Ленина, который был установлен на площади им. Ленина (ныне Площадь Республики) в Ереване. Это был дерзкий шаг, ведь вся площадь, в частности – огромный портрет, находились под бдительным круглосуточным наблюдением милиции. Акция была поручена Маркосяну Размику. Однако, по непонятным причинам, осуществление нашего плана все время откладывалось. Стало ясно, что надо менять исполнителя. За дело взялся Зограбян Размик и вместе с одним из наших друзей благополучно довел его до конца. Согласно плану, после сожжения портрета они должны были успеть покинуть площадь и спрятаться. Но, в отличие от Смбата Авагяна, Зограбян Размик скрыться не успел. Дежурившим на площади сотрудникам милиции удалось схватить и арестовать его. Естественно, что после ареста Размика Зограбяна его арендованную квартиру должны были обыскать, поэтому мы ее заранее очистили, но во время обыска сотрудники Комитета госбезопасности все же обнаружили в квартире незамеченный нами кусок стекла, на котором сохранились следы печатной краски. Таким образом, у КГБ появилась нить, которая предоставила им возможность выйти на нас.

До этого были арестованы Шахвердян Баграт и Товмасян Арапат. В связи с ними меня вызывали в КГБ и требовали дать показания, а я отказывался. В официальном бланке было написано, что я в такой-то день, в таком-то месте вместе с Шахвердяном Баграмом и другими лицами принимал участие в антисоветском собра-

нии. Чекисты дали мне этот бланк, чтобы я подписал. А я вместо подписи на этом листке написал, что встречался со своими друзьями, в том числе – с Шахвердяном, но эту встречу, равно как и собрание в целом, антисоветским мероприятием не считаю. Моя приписка их здорово взбесила, ведь я должен был просто подписаться под этим бланком, и все. После этого случая они стали систематически навещать нас дома, беспокоить нас, забирать моих родителей в КГБ. В те дни и был сожжен портрет Ленина и схвачен Размик Зограбян. Наша с ним связь была очевидной. С Размиком мы были соседями, одноклассниками и друзьями – особой смекалки и усилий, чтобы выйти на меня, не требовалось. Через некоторое время после ареста Размика арестовали и меня. Однако основанием для моего ареста послужили не наши листовки или сожженный портрет Ленина, а сопротивление, оказанное мною представителям власти. В очередной раз из КГБ пришли за моими родителями. Моя мать болела. Мы пытались объяснить им, что она больна и не может ходить, но сотрудники КГБ были непреклонны. Тогда я возмутился, сказав, что давно уже являюсь женатым взрослым человеком, сам несу ответственность за свои поступки и они должны оставить моих родителей в покое. Но они упорно настаивали на своем. Я не думал, что этот спор приведет к серьезным последствиям. Дабы прекратить перепалку, мой отец попросил предоставить моей матери десять минут, чтобы она оделась. Они так и сделали. В ходе перепалки с ними я сказал, что в приличной стране за такой произвол их бы расстреляли. Они, естественно, рассказали своему начальнику о нашем споре и об этих моих словах, и там решили, что меня можно осудить за угрозу в адрес представителей власти. Меня вызвали в прокуратуру – на допрос. Серьезных опасений у меня не было. Дома находились вещи, которые следовало бы спрятать, в том числе – книжка «История Дашнакцутюн» и еще кое-какие материалы. Но время

поджимало, и я решил: вернусь после допроса и перепрыгну все в надежное место. Но случилось неожиданное. В прокуратуре мне предъявили обвинение, и домой я вернулся уже в сопровождении большой группы оперативников – для проведения обыска. В числе прочих материалов они также обнаружили студенческую тетрадь со списком из двадцати-тридцати членов девичьей организации НОП. Из всех находок, пожалуй, это было единственное, что ни при каких обстоятельствах не должно было оказаться в руках чекистов. Они вывалили на стол все, что нашли. Образовалась большая кипа материалов, в том числе – эта злополучная тетрадь. Группа продолжала обыск. Карине Навасардян, моя жена, взглянула на эту кипу, едва заметно отметила взглядом тетрадь и прошептала: «список». Я незаметно взял со стола тетрадь и отдал Карине, а она спрятала ее под своей одеждой, засунув под пояс и прикрыв сумочкой, которая была под рукой. Мои действия заметил присутствующий на обыске прокурор Папи Тохян. Он внимательно смотрел на меня. Наши взгляды встретились, однако он ничего не сказал. Когда уже составлялся протокол обыска, руководитель группы, заметив сумочку Карине, спросил: «А ридикюль проверяли?», - и Тохян ответил: «Да». Я никогда этого не забуду.

(Карине Навасардян, однако, вспоминает этот отрывок иначе. По словам Карине, она незаметно забрала и спрятала тетрадь под одеждой и выскользнула из комнаты. Тохян же просто не заметил этого, иначе он, несомненно, предотвратил бы попытку Карине. Невмешательство Тохяна могло создать у Азата Аршакаяна ошибочное впечатление поддержки, и по прошествии стольких лет (40 лет минуло с тех пор) он мог именно таким образом запомнить этот эпизод. – В.А.).

После завершения обыска, меня забрали с собой, но вместо изолятора отвезли к Ашоту Навасардяну. Начался обыск у них дома. Карине осталась в нашем доме. Вот так группа наших девушек была спасена, и они избежали допросов и, возможно, арестов.

Я был осужден за оказание сопротивления представителю власти, затем началось предварительное следствие и в связи с антисоветской деятельностью. Сотрудники милиции, которые арестовали Размика Зограбяна после сожжения портрета Ленина, естественно, сообщили, что он был не один. Они видели второго участника, который успел скрыться. На самом деле все так и было. Чтобы вторым участником не слишком интересовались и этот вопрос закрылся раз и навсегда, я решил сказать, что тем вторым участником был я. Таким образом заметались следы другого нашего друга – Смбата Аваганяна и облегчалась задача Зограбяна Размика, поскольку на него постоянно давили, чтобы он назвал имя соучастника, а он не называл. В 1974-м нас, арестованных по делу НОП, было много, но меня и двух Размиков – Маркосяна и Зограбяна, судили отдельно. На самом деле для меня, в нашем деле не было ничего темного. Арестованы только мы трое. Все те, кто должен был остаться на воле – там и остались. В этом смысле и я, и Маркосян, и Зограбян со своей задачей справились хорошо. У меня остался лишь один вопрос: как же так получилось, что чекисты узнали, где Размик Маркосян хранил печатное оборудование и шрифты? В те годы они представляли для нас огромную ценность и ни при каких обстоятельствах не должны были попасть в руки чекистов.

А теперь я хочу рассказать, как вышло, что я и Ашот Навасардян освободились по прошению – досрочно. После суда нас этапировали в лагеря, предусмотренные для политических заключенных. Мы находились в Мордовии. Нам всегда казалось, что это - наша игра, мы сами разрабатываем и осуществляем планы. Однако сегодня – спустя многие годы после тех событий, я смотрю на все совершенно другими глазами. Сегодня мне уже понятно, что дело было вовсе не в том, что мы хотели выйти на свободу раньше срока, чтобы осуществить свои планы, а в том,

что в КГБ нас хотели освободить пораньше, чтобы осуществить свою собственную игру. Нас было четверо: я, Ашот Навасардян, Паруйр Айриkyян и Акобджан Тадевосян, - мы договорились, что возвратившись в Армению, сразу же сформируем исключительно диссидентскую организацию, которая будет называться «Конституция-17». (*Статья 17 Конституции СССР гласила: За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР. – В.А.*) Акобджан был на воле, а мы - на зоне. Меня привезли в Ереван - на профилактику. Шел 1976 год. В те годы в КГБ занимались такими вещами, это было частью их работы. Может показаться странным, даже немислимым, но по прибытии в Ереван два чекиста без вооруженной охраны и наручников сопроводили меня домой. Мои друзья и соседи заполонили дом. Чекисты шутили, мол, могут меня оставить дома и уйти и что так же могут поступить и с Ашотом, но для этого мы должны обратиться с просьбой о помиловании. Я объяснял, что в данный момент ничего решать не вправе, что мои друзья - Ашот, Паруйр и два Размика - сидят и мне следует с ними посоветоваться. После этого спектакля меня снова доставили в изолятор КГБ и отправили обратно в колонию. Размика Зограбяна и Ашота Навасардяна уже отправили из Мордовии в Пермь. Я рассказал эту историю Размику Маркосяну и Паруйру Айриkyяну, а также о предложении чекистов о досрочном освобождении. Я думал, что у нас есть возможность в скором времени выйти на волю, создать «Конституцию-17» и заняться серьезными делами. В обмен на наше освобождение с нас требовалось обратиться к советским властям с просьбой о помиловании. Маркосян Размик категорически отказался. К Зограбяну Размику обращаться и вовсе было бессмысленно - и так было понятно, что он откажется. Паруйр также отказался, говоря, что если они хотят освободить нас, то пусть освобождают без нашего письменного прошения. С аналогичным предложением

обратились к Ашоту в Пермь, и он принял его. И мы – я и Ашот Навасардян, обратились к властям с прошением о помиловании и были досрочно освобождены. В декабре 1976 года вышел на свободу Ашот Навасардян, а я – в апреле 1977 года.

Сразу после освобождения я взялся за осуществление плана по созданию «Конституции-17». Поехал в Таллин, побывал в Москве, договорился с нужными людьми, но, как ни странно, в Армении меня не поддержали. Находящихся на воле наших соратников-друзей эта идея не воодушевляла. Дело затянулось и так и не реализовалось. Постепенно сузился и круг моего общения. В основном я общался с членами женской подгруппы НОП. В 1980 году мы узнали, что Паруйру, который все еще находился на зоне, предъявили новое обвинение. Было ясно, что он не вернется в Армению. При таком раскладе мы, я и Ашот, не могли бездействовать. Вместе с женской группой мы решили издать следующий номер газеты «Парос». Карине Навасардян и Сусанна Авагян взвалили на себя всю тяжесть работы. Мы изготовили большое количество экземпляров газеты и распространили её. Мы выписали из телефонной книги адреса известных представителей интеллигенции и, в частности, побросали экземпляры в их почтовые ящики. В этот раз мы написали на газете наши имена – мое и Ашота Навасардяна. Всю ночь мы распространяли «Парос», а утром с одним экземпляром газеты в руках отправились в прокуратуру. Нас принял прокурор Папи Тохян. Когда он узнал, почему мы пришли и что мы сделали, то едва не лишился чувств. Позвонил в КГБ, там ему сказали, что они уже в курсе. Некоторые представители интеллигенции уже успели проверить свои почтовые ящики и донести в КГБ. Из кабинета Тохяна нас увезли в изолятор КГБ. Освободили в 1987 году – вновь раньше срока. На сей раз – благодаря перестройке.

Паруйр Айрикян

1973-1974 годы – это особый период в истории Национальной объединенной партии. За этот недолгий промежуток НОП смогла сделать так много дел, так громко заявить о своем существовании и жизнеспособности, что даже в Москве поняли: ситуация в Армении серьезная. Изолятор КГБ постоянно пополнялся новой партией арестованных членов НОП, но партия продолжала вести активную деятельность. В октябре-ноябре 1973 года КГБ начинает новую серию арестов представителей НОП. К тому времени были уже арестованы действующие отдельно друг от друга члены различных структур НОП - Каджик Саакян, Фирдус Мурадян, Гарегин Давтян, Самвел Мартиросян, Левон Бадалян, когда спустя три месяца – вечером 20 января 1974 года, в канун годовщины смерти Ленина, на центральной площади Еревана сжигается огромный портрет Ленина.

Паруйр Айрикян, Степан Затикян, Ашот Навасардян 1973г.

Не имеющие прямой связи друг с другом члены различных структур НОП продолжали издавать официальную газету подпольной партии «Парос» («Маяк»), основали типографию в ереванском районе Сари таг, продолжали печатать и распространять новые листовки.

В связи с этой бурной деятельностью, Центральные власти СССР подбросили армянскому КГБ дополнительные силы для борьбы с НОП. В Армению не только отправили дополнительные группы специалистов-оперативников, но и, как это ни странно, даже изолятор местного КГБ пополнили приезжими сотрудниками-надзирателями. Всю эту активную подпольную деятельность до лета 1974 года координировал недавно вернувшийся из лагерей Паруйр Айриkyан.

Приговор, который был вынесен по делу Айриkyана в ноябре 1974 года, был третьим по счету. В первый раз он был осужден на 4 года лишения свободы за антисоветскую агитацию и пропаганду в 1970 году. В 1973 году после освобождения он вновь возвращается к подпольной деятельности. Однако КГБ удается оперативным путем выяснить, что события 1973-1974 годов происходили не без его участия. За неимением конкретных доказательств, в феврале 1974 года Айриkyана арестовывают по сфабрикованному обвинению в нарушении режима административного надзора и 5 марта осуждают на 2 года лишения свободы по 217¹ статье УК Арм ССР (злостное нарушение правил административного надзора). Спустя несколько дней – 29 марта, против него выдвигают еще одно обвинение, на сей раз - по второй части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статье УК АрмССР. Ввиду отсутствия прямых доказательств по поводу антисоветской деятельности, в основу обвинения легли изъятые в 1970-1973 годах лагерной цензурой (и, стало быть, не дошедшие до адресатов) письма Айриkyана, адресованные друзьям и различ-

ным организациям, и свидетельства, буквально выбитые у Рубена Хачатряна. Каким именно способом сотрудники госбезопасности выбивали показания у Хачатряна - доподлинно не известно, но факт заключается в том, что в результате этих допросов Рубен Хачатрян приобрел тяжелейшее психическое заболевание, которое в конечном итоге привело его к смерти. В ноябре 1974 года Паруйр Айриkyан был осужден на 7 лет лагерей и 3 года ссылки. Срок отбывал в лагерях для политзеков, сначала в Мордовии, затем – в Перми.

Андраник Маргарян

Андраник Маргарян

Андраник Наапетович Маргарян - родился в 1951 году в Ереване. Окончил Ереванский политехнический институт. До ареста работал инженером. Еще в школе – в 1965-1967 годах, создал тайную организацию под названием «Союз борющихся учеников». Организация занималась изготовлением и распространением патриотических листовок. В 1967 году, познакомившись с Паруйром Айрикяном, он вступает в организацию «Шант» («Молния»), а с 1968

года становится членом Национальной объединенной партии. В ноябре 1974 года Паруйр Айрикян, находясь в изоляторе КГБ, через сотрудника изолятора передает Андранику Маргаряну разработанную им новую программу НОП, новый устав партии и другие материалы для дальнейшего копирования и распространения. Маргарян забирает эти документы, после чего его арестовывают, а в феврале 1975 осуждают на три года лишения свободы по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК АрмССР. Срок он отбывает в лагерях для политических заключенных, сначала в Мордовии, затем – в Перми. Находясь в Пермском лагере, Маргарян пишет прошение о помиловании и в ноябре 1976 года, проведя в заключении в целом 2 года, досрочно освобождается. В 1987 году Маргарян избирается председателем незадолго до того

созданной организации «Ай Дат» («Армянский вопрос»). Затем – в 1992 году, вступает в Республиканскую партию Армении, а в 1995 году избирается депутатом Национального Собрания РА. В мае 2000 года он был назначен премьер-министром РА и до самой смерти – 25 марта 2007 года, был на посту главы Правительства Армении.

Из рассказа Гагика Овсепяна

Несмотря на то что в рядах НОП я состоял с 1968 года, я не был знаком с Андраником Маргаряном. В те годы правила конспирации были несколько иные. Мы действовали в рамках одной партии, но состояли в разных кружках-группах. Только в ноябре 1974 года я узнал, что вместо меня арестовали другого. Этим арестованным оказался Андраник Маргарян.

Когда Паруйр Айрикян отсидел свой первый срок и в 1973 году возвратился в Армению, НОП начала разворачивать чрезвычайно активную деятельность. Каждый день ожидалось все новые и новые аресты. Мы с Паруйром условились: если его арестуют, то он постарается установить связь со мной из тюрьмы. Был один человек, которого я не знал лично, но знал о его существовании. Мы с Паруйром условно назвали его «Смбатом». И вот ко мне должен был подойти некто и, назвавшись «Смбатом», сообщить, что он - от Паруйра. Правда, я не был знаком с человеком по прозвищу «Смбат», но в моей группе были ребята, которые хорошо знали его. Когда Паруйра в 1974 году арестовали во второй раз, то некоторое время спустя кто-то позвонил к нам домой и, представившись Смбатом, сказал, что его послал Паруйр и он должен встретиться со мной, чтобы передать мне кое-что важное. Мы договорились встретиться в центре города. Я сообщил нашим ребятам, которые были знакомы с «Смбатом», о предстоящей

встрече и попросил их понаблюдать издали и посмотреть, является ли человек, с которым я встречаюсь, тем самым, настоящим «Смбатом». У меня были большие сомнения. Логика подсказывала, что это, вероятно, провокация. Практически было невозможно представить, чтобы Паруйр смог из изолятора КГБ послать ко мне человека. И вот появился человек, представившийся «Смбатом». Он был крайне напряжен и взволнован. Предложил зайти в подъезд ближайшего здания. Как только мы вошли, я сразу же заявил: «Смотри, я не знаю, кто ты, но если ты не Смбат, то лучше уж скажи правду, поскольку два человека в эту самую секунду наблюдают за нами, и если ты не тот, за кого себя выдаешь, то это сейчас же выяснится». Он наверняка не ожидал такого. Начал взволнованно что-то бормотать, мол, Паруйр мне из камеры изолятора КГБ кое-что передал, но в данный момент пакет не у него - потом он мне позвонит... И быстро ретировался. Можно сказать, убежал. Наши ребята немедленно сообщили мне, что этот человек - не «Смбат». Он больше не пытался встретиться со мной. Позже я узнал, что тот же человек передал Андраннику посылку от Паруйра. Андраник ее взял и в результате был арестован.

В свертке были разработанные Паруйром в изоляторе КГБ новая программа и новый устав НОП. Почему-то Паруйр верил в то, что, находясь в изоляторе КГБ, ему удалось переманить на свою сторону сотрудника КГБ, и теперь последний станет его связным. Результатом чего это было - романтизма, наивности, влияния кино? Не могу сказать. Факт, однако, заключается в том, что кадровый сотрудник КГБ выполнял свои служебные обязанности, а именно: раскрывал находящихся на свободе подпольщиков - членов НОП. И когда после встречи со мной чекисты поняли, что со мной их игры не пройдут и я не возьму пакет, то отказались от дальнейших планов, связанных со мной. Позже я узнал, что этот же пакет он передал Андраннику Маргаряну, и Андраника аресто-

вали. А о том, как себя вел Андраник после ареста, что он сказал там и какие дал показания - я не знаю.

Вот и вся история. Мы подружились с Андраником после его освобождения. Он был очень обижен на Паруйра. Считал, что был арестован по его вине.

Позже я потребовал от Паруйра разъяснений. Я хотел понять, как он, доверившись чекисту, мог поставить под угрозу своих находящихся на свободе друзей. Паруйр в ответ сказал, что просто поверил ему.

История двух писем

В годы советского тоталитаризма диссиденты, действовавшие в различных советских республиках до 1960-х годов, свою деятельность осуществляли изолированно и не имели достаточного представления друг о друге. Действовавшие в сталинскую эпоху диссиденты растворялись в потоке миллионов репрессированных. Они не имели возможности поддерживать связь друг с другом и рассматриваться в качестве отдельного фактора. Появившиеся после смерти Сталина представители полуподпольных и подпольных организаций, а также отдельные диссиденты тоже не располагали теми возможностями, коими располагали диссиденты в 60-70-х годах. Диссиденты, действовавшие в союзных республиках в 60-х годах, уже имели контакты друг с другом, и эти связи постепенно укреплялись. Этому, в первую очередь, способствовали лагеря. Политзаключенные, которых страна Советов назвала особо опасными государственными преступниками, стали содержаться в специально предусмотренных и строго изолированных зонах, что позволяло политзаключенным знакомиться, общаться, узнавать друг друга и дружить. После освобождения они продолжали поддерживать связь, так как жили в одной и той же стране – СССР.

С 1968 года в Москве стала публиковаться «Хроника текущих событий», которая освещала политические преследования, судебные процессы, рассказывала о политических узниках Советского Союза, инакомыслии и вольнодумстве в целом. В те годы любая информация «Хроники» имела огромную ценность для каждого диссидента, политзаключенного или преследуемого инакомыслящего. С помощью «Хроники» информация о людях распространялась и за пределы «железного занавеса». Во второй половине 20-го века мир уже не был прежним. Каким бы прочным ни был железный занавес, информация упорно просачивалась, и советским властям время от времени приходилось отвечать на неприятные вопросы. В мае 1976 года была основана Московская Хельсинкская группа, после чего аналогичные группы были сформированы в Украине, Литве, Грузии и Армении. «Хроника текущих событий» публиковалась до 1983 года, когда под натиском систематически оказываемого давления, преследований и арестов редакция закрылась. А в 1982 году о прекращении своей деятельности сообщила и Московская Хельсинкская группа. В Армении последний судебный процесс по делу Хельсинкской группы состоялся в июне 1983 года. И Хельсинкские группы, и «Хроника» были крайне нежелательными для советской власти. Но, несмотря на невообразимое давление и преследования, уничтожить эти столь ненавистные структуры не удавалось. Советские власти и спецслужбы постоянно задумывали и осуществляли очередные провокации, дабы всячески опорочить и дискредитировать эти организации и людей, имеющих к ним отношение. Достаточно вспомнить время от времени публикуемые в прессе обличающие статьи, в которых послушные представители советской интеллигенции организованно осуждали и охаивали того или иного диссидента.

В те годы «Голос Америки» была одной из зарубежных радиостанций, которая предоставляла миру и советским слушате-

лям правдивую информацию о Советском Союзе, и была особо ненавистна советской власти. Значительную часть информации «Голос Америки» составляли сообщения, имевшие отношение к Армении и армянам. Для нейтрализации радиостанции «Голос Америки» и известных правозащитников – хотя бы по части Армении – советские спецслужбы разрабатывают план. Его цель заключалась в том, чтобы запретить правозащитникам и зарубежным радиостанциям освещать армянские события, рассказывать об армянских диссидентах и политзеках. Согласно плану, с таким требованием должны были выступить сами армянские политические заключенные. Для этого в 1977 году нескольких бывших политзеков, введя их в заблуждение бредовыми аргументами, либо злоупотребив доверием, или просто воспользовавшись их наивностью, попытались подтолкнуть подписать для публикации два уже готовых провокационных письма, которые предназначались Андрею Сахарову и радиостанции «Голос Америки».

Подписи эти взялся собирать Андраник Маргарян, который был освобожден из заключения досрочно по прошению о помиловании. Вот эти письма, которые должны были подписать армянские диссиденты:

«Гражданину Сахарову

Мы заявляем о том, что считаем недопустимым использование в различных политических целях факта о наличии заключенных, которые были осуждены на национальной почве в Армении, и требуем немедленно прекратить использовать вышеупомянутый факт. Заявление подтверждаем...»

Текст, предназначенный «Голосу Америки»:

«Радиостанции «Голос Америки»»

Просим Вас посредством Вашей радиостанции сообщить заинтересованным кругам, что мы требуем не использовать факт наличия в Армении осужденных на национальной почве заключенных в различных политических целях. Это право мы оставляем за армянским народом Заявления подтверждаем...»

Чтобы собрать необходимые подписи, Андраник Маргарян пишет письма отбывающим свои сроки на зонах политзаключенным. Отметим, что в изданной в 2007 году в память об Андранике Маргаряне книге «Приверженец», опубликованы полностью два его письма, одно из которых касается непосредственно этой темы. Представляем вниманию читателя выдержку из письма Маргаряна Размику Маркосяну: *«Теперь поговорим о вышесказанном. В последнее время зарубежное радио много говорит о тех людях, которые сидели в лагерях или сидят там сегодня, - речь идет об армянах. Они сообщают ложную информацию о нас, суют свой нос в наши внутренние дела, они никогда нас не поддерживали и до сих пор, кроме вреда, никакой пользы не приносили. Если помнишь, то в ходе одной из наших бесед в лагере N19, мы более подробно обсудили с тобой этот вопрос, и пришли к выводу, что ни одна внешняя сила, ни одно движение нам – армянам, не нужны, что они всегда пытались нас использовать для достижения своих целей – начиная с христианства, геноцида и до сего дня. С момента сотворения мира мы были на стороне добра, и не нужно, чтобы зло вмешивалось в наши дела или говорило о нас...»*

Мы не желаем становиться игрушкой в политических играх. Жизнь показала, что игрушки в таких играх всегда ломаются, теряются, а после завершения игры их роль исчерпывается и их попросту выбрасывают.

Такие мысли всегда были у армян, в том числе - у тебя. Следовательно, шаги, которые мы предпримем в борьбе со злом, законны и правомерны... Большинство бывших узников согласны, и мы решили им ответить. Мы напишем заявления, которые будут отправлены Сахарову и радио «Голос Америки». Эти заявления подпишут (уже согласны и ожидают вашего ответа) около 30 человек: Степан, Овик, Бабаян, Ашот, я, Акобджан и другие. Предлагаю тексты этих заявлений».

По всей видимости, ни ему, ни другим участникам не удалось собрать достаточное количество убедительных подписей, которые могли бы придать весомость этим письмам. А обозначенное в письме Размику Маркосяну число - «около 30 человек», видимо, должно было как-то повлиять на решение Маркосяна. Серьезных подписантов не нашли. В результате безуспешным инициаторам пришлось отказаться от намерения опубликовать эти письма. В другом своем письме Андраник Маргарян призывает политзаключенного Размику Маркосяна написать прошение о помиловании и освободиться досрочно. Предлагаем отрывок и из этого письма:

«Тебе, наверное, известно, что Ашот уже с 30 декабря находится дома, он уже работает, встречается с вашими, а Азат будет дома 5 апреля. Брат, я очень хочу (и не только я), чтобы ты, так же как и мы, пораньше вернулся домой. Одна из основных целей визита ваших - рассказать тебе, как мы были освобождены, хотя мы и не верили, что нас освободят. Их визит также зависит от тебя».

Несмотря на давление, оказываемое чекистами, находящиеся на зоне члены НОП категорически отвергали все предложения по поводу написания прошений о помиловании и досрочном освобождении. Свое согласие на освобождение на таких условиях дали только пять политзеков, одним из которых являлся сам Ан-

драник Маргарян, а прошение о помиловании еще одного политзека – Рубена Хачатряна, написал не он, а его жена – под диктовку сотрудников КГБ. К тому времени Хачатрян был уже серьезно болен, и чекисты понимали, что дальнейшее его пребывание на зоне невозможно. Несмотря на отказы, КГБ не терял надежды добиться ощутимых результатов в этом вопросе. Чекисты всячески старались заполучить как можно больше прошений о помиловании. Цель была ясна - сломить дух членов НОП, показать находящимся на воле подпольщикам, что их усилия бессмысленны, борьба за независимость – дело бесперспективное и находящиеся в авангарде соратники от борьбы отрекаются. Однако КГБ, как и на других фронтах, так и в борьбе с диссидентами потерпел крах. Члены НОП самоотверженно продолжали отбывать свои сроки в лагерях, а в Армении продолжала осуществлять свою деятельность в тяжелейших условиях подполья Национальная объединенная партия - до самого распада Советского Союза.

Всё вышеописанное не преследует цель обвинить Андраника Маргаряна. Кем он был и почему он возложил на себя эту миссию станет известно гораздо позже, когда откроется архив КГБ и произойдет люстрация. Совершенно не исключено, что Андраник Маргарян действительно пришел к выводу, что борьба за независимость Армении- дело бесперспективное и в этом следует убедить друзей-соратников, которые, не понимая или не принимая эту действительность, готовы бессмысленно провести долгие годы в лагерях. Цель этой книги заключается не в осуждении или оценке людей. Её цель – максимально точно описать историю инакомыслие. Эти письма, хотя они могли оказать лишь незначительное влияние на инакомыслие того времени, тем не менее являются частью истории диссидентства в Армении – фактами, о которых невозможно не упомянуть.

Период кажущегося спокойствия

После приговора, который был вынесен в феврале 1975 года по делу Андраника Маргаряна, и до 1978 года в Армении не происходило политических судебных процессов. Аресты начались в октябре-декабре 1977 года после 2-2,5-летнего перерыва. Однако это вовсе не значит, что за все это время инакомыслящие никоим образом себя не проявляли. Напротив, в этот период происходили весьма серьезные процессы. В подполье продолжала действовать и укрепляться Национальная объединенная партия. Члены издательской группы «Во имя Родины», вернувшиеся из лагерей, активно занимались переводом, публикацией и распространением самиздата. В 1976-1978 годах были написаны работы Александра Манучаряна «Империализм» и «Слово о нации». В 1976 году один из основателей НОП - Шаген Арутюнян, занялся формированием Хельсинкской группы Армении, которая официально заявила о своем существовании в апреле 1977 года. В том же 1976 году Роберт Назарян, Эдвард Арутюнян и другие правозащитники начали активную деятельность. И Назарян, и Арутюнян и прежде были известны своей четкой диссидентской позицией. Формировались и действовали независимо друг от друга студенческие группы и кружки, которые, попав в поле зрения КГБ, в некоторых случаях распадались, а иногда консолидировались и продолжали свою деятельность. Так что, до взрыва в московском метро 8 января 1977 года и последовавших за этим новых арестов и жестких преследований, в Армении в плане диссидентских движений активно разворачивались знаковые события. Однако иногда из-за нерадивости КГБ, а порой благодаря надлежащей организации действий, правильного применения навыков и приобретенного опыта конспирации, инакомыслящим активистам удавалось избежать скорого раскрытия и арестов.

Шаген Арутюнян. Ложное обвинение

Никто не думал, что взрыв 8 января 1977 г. в московском метро каким-то образом мог быть связан с Арменией или армянскими инакомыслящими. Есть сведения - и их публично по разным случаям подтверждали чекисты, которые занимались раскрытием этого дела, - что сразу после взрыва в метро КГБ СССР в качестве возможных организаторов и исполнителей стали рассматривать армянских и украинских диссидентов. Представителей национально-освободительных движений двух этих республик КГБ рассматривал как наиболее радикальных и опасных. В итоге,

Шаген Арутюнян

этот взрыв не только был приписан армянам, но и послужил катализатором для осуществления новых политических преследований и арестов в Армении. КГБ СССР проделал серьезную и последовательную работу, дабы связать этот случай с Национальной объединенной партией. Они допрашивали армянских диссидентов и советских диссидентов в целом, а членов НОП всячески пытались рассматривать в качестве соучастников преступления.

28 октября 1977 года по этому делу были арестованы Акоп Степанян и Завен Багдасарян, а 2 ноября – Степан Затикян. От имени Хельсинкской группы Армении Шаген Арутюнян распространил сообщение об арестах, в котором отметил, что эти люди были задержаны из-за взрыва в московском метро.

Из рассказа Шагена Арутюняна: «Уже не было времени отправляться в Москву. Второго декабря я позвонил туда по име-

ющимся у меня телефонным номерам зарубежных журналистов, и от имени Хельсинкской группы сообщил им об аресте Степана Затикяна и его друзей и о предъявленном обвинении. В тот же день эта информация была озвучена зарубежной прессой и в качестве источника было названо мое имя».

Многочисленные СМИ немедленно распространили это сообщение, ссылаясь на Хельсинкскую группу Армении и Шагена Арутюняна. Согласно издававшейся в Москве «Хронике текущих событий», 28 ноября Хельсинкская группа Армении выступила с сообщением, в котором отмечалось, что Затикян, Степанян и Багдасарян были задержаны за попытку осуществления взрыва возле Курского вокзала в Москве. По утверждению же Шагена Арутюняна, он сказал: «Арестованы якобы за осуществление взрыва в московском метро», подчеркнув слово «якобы», поскольку точно знать он не мог и судил лишь по неуточненной информации, которую получил из различных источников.

Через несколько дней после распространения этого сообщения, утром, выходя из своего дома, был арестован и доставлен в участок милиции столичного района Орджоникидзе (ныне Эребуни) Шаген Арутюнян. Ему инкриминировали хулиганство (по 222-й статье УК Армянской ССР). По этому обвинению он был приговорен к трем годам лишения свободы. После оглашения приговора Арутюняна перевели в Лефортово – в изолятор московского КГБ, в котором он провел 5 месяцев. Шагену Арутюняну представили стенограмму его телефонной беседы из Еревана с иностранными журналистами, состоявшейся 2 декабря, которую тайно прослушивал и записывал КГБ. Чекисты пытались выяснить, откуда Арутюнян мог получить информацию о том, что Затикян, Степанян и Багдасарян арестованы за взрыв в метро, если не знал о взрыве заранее. В ответ Шаген Арутюнян пояснил, что достоверной информации у него не было, - сведения он черпал из

различных случайных источников, а также – от некоей незнакомки, которая сообщила ему о случившемся, представившись соседкой Степана Затикиана, и именно поэтому в своем сообщении он использовал слово «якобы». Через пять месяцев, поняв, что увязать Шагена Арутюняна со взрывом в метро никоим образом не удастся, его отправили обратно в Армению, где он продолжил отбывать срок за фальшивое обвинение в хулиганстве. Вышел на свободу в 1981 году. После освобождения он продолжает сотрудничать с армянскими и советскими диссидентами, участвует в деятельности Хельсинкской группы Армении. В 1985 году КГБ поставил Шагена Арутюняна перед выбором: либо новый арест, либо эмиграция. Вынужденно он уезжает в США. В 1986 году Президиум Верховного Совета СССР лишает его гражданства СССР.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

865 О лишении гражданства СССР Арутюняна Ш. А.

Учитывая, что Арутюнян Ш. А. занимается враждебной Союзу ССР деятельностью, не совместимой с принадлежностью к гражданству СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 18 Закона СССР «О гражданстве СССР» за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу Советского Союза, лишить гражданства СССР Арутюняна Шагена Арутюновича, 1937 года рождения, уроженца гор. Еревана, проживающего в США.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. ГРОМЫКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Г. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль, 29 сентября 1986 г.
№ 5813—XI.

Постановление о лишении гражданства СССР Шагена Арутюняна

В Америке Шаген Арутюнян организует Комитет по защите армянских политзаключенных и издает газету под названием «Еркунк» («Родовые муки»). В настоящее время живет в США.

Весной 1978 года в Лефортовском следственном изоляторе КГБ, где Арутюнян Шаген содержался около 6 месяцев, ему был предъявлен «вопросник» из 29 вопросов. Судя по ним в КГБ много знали о деятельности Арутюняна, о Хельсинкской группе, о Национальной объединённой партии (НОП), о взаимоотношениях диссидентов. Однако, некоторые вопросы наводят на мысль, что сведения, поступаемые в КГБ, были не всегда верны. Например, Овик Василян никогда не являлся членом НОП, он был руководителем группы «Во имя родины» (пункт 7) или в 9-м пункте утверждают, что Шаген Арутюнян разработал анкету члена НОП в 1976 году, тогда как анкета члена НОП была разработана в 1966 -м. И вообще, ни одна анкета члена НОП не оказалась в руках КГБ.

Ниже «Вопросник»:

1. *Когда встал на путь антисоветской деятельности (к моменту знакомства с Затикяном и Хачатряном был уже полностью антисоветским человеком)?*
2. *Создание НОП - это не детская забава, а сформировавшаяся антисоветская организация. Организаторы знали, что создают НОП (для борьбы с советской властью), действовали сознательно, знали, что за эту деятельность могут быть привлечены к уголовной ответственности. Предпринимали попытки к расширению организации, вовлечению в нее новых членов. У Затикяна Степана была группа лиц, находившихся под его влиянием. Кто они, конкретно, какую работу они выполняли? Какова была направленность Затикяна (что он говорил о терроризме еще в 1968г., с кем он отпечатал и распространил газету "Парос")?*
3. *Во время предварительного следствия, после его окончания, в суде и во время отбытия наказания Затикян неоднократно выступал с антисоветскими заявлениями. Очевидцем этого был Арутюнян Шаген. Какие конкретно задачи ста-*

вил перед собой Затикян Степан, чего он добивался, каким путем намеревался решить эти свои задачи?

- 4. Взаимоотношения Затикяна в лагере с Хачатряном Айказом, Остриковым Тимофеем, осужденными лицами армянской национальности, Вандакуровым. Какую цель преследовали организовавшиеся в лагерях чаепития армяны? Какие вопросы обсуждались на этих чаепитиях? Что Затикян Степан говорил о террористической деятельности, как к этому относились другие лица?*
- 5. Освобождение Затикяна из лагеря после отбытия наказания - изменил ли он свои взгляды, если нет, то в чем выразилась его деятельность? С кем он поддерживал дружеские отношения? В чем заключались его взаимоотношения с Хачатряном Айказом (общие взгляды на дальнейшую борьбу, были ли расхождения в вопросах о терроризме), стремление Затикяна приобрести оружие, взрывчатые вещества, каким образом, у кого? Какая террористическая организация существовала, кто в нее входил, какие задачи перед собой она ставила, какие конкретные действия она совершала?*
- 6. В чем заключалась деятельность НОП в 1974-77гг., какова была ее структура, кто ею руководил, какие задачи перед собой она ставила?*
- 7. Почему Арутюнян Шаген изменил направленность своей деятельности, оставаясь антисоветски настроенным человеком (ослабил связи с Затикяном, с Хачатряном поддерживал на прежнем уровне, был дружен с членами НОП Василянном Овиком, Татевосяном Акопджяном и другими, в то же время примкнул к Назаряну Роберту, Арутюняну Эдуарду и другим “хельсинкицам”)?*
- 8. Практически одновременно с Затикяном обратился с заявлением о выходе из советского гражданства. С какими за-*

явлениями конкретно и в какие органы советской власти и КПСС по этому поводу они обращались (писали ли заявление в Президиум Верховного Совета, ЦК КП Армении и другие инстанции), что конкретно указывали в этих заявлениях, каковы были основания для выхода из советского гражданства у Затикияна Степана, куда и с какой целью намеревался выехать из СССР?

9. Лично Арутюнян Шаген разработал в 1976г. анкету члена НОП. Что это за анкета, какие вопросы в ней имелись, с какой целью составлялись эти анкеты, у кого они хранились, сколько заполнено анкет было? Почему Арутюнян Шаген заявил, что Айрикян Паруйр по учетной анкете значился 74-м, кто были остальные 73 члена НОП?
10. Когда, кем и каким образом была создана “Хельсинкская группа”? Какие задачи она ставила перед собой (борьба с советской властью с легальных позиций)? О лояльности к советской власти речи быть не может, поскольку все ее члены настроены резко антисоветски, пожалуй, кроме Осяна Самвела. Какова была подготовительная работа по созданию “Хельсинкской группы”? Арутюнян утверждает, что он пассивно относился к ней. Однако это не так. Он является одним из инициаторов и активистов создания группы, правда, стремился действовать чужими руками - подталкивал других людей, сам оставался как бы в стороне.
11. Как Арутюнян Шаген относится к Айрикяну Паруйру, что знает о взаимоотношениях Паруйра с Назаряном Робертом? Каким образом, для какой цели он пытался подорвать доверие Назаряна к Айрикяну?
12. Какова практическая деятельность “Хельсинкской группы”, подготовка и распространение программных документов? Кто какие документы подготовил, как и где распространя-

- ли, какие меры предосторожности предпринимали, чтобы не провалиться? Каким образом размножали документы - кто печатал их, где хранились?
13. Какая антисоветская литература была у членов “Хельсинкской группы”, в том числе у Арутюняна, где ее приобретали, зачем, где хранили?
  14. Когда, с какой целью Арутюнян Шаген выезжал в Москву, какие документы, письма с собой привозил, от кого какие инструкции получал, как с документами поступил?
  15. Обращался ли в посольства иностранных государств в Москве, посещал ли их, задерживался ли в Москве, кем и почему, что объяснял при задержаниях? Что говорил о своих поездках в Москву окружающим?
  16. Какие письма и для кого Арутюнян Шаген получал от Арутюняна Эдуарда, что было в этих письмах, как он с ними поступил?
  17. Кого из московских “диссидентов” знает Арутюнян, каким образом и через кого с ними познакомился? В чем заключались его взаимоотношения с этими диссидентами?
  18. Кто и почему рекомендовал Шагену Арутюняну воздержаться от вступления в Хельсинкскую группу при ее создании? Каким образом и кому было объявлено о создании в Ереване Хельсинкской группы? Кто, где и кому передавал об этом заявления, кто выступил с устными заявлениями? Как информировали об этом остальных членов группы?
  19. Кого из иностранных корреспондентов в Москве знает Арутюнян Шаген, когда и с какой целью с ними познакомился, какие документы и какую информацию передавал им, каким образом?
  20. С какой целью приезжал в Москву 30 октября 1977г., и вместе с кем? На какой пресс-конференции выступил, что говорил в своем выступлении, кто присутствовал?

21. *Когда, от кого и что именно узнал Арутюнян Шаген об аресте Затикяна, Степаняна, Багдасаряна, что знал о Степаняне и Багдасаряне, когда с ними встречался, какие у них были отношения с Затикяном?*
22. *Как Арутюнян Шаген может охарактеризовать Сахарова, Григоренко и других московских диссидентов, что знает об их деятельности?*
23. *Какие взаимоотношения у Арутюняна Шагена с Сиротенко Еленой? Какие отношения у нее с армянскими диссидентами?*
24. *Как может охарактеризовать членов Ереванской Хельсинкской группы (Назаряна, Арутюняна Эдуарда, Осяна Самвела и др.)? Только не надо голословно заявлять, что они “преданные советской власти люди”. Свою “преданность” они неоднократно доказывали на деле.*
25. *После осуждения в январе 1978г. Арутюнян содержался в специзоляции МВД Арм. ССР. Кто с ним содержался, с кем он был в хороших отношениях? Сержик. Что говорил Сержику о взрывах 9 мая в Ереване (предстоящих), с какой целью, что сейчас фактически может сказать об этом? Кому и какие письма Арутюнян Шаген намеревался передать через Сержика? Что в них было написано? Почему отказался от этой мысли? Через кого из надзирателей изолятора и кому передавал эти письма, что уплатил за это? Что рассказал Сержику о своих взаимоотношениях с Затикяном, проведенных в Москве взрывах и поджогах, о своей деятельности в Хельсинкской группе? Что говорил Сержику о способах поджога помещений, взрывов автомашин, зданий и т.п.? О ком из своих друзей и что именно рассказывал, к кому направлял Сержика после освобождения?*
26. *После суда Арутюнян содержался в помещении суда под охраной милиционера Мусаева. Что ему рассказал о себе, сво-*

их друзьях, совершивших взрывы в Москве, о политических убеждениях?

- 27. Какую информацию об аресте Багдасаряна, Затикяна и Степаняна Арутюнян Шаген передал иностранным корреспондентам и с какой целью?*
- 28. Как сейчас Арутюнян Шаген относится к своим взглядам? Если возникнет необходимость ответить на те вопросы, которые сейчас ему не поставлены, - можно делать и это.*
- 29. В готовом виде ответ представить в понедельник - 24 апреля 1978г. Отвечать предельно правильно, точно и, самое главное, - искренно. От правдивости и искренности Арутюняна зависит его дальнейшая судьба. Если человек осознал свою антисоветскую деятельность, раскаялся в ней, то, следовательно, нет необходимости перевоспитывать его.*

Очередное сфабрикованное обвинение: Айказ Хачатрян

После взрыва в московском метро в январе 1977 года и в связи с этим ареста Степана Затикиана – одного из основателей Национальной объединенной партии, КГБ решил, что необходимо под любыми предлогами арестовать находящихся на свободе членов НОП, которые ранее были осуждены за подпольную деятельность. А отбывающих свои сроки в лагерях ни в коем случае не освобождать. Одной из ключевых жертв должен был стать

Айказ Хачатрян

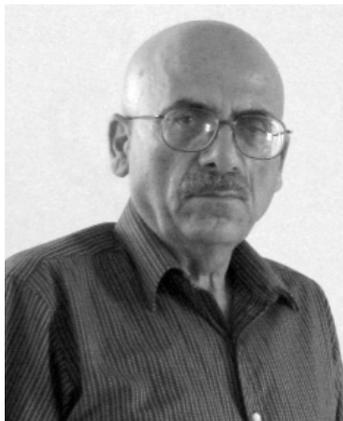
основатель НОП 60-летний Айказ Хачатрян. В результате провокации, организованной агентом Комитета государственной безопасности, в ноябре 1978 года Айказ Хачатрян был арестован и в декабре - по 222-й статье (хулиганство) и 149-й (умышленное уничтожение личной собственности граждан) статье УК АрмССР - осужден на 1,5 года лишения свободы. Важнейшая задача КГБ заключалась не только в том, чтобы вывезти Айказа Хачатряна как можно дальше от Армении, но и

подорвать его и без того шаткое здоровье с помощью специально предусмотренных жесточайших условий содержания в тюрьмах и бесконечно длящихся этапов. По расчетам чекистов, Айказ Хачатрян не должен был вернуться из зоны. Его отправили в Воркуту – в одну из самых суровых зон для уголовников, затем – в Сыктывкар, где специально для него создали особенно тяжелые условия. В результате здоровье Айказа Хачатряна было окончательно подорвано. В апреле 1980-го он вернулся в Армению парализо-

ванным и совершенно больным человеком. Здоровье больше не позволяло ему заниматься подпольной деятельностью. До самой своей смерти (27 сентября 1989 года) Айказ Хачатрян пользовался большим авторитетом среди инакомыслящих и политических заключенных, а представители НОП всегда относились к нему с особым почтением.

Мы уверены, настанет день, когда Айказ Хачатрян займет заслуженное место на страницах нашей современной истории.

Роберт Назарян: От «Клуба армянской культуры» до Хельсинкской группы

Роберт Назарян

Роберт Хачикович Назарян – родился в 1948 году в Ереване. Окончил физический факультет ЕГУ и Эчмиадзинскую духовную семинарию. Работал инженером-программистом. Был арестован 22 декабря 1977 года. Обвинение было предъявлено по признакам 1-й части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) УК АрмССР. Свою общественно-политическую деятельность Назарян начал, будучи студентом университета. В те годы он принимал участие в работах «Клуба

армянской культуры», неформально действующего в Ереванском государственном университете. Клуб посещали как студенты и преподаватели, так и ряд известных в те годы интеллектуалов. Но Назарян со своими взглядами и свободомыслием не вписывался даже в рамки «Клуба армянской культуры». Из-за активной деятельности в 1969 году он был исключен из комсомола, а в июне 1970 года собрание ректората приняло решение о его отчислении из университета «за грубое нарушение дисциплины и невыполнение решений деканата», что вызвало волну протеста среди студентов. Студенты направили письменные и устные жалобы как в администрацию университета, так и в высшие инстанции. В результате, во избежание негативных последствий, власти дали соответствующее распоряжение, и в октябре 1970 года ректорат принимает решение о восстановлении студента Назаряна в университете, но с объявлением ему выговора и предупреждения.

С конца 1976 года член НОП Шаген Арутюнян предпринимает действия по созданию Хельсинкской группы Армении. Он обращается к известным в те годы инакомыслящим представителям интеллигенции с предложением вступить в эту организацию. Назарян узнает об этом от одного из получивших упомянутое предложение диссидентов - известного лингвиста Эдмонда Аветяна. Он сразу же навещает Шагена Арутюняна и предлагает включить его в состав группы. Именно Назарян зачитывает декларацию Хельсинкской группы Армении в ходе состоявшейся в Москве в апреле 1977 года пресс-конференции. Изначально в группе состояли Роберт Назарян и Эдуард Арутюнян. Впоследствии - из-за задержания активных членов и привлечения новых людей, состав Армянской Хельсинкской группы изменился. Позже в неё вошел Амбарцум Хлгатян, затем Сирвард Авагян и Рафаэль Оганян. Правозащитная деятельность, которую Роберт Назарян осуществлял в 1976-1977 годах, и послужила основанием для его осуждения. До 1977 года он успевает проделать колоссальную работу. Публикует факты о нарушениях прав человека в Советской Армении, организует сбор средств для помощи семьям политических узников, выступает в защиту армянских политзаключенных, переправляет огромное количество самиздата из Москвы в Армению.

Первого декабря 1978 года, спустя год после ареста, состоялся суд по делу Назаряна. Его процесс в свое время был подробно освещен в «Хронике текущих событий» и в западных СМИ. Назарян был приговорен к пяти годам заключения и двум годам ссылки. Для отбытия наказания его отправили в Мордовию, в лагерь строгого режима для политзаключенных. За бунтарское поведение, проявленное в зоне, в октябре 1981 года режим его содержания ужесточают и переводят в Чистопольскую тюрьму, где он и отбывает весь оставшийся срок наказания. Затем его отправляют в ссылку в Красноярский край, в поселение Абан. После завершения срока возвращается в Армению. В настоящее время Назарян живет и работает в США.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ

27 октября 1981 года Zubovo-Полянский районный народный суд Мордовской АССР в составе

Председательствующего Мартышкина В. Н.

Народных заседателей Кошелевой В.Д. и Юркина Г.П.

при секретарей Семеновой Т.Т.

с участием прокурора Осипова Н.В.

в открытом судебном заседании, рассмотрев материал на осужденного НАЗАРЯНА РОБЕРТА ХАЧИКОВИЧА родившегося в г. Ереване в 1948 году, армянина, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, окончил Ереванский госуниверситет физический ф-т и Эчмиадзинскую духовную академию, женат, физический здоров. Отбывающего наказание по приговору судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР от 4/ХП - 1978 года по ст. 65 ч. I УК Армянской ССР к 5 годам л/свободы в ИТК строгого режима и на 2 года ссылки. Начало срока наказания с 22/ХП - 1977 года.

У С Т О Н О В И Л :

Назарян Р.Х. отбывая наказание, администрацией мест лишения свободы характеризуется крайне отрицательно, к труду относится не добросовестно. Находясь в следственном изоляторе КГБ Армянской ССР допускал нарушения режима содержания /л.д. 151 т.1/. Находясь в местах лишения свободы Дубравного УИТУ систематический и злобно нарушает режим содержания и трудовую дисциплину, за что неоднократно водворялся в ШМО и ПКТ. Всего допустил 42 нарушения.

Администрация ИТК-3 Дубравного УИТУ предоставило личное дело и ходатайство об изменении режима содержания с переводом Назаряна Р.Х. на тюремный режим на оставшийся срок наказания.

Рассмотрев ходатайство материалы личного дела, заслушав заключение прокурора, полагающего ходатайство удовлетворить, нарсуд считает необходимым Назаряна Р.Х. для дальнейшего отбывания наказания перевести на тюремный режим, т.к. все меры воспитательного характера, предусмотренные законом к нему исчерпаны и положительных результатов не дают, Назарян продолжает систематический нарушать установленный режим.

В силу изложенного и руководствуясь ст. 364 УПК РСФСР и ст. 53 ИТК РСФСР Zubovo-Полянский районсуд

О П Р Е Д Е Л И Л :

Назаряна Роберта Хачиковича для дальнейшего отбывания наказания перевести на тюремный режим на оставшийся срок один год один месяц двадцать пять дней.

Определение кассационному обжалованию не подлежит.

Председательствующий - подпись

Нарзаседатели - подписи

Копия верна: Пред-щий

**Определение судебного заседания о переводе
Роберта Назаряна на тюремный режим**

**«Дело метро»:
Степан Затикян, Акоп Степанян,
Завен Багдасарян.**

Восьмого января 1977 года в Москве прогремело три взрыва. Первая бомба взорвалась в 17:33 в вагоне метро, второй взрыв произошел в 18:05 в помещении магазина, находящегося неподалеку от здания КГБ СССР, а третий - в 18:10 возле другого магазина. Последние два взрыва не унесли жизни людей, но в результате взрыва в метро было ранено 37 человек и семь человек погибло. Затем, в конце октября того же года, была предпринята еще одна попытка взрыва – в зале ожидания московского Курского вокзала. Согласно КГБ СССР, взрыв на Курском вокзале не произошел лишь потому, что прохожий заметил сумку, которая, казалось, никому не принадлежала. Он открыл ее, увидел бомбу с часовым механизмом и сразу обратился к милиционерам. Однако, как на самом деле разворачивались события, неизвестно. Согласно упомянутому источнику, кроме бомбы, в сумке находились также спортивный костюм и шапка, благодаря которым якобы удалось выйти на след исполнителей. 28 октября 1977 года в поезде, следующем по маршруту Москва – Ереван, на границе между Арменией и Грузией по подозрению в осуществлении взрывов были арестованы Акоп Степанян и Завен Багдасарян, а 2 ноября в Ереване арестовали Степана Затикяна. Именно Затикяна советские власти представили в качестве организатора серии взрывов. В 1969 году член Национальной объединенной партии Степан Затикян вместе с соратниками Айказом Хачатряном и Шагеном Арутюняном был осужден на 4 года. После освобождения он возвратился в Армению и продолжал заниматься подпольной деятельностью.

Сразу после взрывов в Москве в западной прессе публикуется статья советского журналиста Виктора Луи (имеющего непосред-

ственное отношение к КГБ), в которой со ссылкой на официальные источники в СССР утверждается, что к взрыву имеют отношения диссиденты-правозащитники. Кстати, сама формулировка «диссиденты-правозащитники» принадлежит Виктору Луи. Надо обратить внимание на то, что на момент публикации статьи подозреваемых еще не было, они появились лишь спустя 9-10 месяцев после публикации. Логично предположить, что заранее обвинять «диссидентов-правозащитников» можно было только преднамеренно. Через три дня после взрыва – 11 декабря 1977 года, из передачи одной из зарубежных радиостанций о статье Виктора Луи узнает Андрей Сахаров. Было ясно, что, используя эти взрывы, советские власти попытаются представить советских диссидентов в качестве террористов. На следующий день, 12 января, Андрей Сахаров публикует статью под названием «Обращение к мировому сообществу», в которой в частности пишет: *«Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов. Именно это ощущение и связанные с ним опасения, что эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны, явились побудительной причиной для написания этой статьи. Я был бы очень рад, если бы мои мысли оказались неверными. Во всяком случае, я хотел бы надеяться, что уголовные преступления репрессивных органов — это не государственная, санкционированная свыше новая политика подавления и дискредитации инакомыслящих, создания против них «атмосферы народного гнева», а пока только преступная авантюра определенных кругов репрессивных органов, не способных к честной борьбе идей и рвущихся к власти и влиянию».*

А 14 января публикуется заявление Московской Хельсинкской группы, к которому присоединяются ряд других правозащитных

и диссидентских организаций. В нём говорится: *«Диссиденты в качестве средства достижения цели категорически отвергают насилие и призывы к насилию. Диссиденты к насилию относятся с негодованием и презрением».*

Несмотря на это и другие многочисленные заявления, озвученные в связи со взрывами в Москве, КГБ продолжает без каких-либо веских оснований допрашивать огромное количество политзаключенных, как отбывающих свои сроки на зоне, так и освободившихся.

Информацию об аресте Степана Затикяна, Завена Багдасаряна и Акопа Степаняна, подозреваемых в организации взрывов в московском метро, первой распространяет Хельсинкская группа Армении. «Хроника текущих событий» в своем 48-м выпуске пишет: *«Ереван. Как сообщила 28 ноября 1977г. Армянская группа «Хельсинки», в начале ноября по подозрению в попытке устроить взрыв на Курском вокзале в Москве были арестованы Акоп Степанян, Завен Багдасарян и Степан Затикян (Затикян несколько лет назад участвовал в национальном движении; см. также Хр.15, 27). Арестованные находятся в Ереванском КГБ. В Ереван прибыли сотрудники КГБ из Москвы. Идут обыски и допросы. О Затикяне, в частности, спрашивали в декабре на допросах по делу Р.Назаряна (см. «Репрессии против групп «Хельсинки»»).*

Арест Затикяна пытались представить как подтверждение версии советских властей, что за взрывом стоят диссиденты. Власти упорно игнорировали доказательства того, что Затикян не имеет отношение к взрывам. И в советском обществе, и в диссидентских кругах озвучивались вполне обоснованные предположения, что Степана Затикяна обвиняют преднамеренно, и делается это для того, чтобы доказать причастность советских диссидентов и правозащитников к этому взрыву. Предположения о невиновности Затикяна подкреплялись еще и тем обстоятельством, что предва-

рительное следствие, и особенно - судебное разбирательство, проводились в условиях повышенной секретности. Было бы логично полагать, что советские власти организуют открытый судебный процесс и представят террористов общественности, если бы, конечно, им нечего было скрывать и если бы они судили истинных организатора и исполнителей теракта. Несомненно, это было бы и лучшей пропагандой власти. Но вместо этого был организован секретный судебный процесс. О дате его проведения не сообщили даже родственникам обвиняемых. Соответственно, на процессе, проходившем в условиях строжайшей секретности, они не присутствовали. Как и все остальные, родственники узнали о суде и приговоре из сообщения, появившегося 24 января 1979 года. Приговор - высшая мера наказания, смертная казнь, был приведен в исполнение 29 января 1979 года - всего через 5 дней после оглашения. Такая поспешность, не оставившая возможности даже для апелляции, сейчас, как и тогда, вызывает сомнения в его справедливости. 31 января 1979 года газета «Известия» сообщает:

«В Верховном суде Союза ССР

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела в открытом заседании уголовное дело по обвинению особо опасного рецидивиста Затикяна С.С. и двух его сообщников в совершении в январе 1977 г. в вагоне московского метрополитена взрыва, повлекшего за собой человеческие жертвы. В ходе судебного разбирательства вина подсудимых полностью доказана показаниями свидетелей, заключением экспертизы и другими материалами дела. Затикян и его сообщники приговорены к исключительной мере наказания - смертной казни. Приговор приведен в исполнение».

30 января 1979 года, еще не будучи в курсе того, что приговор приведен в исполнение, академик Сахаров пишет письмо генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу, в котором требу-

ет отменить приговор - до нового судебного разбирательства. В частности, Сахаров пишет: «*Есть веские основания опасаться, что в этом деле имеет место судебная ошибка или умышленная фальсификация. Затикян не находился в Москве в момент взрыва в метро — много свидетелей могут подтвердить его алиби; следствие не проявило никакой заинтересованности в выяснении этого и других важных обстоятельств. Суд без всякой к тому необходимости был полностью закрытым и секретным, даже родственники ничего не знали о его проведении. Такой суд, на котором полностью нарушен принцип гласности, не может установить истину*».

Сообщение в газете Известия1

Чуть позже и Московская Хельсинкская группа выступила с заявлением о вопиющем нарушении принципов публичности: «*Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне... Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины обви-*

няемых, если только обвинение располагает такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников. Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основания сомневаться в обоснованности обвинения, в объективности и беспристрастности суда».

Следует подчеркнуть, что заявления, - как Московской Хельсинкской группы, так и других правозащитных групп, и отдельных диссидентов по данному делу, как правило, осуждали секретность проведения судебного процесса. Никто не делал четкого и однозначного заявления по поводу невиновности обвиняемых. Все требовали правосудия. Только открытый и справедливый суд мог доказать виновность или невиновность Затикиана и его друзей. Лишь при условии проведения публичного судебного процесса общественность имела бы возможность убедиться в том, что на скамье подсудимых сидят истинные виновники теракта. Только такой суд мог бы поставить точку в этом деле. Но советские власти не пожелали, не смогли или не осмелились на этот единственный разумный шаг. В результате сомнительного судебного разбирательства вопросы, возникшие в день взрывов, так и остались без ответа. Тот факт, что советские власти организовали и провели судебное разбирательство в столь засекреченных условиях и так поспешно привели приговор в исполнение, может лишь свидетельствовать о том, что обвиняемые либо были абсолютно невиновны, либо у суда не было убедительных доказательств их виновности.

Взрыв в московском метро впоследствии значительным образом повлиял на судьбы многих армянских диссидентов. Преследования в Армении усилились. После 1978 года результатом политических судебных процессов стали еще более суровые приговоры. Осуществлялись провокации в отношении вернувшихся из лагерей политических заключенных. Наиболее активных быв-

ших узников совести осуждали вновь по ложным обвинениям. Такая участь постигла Шагена Арутюняна, Айказа Хачатряна, Ширака Гюнашяна, руководителя Армянской Хельсинкской группы Эдуарда Арутюняна. В ссылке был вновь осужден по ложному обвинению Размик Маркосян. По окончании семилетнего срока, находясь еще в зоне, был вновь приговорен к трем годам лишения свободы Паруйр Айриkyан.

До 2005 года так и не прозвучало ни одного внятного и однозначного заявления о том, что Степан Затикян являлся инициатором взрыва в московском метро, а Акоп Степанян и Завен Багдасарян являлись исполнителями. На протяжении всей этой истории, не считая КГБ СССР и примыкающих к этой структуре инстанций и кругов, никто - ни в Армении, ни за ее пределами, так и не сделал однозначного заявления по поводу причастности к теракту осужденных в сомнительных обстоятельствах и казненных в 1979 году Затикяна, Степаняна и Багдасаряна. В 2005 году подобную мысль высказал бывший политзаключенный Овик Василян, который был осужден в 1969 году за издание журнала «Во имя Родины». Вместе с единомышленниками он опубликовал одноименный выпуск в 2005 году. В опубликованной там статье, посвященной 59-летию Степана Затикяна, Василян высказал свою точку зрения о взрыве в метро и о последовавших затем событиях. Считаю необходимым цитировать эту статью целиком.

Настанет время, когда и Затикяна назовут героем

12 июня исполнится 59 лет со дня рождения Степана Затикяна – армянского патриота, одного из преданных участников национального движения 1960-х годов. Редакция собирает и систематизирует воспоминания, фотографии и другие связанные с ним фактические материалы и будет благодарна за любую достоверную информацию.

Среди армянских подпольных национальных деятелей Степан Затикян уникален во многих отношениях. Во-первых, многие именно от него «заразились» национальными идеями. Во-вторых, до сих пор неизвестным остается место его захоронения. И, в-третьих, на его имени стоит ярлык «террорист». Существуют различные мнения по поводу причастности Затикяна к известному взрыву в московском метро, но сколь бы противоречивыми они ни были, они не могут отменить тот факт, что жил, боролся и погиб он ради родины и во имя решения Армянского вопроса. Мы выступаем за смелое изложение истины, какой бы она ни была - такой подход позволит нам дать достойную оценку его деятельности.

До этого взрыва мы со Степаном Затикяном и Акопом провели ночь у костра на скалистом склоне лесистой горы Будур возле моего родного села Верин Агдам, которое находится в Иджеванском районе. Всю ночь я пытался его уговорить отказаться от мысли устроить взрыв метро: «Там - невинные люди, раз уж решили взрывать, так идите в Кремль».

- В Кремль не можем, - ответили они, - его охраняют.

Прогремел взрыв.

Акоп и неизвестный мне его соратник не вернулись. Позже мы узнали, что они были арестованы и доставлены с Кавказа в Москву, а еще через пару дней - Степан. Я ждал, что и меня вызовут на допрос, но этого не произошло, отчего я пришел к выводу, что на допросах говорил только меня не знавший и мне незнакомый участник. Если бы КГБ выяснил, что я был в курсе этого предприятия и не сообщил, куда следовало, то и меня бы расстреляли.

Овик Василян

«Во имя Родины»

7 июня – 6 июля, 2005г., N11 (31)

Степан Затибян

Акоп Степанян

Завен Багдасарян

Степан Сегбосович Затибян был одним из основателей Национальной объединенной партии. Впервые был арестован 11 июля 1968 года, а 9 января 1969 года был осужден на 4 года лишения свободы. Был освобожден в июле 1972 года. Сразу после возвращения в Ереван он продолжил свою подпольную деятельность, занимался организацией новых структур НОП.

2 ноября 1977 года в Ереване сотрудники КГБ арестовали и обвинили его в организации взрыва в московском метро. 16-20 января 1979 года в условиях строгой секретности было проведено судебное разбирательство по этому делу. Весь судебный процесс по указанию Андропова, который в те годы являлся главой КГБ СССР, снимался на видеокамеру, однако до сих пор этот видеоматериал является конфиденциальным и недоступным для общественности документом. В Интернете можно найти лишь отдельные эпизоды, которые повторяются во всех снятых по заказу ФСБ России документальных фильмах об этом деле. Эти эпизоды содержат лишь вырванные из контекста цитаты, которые никоим образом не могут отобразить полную картину произошедшего - ни в плане организации или осуществления террористического акта, ни в плане расследования и судебного процесса, ни в плане

оценки степени причастности и личности самого обвиняемого. В одном из эпизодов Степан Затикян говорит: «Я уже неоднократно заявлял, что отказываюсь от вашего судилища и ни в каких адвокатах не нуждаюсь. Я сам являюсь обвинителем, а не обвиняемым. Вы не властны судить меня, поскольку жидо-российская империя не является правовым государством. Об этом нужно помнить твердо». В другом эпизоде он говорит: «... Поскольку от России Армении сегодня нет абсолютно никакой пользы, а у вас - есть. Так что если и будут проблемы, то они будут только у вас, а не у нас, потому что нам терять нечего». А затем добавляет: «Я хочу сказать несколько слов своим друзьям. Прощайте, братцы! Скажите людям, что это были последние слова Степана: мечь, мечь и еще раз мечь». Все эти фразы Затикян произносил в разные дни, поскольку на нем разная одежда в различных эпизодах.

24 января был вынесен смертный приговор. 27 января осужденным предоставляется возможность встретиться со своими родственниками. Во время свидания с родными Затикян говорит: «За все 15 месяцев я не сказал им ни единого слова». Из этого заявления и из его поведения в зале суда можно сделать вывод, что Степан Затикян не признал свою вину и показания не давал. 31 января 1979 года газета «Известия» сообщает о том, что 30 января (через 5 дней после вынесения приговора) смертный приговор приведен в исполнение, при этом упоминается только имя Степана Затикяна. Последнее обстоятельство породило слухи о том, что Акоп Степанян и Завен Багдасарян не были расстреляны и живы.

Акоп Вазгенович Степанян родился в 1949 году в Ереване. Он жил по соседству со Степаном Затикяном. Степанян подружился с Затикяном в 1972 году – после его освобождения и возвращения в Ереван. Через некоторое время он вступил в Национальную объединенную партию. 28 октября 1977 года Акоп Степанян был арестован в поезде Москва-Ереван на армяно-грузинской грани-

це и обвинен в осуществлении взрыва в московском метро 8 января 1977 года.

В Интернете можно найти однотипные документальные фильмы на эту тему, где есть небольшой эпизод с очной ставки Степана Затикяна и Акопа Степаняна. Из него очевидно, что Затикян на протяжении всего допроса молчит, а Акоп Степанян говорит. Речь его эмоциональна и сумбурна: «Если понадобится, то я взорву. Если кто-нибудь из нас выживет, а вы прольете кровь, то будут еще взрывы. Если вы будете стрелять, то стреляйте, но я говорю вам: мы будем жить. Вам же хуже будет, если мы выживем». Есть еще один эпизод с показаниями Акопа Степаняна, которые он дает в зале суда. Он рассказывает о том, где прогремели взрывы. «Один взрыв произошел на улице 25 Октября, другой – в метро, еще один – в магазине на той же улице». Затем он продолжает: «Я знал, что взорвалась бомба и будут жертвы». Несмотря на то что Акоп Степанян был приговорен к смертной казни и, судя по всему, был расстрелян через 5 дней после вынесения приговора - 30 января, факт заключается в том, что в официальном сообщении об исполнении приговора, имя Акопа Степаняна никоим образом не упоминается.

Завен Мелконович Багдасарян родился в 1948 году в Арташатском районе. По профессии был художником. 28 октября 1977 года был арестован в поезде Москва-Ереван на армяно-грузинской границе и обвинен в осуществлении взрыва в московском метро 8 января 1977 года. Поскольку разбирательство по этому делу велось в условиях строгой конфиденциальности и по сегодняшний день материалы предварительного следствия и судебного разбирательства, приговоры, вынесенные по делу, считаются документами высокой секретности и хранятся в архивах ФСБ России, то по данному делу мы вынуждены строить суждения, опираясь лишь на те обрывчатые и очевидным образом пресле-

дующие пропагандистские цели сведения, которые упомянутая структура предлагает на суд общественности.

Согласно противоречивым слухам и сообщениям, Завен Багдасарян в ходе предварительного следствия и суда признал свою вину и дал соответствующие показания. Что же происходило на самом деле, какое отношение имел Завен Багдасарян к Степану Затикяну, каким именно образом органы предварительного следствия получили от Завена Багдасаряна необходимые показания и получили ли они их на самом деле – все эти вопросы до сих пор не имеют однозначных ответов. В документальных фильмах о взрыве в московском метро очень мало говорится о Завене Багдасаряне. Всего несколько фраз, которые он произнес в зале суда. Он признает факт установления бомбы, однако, в отличие от Акопа Степаняна, который заявляет, что прекрасно осознавал, что в результате взрыва будут жертвы, Завен Багдасарян дает уклончивый ответ: «Договорились, установили, откуда мне знать - взорвется, не взорвется ...».

Завен Багдасарян вместе со Степаном Затикяном и Акопом Степаняном был приговорен к смертной казни, которая, согласно сообщению газеты «Известия», была приведена в исполнение 30 января 1979 года. Однако имя Багдасаряна в ней не упоминается.

Эдуард Арутюнян - Хельсинкская группа Армении

Эдуард Арутюнян

Правозащитник **Эдуард Арутюнян**, глава Хельсинкской группы Армении, был осужден дважды - в 1980 и 1983 годах. В отличие от приговоров, которые были вынесены в отношении других политзаключенных, приговоры в отношении Арутюняна хранятся не в архиве СНБ, а в архиве Судебного департамента. Вероятно, причина в том, что расследования в отношении некоторых людей, включая Эдуарда Арутюняна, по распоряжению Комитета госу-

дарственной безопасности, проводились не следственной службой КГБ, а прокуратурой или другим следственным органом и в КГБ документация не велась, поэтому после оглашения приговоров отправлялись на хранение в архив этой же структуры. Возможно, были и другие причины, но это уже не столь существенно. Такая же история и со вторым приговором в отношении Ширака Гюнашяна, который нам также удалось без труда получить из архива Судебного департамента. Оттуда получить приговор было намного проще. В отличие от СНБ, там никаких искусственных или надуманных препятствий нам не чинили. Приговоры, которые были получены нами из этого архива, были рукописными и зачастую были трудно читаемыми, особенно первый приговор по делу Эдуарда Арутюняна. В архиве Судебного департамента также хранятся приговоры, вынесенные по делам людей, которые в результате своей политической деятельности были по распоряжению КГБ осуждены по уголовным статьям на основании

ложных и сфабрикованных обвинений. Предварительные расследования по этим сфабрикованным делам были проведены районными отделениями милиции или районной прокуратурой, и, соответственно, приговоры по этим делам находятся сегодня в территориальных архивах, которые все еще находятся на стадии систематизации материалов, и найти там искомое очень сложно. В этом отношении наиболее упорядоченным является архив Верховного суда, ибо там документы хранятся в надлежащем порядке. Именно из этого архива нам и удалось с легкостью получить приговоры по делу Эдуарда Арутюняна.

Эдуард Багратович Арутюнян - родился в 1926 году в селе Талыш Мартакертского района Нагорного Карабаха. Окончил Бакинский институт народного хозяйства. Работал в Ереване. В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию и получил степень кандидата экономических наук. Несмотря на то, что вырос в семье убежденных коммунистов, придерживался подчеркнуто свободлюбивых взглядов. Изначально его вольнодумство не противоречило основным тезисам коммунистической идеологии. Арутюнян был убежден, что царящая в советском обществе несправедливость чужда коммунистической идеологии и что виновниками этой несправедливости являлись лишь отдельные личности, а не общественный строй и система. В 1967 году его увольняют с работы именно за вольнодумство. Его статьи не допускают к публикации, а найти соответствующую работу не представляется возможным. В его жизни наступает многолетний период преследований. Столкнувшись с этой стороной советской реальности, Эдуард Арутюнян осознал, что с ней необходимо бороться. В 1972 году он проникает на территорию посольства Великобритании в Москве и пытается передать сотрудникам посольства свои статьи. Его задерживают и отправляют в психиатрическую больницу. Освобождают Арутюняна только после угрозы его матери

совершить акт самоожжения непосредственно возле мавзолея Ленина.

В 1977 году создается Хельсинкская группа Армении (ХГА). Арутюнян становится её руководителем. Он сам пишет декларацию группы и самоотверженно посвящает себя тяжелейшей в Советском Союзе миссии правозащитника. В декабре 1977 года арестовывают члена ХГА Роберта Назаряна, а спустя несколько месяцев – Шагена Арутюняна. Эдуард Арутюнян продолжает выступать от имени ХГА со своими новыми единомышленниками - Самвелом Осяном, Рафаэлем Оганяном, Сирвард Авагян, Амбарцумом Хлгатыном и другими.

В июле 1979 года его арестовывают и обвиняют по первой части 206¹ статьи (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). В марте 1980 года Арутюняна осуждают на 2 года и 6 месяцев заключения. Для отбытия срока наказания его отправляют в Сибирь. В январе 1982 года он возвращается из зоны и, несмотря на подорванное здоровье, немедленно возобновляет правозащитную деятельность. Через десять месяцев после освобождения - в ноябре 1982 года – его арестовывают во второй раз.

Скончался Эдуард Арутюнян в 1984 году в возрасте 58 лет.

Арсен Казарян

Арсен Казарян

Арсен Айказович Казарян – родился в 1952 году в Ереване. Общался с членами Национальной объединенной партии - Шагеном Арутюняном и Марзпетом Арутюняном. Именно Арсен Казарян переправил в Москву информацию об аресте и судебном процессе по делу Шагена Арутюняна и члена Хельсинкской группы Армении Роберта Назаряна. Благодаря ему члены Союза армянской молодежи (САМ) Вардан Арутюнян и Ишхан

Мкртчян познакомились с Марзпетом Арутюняном и вступили в САМ. Арсен Казарян лично подпольной деятельностью не занимался. В то же время он не скрывал своих взглядов и открыто выражал свое мнение по поводу Страны Советов и царящих в ней порядков. Он часто посещал парк им. 26 Комиссаров (парк, прилегающий к Академическому театру им. Сундукяна, сегодня-Английский парк), где в те годы собирались люди самых разных возрастов и призваний и обсуждали животрепещущие темы – в том числе, политические. Казарян часто выступал перед собравшимися и выражал свою точку зрения по поводу советской действительности. Был арестован в августе 1980 года. Обвинялся по 69-й (нарушение национального и расового равноправия) и по первой части 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) статьям УК Арм ССР. Уголовное дело против него было возбуждено исключительно на основании заявлений агентов КГБ

и показаний, которые они давали в ходе суда и предварительного следствия. На этом же основании был вынесен и приговор. Казарян был осужден на 2 года лишения свободы. Срок отбывал в Новосибирске, в лагере для уголовных преступников. Он был освобожден в 1982 году и до горбачевской перестройки находился под наблюдением КГБ. В настоящее время живет и работает в Ереване.

Из рассказа Арсена Казаряна

24 мая 1980 года возле нашего дома остановилась «Волга» - ГАЗ-24. Из машины вышли пять человек, сотрудники КГБ, зашли в наш дом и начали обыск, длившийся четыре часа. Ничего не найдя, они увезли меня в Комитет государственной безопасности и начали допрашивать. За год до этого – в феврале 1979 года, меня привели в их контору, которая находилась возле парка им. 26 Комиссаров. Тогда они проверили мои карманы, забрали мои документы, записную книжку и статью – письмо Раввина Баруха Карлу Марксу, меня допросили, после чего сказали, что я могу идти. На следующий день я пошел в ту же контору и забрал свои документы и записную книжку. В ней было много адресов и телефонов, в том числе московских диссидентов — Андрея Сахарова, Елены Сиротенко и нескольких иностранных корреспондентов. Все это уже тогда было запротоколировано. Теперь же, в мае 1980 года, меня допрашивали о том, что произошло в феврале 1979 года. Особенно их интересовало, как и при каких обстоятельствах я познакомился с Еленой Сиротенко. На протяжении трех дней меня постоянно вызывали на допрос. На третий день, перед тем как меня отпустить, они предупредили, чтобы я не ходил в парк им. 26 Комиссаров и не участвовал там в ежедневных дискуссиях. А я, естественно, продолжал жить, как прежде, и посещал упомянутый парк. 16 августа я получил повестку из районной про-

куратуры. Но я пошел туда не в тот день, который был указан в повестке, а через несколько дней - 22 августа. В тот же день меня арестовали и отправили в Ереванскую тюрьму. Мне были предъявлены обвинения по статьям 69 и 206¹, а именно: разжигание межнациональной розни и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Все обвинение было основано на показаниях их же агентов, посещавших парк им. 26 Комиссаров. Пятеро неизвестных мне молодых людей обратились в органы государственной безопасности с донесением о том, что якобы, в ходе своих выступлений в парке, я позволил себе распространять клевету, порочащую Советы и плохо отзывался о русских. Эти пятеро дали требуемые показания как во время очной ставки, так и в ходе судебного процесса. Некоторые из них не могли смотреть мне в глаза, им было стыдно, но все же продолжали настаивать на своем. Наверное, у них не было другого выхода. А некоторые, наоборот, отличались особым рвением. Так называемое судебное заседание напоминало фарс. Сначала в зал вошел судья с присяжными, секретарь объявил: встать, суд идет. Я, естественно, продолжал сидеть. Продолжая сидеть, я обернулся и взглянул на совершенно - на все сто процентов - пустой зал. Никого там не было. Даже моим родственникам не сообщили о том, что меня судят. Кто же должен был встать, при появлении суда - так и осталось загадкой. Затем они представили моего адвоката, от которого я, однако, отказался, но тот продолжал находиться в зале. Он, правда, ни в чем не участвовал, но было зафиксировано, что адвокат существует. Я отказался от участия в судебном расследовании. Сидел в зале суда, но не отвечал на вопросы. Так называемое судебное расследование продлилось два дня.

Меня осудили на два года и по этапу, который длился месяц, отправили в Новосибирск – в колонию для уголовников. Я там был единственным политзеком. Зная, кем я являюсь, и зеки, и со-

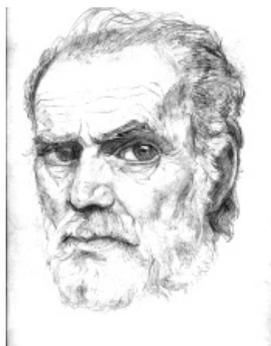
трудники зоны относились ко мне с подчеркнутым уважением. За исключением начальника колонии и его заместителя по политчасти, все обращались ко мне на «вы».

Примерно за три месяца до окончания срока, ко мне явился сотрудник КГБ из Армении. Мы долго говорили о моем будущем, моих взглядах, дальнейших планах, затем он ушел. Во время освобождения меня снова этапом доставили в Ереван и поместили в Советашенский следственный изолятор. Фактически меня арестовали в Ереване и освободили в Ереване. Когда я вышел из изолятора, во дворе меня встретил тот самый чекист, который навещал меня в зоне. Он был на машине. Предложил подвезти домой. Я отказался, сказав, что было бы неплохо, если бы он довез меня до города, а уж домой я дойду сам. Он не возражал и довез меня до вокзала. Оттуда, прямо в одежде зека, я первым делом отправился в парк им. 26 Комиссаров и лишь затем пошел домой.

С первого дня моей свободы и до самого распада Советов, этот чекист встречался со мной каждую неделю. Он фактически был моим куратором. Формально административного надзора надо мной так и не установили, но я был обязан встречаться с ним раз в неделю. В тех коллективах, в которых я работал, сотрудников часто вызывали в КГБ и расспрашивали обо мне. Многие были напуганы. Люди писали заявления, чтобы меня выдворили из коллектива. Мое положение особенно усугубилось в 1983 году – с приходом к власти в СССР Юрия Андропова. Более или менее «приемлемым» человеком я стал лишь во время горбачевской перестройки. В период перестройки двери парткома фабрики «Гарун» («Весна»), где я работал, всегда были для меня открыты. Если прежде в этом кабинете меня всячески поносили, то теперь я был там желанным собеседником. А парткомом нашим была Джемма Акопян, которая является бессменным руководителем управления по вопросам помилования, гражданства, наград и званий администрации всех трёх президентов независимой Армении.

Александр Манучарян, Ашот Апилян, Смбат Мелконян

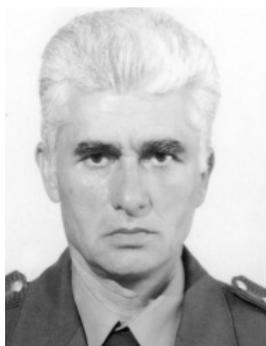
Это дело было возбуждено в мае 1980 года в отношении членов студенческого кружка, который действовал в стенах Ереванского педагогического университета (в те годы – института) им. Хачатура Абовяна⁶¹. Кружок был довольно большой. В течение 1978-1980 гг. его члены распространяли многочисленные листовки на армянском и русском языках. Кроме листовок, они распространяли брошюры «Слово о нации», «Империализм» (на русском языке) и «Национальное право». Автором этих материалов являлся преподаватель того же института – Александр Манучарян.

*Александр Манучарян
автопортрет*

Ашот Апилян

Смбат Мелконян

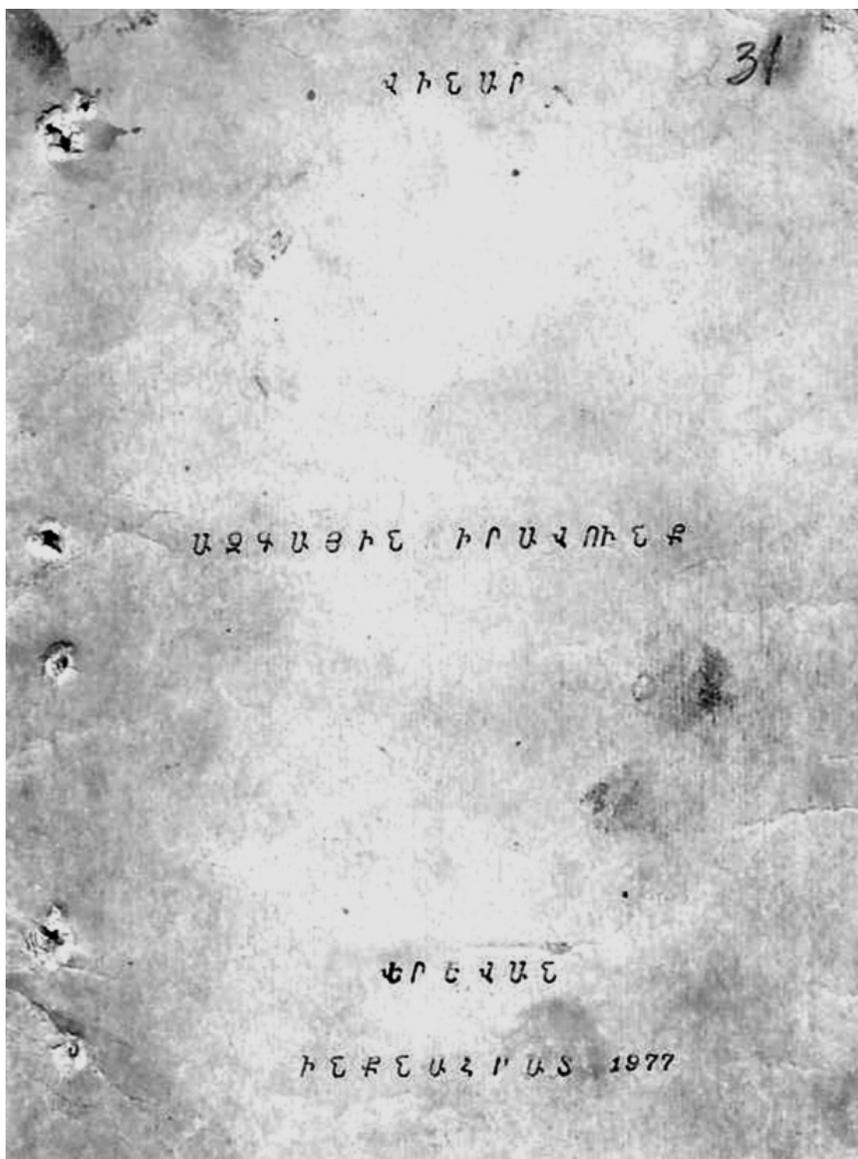
Александр Арамович Манучарян - родился в 1929 году в Ереване. Окончил исторический факультет ЕГУ. Позже защитил диссертацию и получил степень кандидата наук. Параллельно преподавал в разных университетах Еревана. Является автором ряда научных статей и монографий. Его отец был жертвой сталинских репрессий и это обстоятельство в значительной степени оказало влияние на дальнейшие шаги и мировоззрение Манучаряна.

С середины 1970-х он начинает записывать свои размышления о положении армянского народа, политике, советской действительности под общим названием «Азгапатум» («Слово о нации»). Затем на русском языке пишет статью «Империализм». И «Империализм», и «Слово о нации», и последняя часть этой работы под названием «Национальное право» в виде отдельных самиздатских брошюр широко распространялись в то время в диссидентских кругах. В 1979 году «Империализм» был также распространён в Польше, куда Александра Манучаряна пригласили для участия в научной конференции, посвященной армянской культуре. Изданием и тиражированием его работ, кроме него самого, занимался действующий в том же педагогическом институте студенческий кружок, руководимый Ашотом Апикианым. Сам Манучарян активно общался и сотрудничал со многими армянскими диссидентами и бывшими политзаключенными. Их личности – несмотря на все приложенные усилия – органам предварительного следствия выявить так и не удалось, потому что Манучарян хранил упорное молчание. Ему было предъявлено обвинение по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК АрмССР.

На начальном этапе предварительного следствия Манучарян заявил, что не имеет отношения к представленному самиздату и потому не даст никаких показаний. Свои произведения Манучарян подписывал псевдонимом «Винар», расшифровать значение которого, сотрудникам КГБ никоим образом не удавалось. И лишь по окончании предварительного следствия Манучарян добровольно дал им ключ к расшифровке: «Винар», представлял собой анаграмму из армянских названий избранных им специализаций - «литография», «живопись», «искусство».

Из-за ареста Александра Манучаряна здоровье его и без того страдающей недугом жены резко ухудшилось, и ее перевели в психиатрическую больницу, а двое малолетних детей остались без опеки родителей. Манучарян принял отчаянное решение – признать свою вину, чтобы избежать назначения максимального срока наказания, предусмотренного статьей и получить возможность поскорее вернуться к своим детям. Все показания, данные Манучаряном в тот период, касаются исключительно его лично. В ходе предварительного следствия и во время судебного разбирательства он не назвал ни одной неизвестной органам фамилии, хотя общался и сотрудничал с такими людьми, которых КГБ арестовал бы с большим удовольствием. Так, например, остались неизвестными женщина по имени Шогик, члены подпольной группы «Во имя Родины» и другие действующие в тот период диссиденты и правозащитники, с которыми он взаимодействовал. Манучаряна приговорили к 4 годам заключения и двум годам ссылки. Срок он отбывал в Перми, в лагере строгого режима для политических заключенных, а ссылку – в Каракалпакии. После отбывания наказания и возвращения в Армению в 1986 году ему не позволили вернуться к преподавательской деятельности. Он был вынужден довольствоваться любой случайной работой. Лишь в 1988 году его пригласили на работу в Ереванский политехнический институт.

В 1990 году Манучарян был избран в Верховный Совет РА. Параллельно он продолжал преподавать и защитил докторскую диссертацию. Скончался в Ереване 19 декабря 2001 года. Из его монографий можно выделить: «Первоисточники IV-XI веков об армянской архитектуре» (1976 год), первый том «Всемирной истории изобразительного искусства» под названием «Первобытная культура» (1999 год) и изданный уже посмертно в 2014 году второй том – «Месопотамия - Египет».

А. Манучарян брошюра «Национальное право»

ИМПЕРИАЛИЗМ

Самиздат
Ереван 1979г

А. Манучарян брошюра «Империализм»

Ашот Арутюнович Апикян – родился в 1958 году в Ереване. Во время учебы в Ереванском педагогическом институте в 1978 году вместе со своими друзьями – студентами организовал студенческую группу, занимающуюся изготовлением и распространением листовок. Под руководством Апикяна группа инициировала издание и распространение работ преподавателя Педагогического института Александра Манучаряна «Слово о нации», отдельной брошюрой - «Национальное право» и написанный на русском языке «Империализм». До 1980 года, когда против него было возбуждено уголовное дело, Апикян работал школьным учителем в селе Чочкан Туманянского района. После возбуждения уголовного дела его не арестовали, ограничились подпиской о невыезде. Он обвинялся по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда), 67-й статье (организованные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) и по второй части 86-й статьи (хищение государственного или общественного имущества путем кражи). Был приговорен к двум годам ссылки, которую провел в Воркуте. После ссылки вернулся в Армению. С 1997 по 1999 год являлся членом Ереванского городского совета. В 1996 году работал в мэрии Еревана. В 1999 году Апикян был назначен советником мэра Еревана и начальником отдела образования. С 2001 года не работает. Живет в Ереване.

Смбат Батикович Мелконян - родился в 1956 году в Аштараке. Учился в Ереванском государственном институте русского и иностранных языков и литературы им. В. Брюсова. В студенческие годы – в 1978 году, занимался распространением листовок в своём институте. В связи с этим был вызван в Комитет госбезопасности и предупрежден. В тот же период создал подпольную организацию «Армянский национальный союз» (АНС). Вскоре установил связь с Союзом армянской молодежи (САМ), а затем – со студен-

ческим кружком пединститута, руководителем которого являлся Ашот Апилян. В ходе предварительного следствия Мелконян арестован не был. Обвинялся по первой части 65-й, и по 67-й статьям УК АрмССР. Был осужден на два года ссылки, которую провел в Тюменской области. После освобождения работал учителем немецкого языка в селе Дзорап Аштаракского района. С 1991 года служил в армии РА. Имел боевые ранения. В 2006 году Мелконян вышел в отставку в должности майора. Скончался в 2013 году.

Воспоминания сына Александра Манучаряна – Акопа

13 мая 1980 года было уже поздно, а отца все еще не было дома. Мы волновались - он, как правило, настолько не задерживался на работе. Домой он пришел около десяти вечера, когда нас с братом Арамом уже уложили спать. Мне тогда было десять лет, а Араму – одиннадцать. В тот день я впервые услышал слово «понятой». Дело в том, что отец пришёл не один, а с целой группой людей. Я до сих пор помню их лица! А явились они для обыска! Он длился несколько часов, и я все думал: что же они будут делать с нашей громадной библиотекой? Неужели разнесут все книжные полки, которые тянулись от пола до самого потолка? После обыска эти люди ушли, сказав, что завтра в 10 утра отец должен явиться в Комитет государственной безопасности. На следующее утро отец поехал к ним на общественном транспорте. Начался поток визитов родственников. Что-то из того, что происходило в доме, мы с братом понимали, что-то – нет, но в целом через пару дней мы поняли, что папу забрали.

Мать болела. После ареста папы, наша тетя - мамина сестра, пожертвовав личной жизнью, посвятила себя нам. Она заботилась о нас, решала все наши проблемы, носила папе передачи. В течение предварительного следствия нам разрешили одно сви-

дание с ним. Еще раз мы встретились с ним во время перерыва в ходе судебного заседания. Через четыре года папу отправили в ссылку. Мы уже могли навещать его. Я хорошо запомнил наше долгое путешествие. Мы сменили три самолета. Я помню даже запах самолета. Это такой специфический среднеазиатский аромат. Последний аэропорт состоял из единственной взлетно-посадочной полосы и единственной «будки». Сельские дома находились на километровом расстоянии друг от друга. Вдоль всей деревни текла река. В ней сельчане и сами купались, и мыли своих овец, и стирали в ней, и использовали эту воду в бытовых целях, и пили ее. В нескольких километрах от деревни был колодец, которым, наверное, пользовались только мы. Когда воды не было, мы пили березовый сок, который продавался в трехлитровых стеклянных банках. Он был очень вкусный.

Тетю нашу звали Регина. Как-то раз она послала отцу телеграмму. Начальник местной службы госбезопасности вызвал к себе отца и выразил свое возмущение: «Что же это такое, телеграммы от Рейгана получаешь?!». Видно, на почте ошиблись и вместо «Регина» напечатали «Рейган».

Во время сбора урожая хлопка секретарь окружного комитета компартии лично сгонял всех сельчан от мала до велика в поле, где они работали за порцию обеда. Условия, которые предоставили моему отцу для проживания, были вполне типичными для той местности. Небольшое кишачье клопами помещение в полуразвалившемся здании, в котором были две-три кровати и один стол. Папа любил рассказывать: «Если по сельской улице пройдет какой-нибудь мальчик, то на него никто особого внимания не обратит. Не привлечет к себе особого внимания и девочка, идущая по улице. Но если вдруг по этой улице «прошествует» корова, то сельчане непременно многозначительно отметят: «Корова такого-то идет. До чего ж хорошая корова!»

Стоит упомянуть и о сельском магазине, который, как правило, был закрыт, хоть и был до отказа забит разнообразными дефицитными товарами, которые в Советском Союзе попросту не продавались. Если в больших городах Советского Союза магазины пустовали, то здесь – в «сельпо», было все. Начиная с французских духов, разной одежды и заканчивая видеоманитофонами. А в те годы видеоманитфон был чем-то вроде летающей тарелки. Уезжая от отца, мы намеревались сделать кое-какие покупки, но магазин был постоянно закрыт. Когда же нам удалось разыскать управляющего и попросить его открыть магазин, он очень удивился. Этим магазином, в котором не продавались продукты, фактически никто не пользовался. К великому удивлению управляющего, мы сделали покупки, затем попрощались с отцом и вернулись в Ереван.

Отец вернулся 24 апреля 1986 года. Мы знали, что он скоро придет, но не знали, в какой именно день. Так что приезд его был неожиданностью, тем более, что это случилось 24 апреля (*день памяти жертв Геноцида – В.А.*). Но к моменту возвращения отца времена уже были другими. Страх, который сковывал людей, постепенно начал ослабевать. Если после ареста отца в наш дом приходили далеко не все родственники и друзья, а часть наших посетителей навещали нас тайно, то после его освобождения стали приходить все. Были и те, кто приходил к нам и раньше, когда отец отбывал срок, и те, кто ни разу нас не навестил, и те, кто навещал нас тайно – по ночам или ранним утром.

Но, несмотря на перемены, КГБ оставался прежним. Едва ли не ежедневно к нам заявлялись чекисты и предъявляли какие-то несусветные требования или ставили какие-то условия. Эти указания и требования либо касались нас с братом, мол, мы позволили себе какие-то высказывания в школе, либо моего отца, мол, не делай это, не говори то и так далее. В общем, по мелочам досажда-

ли, всячески нарушая наше спокойствие. В тот период в нашем доме их нежелательное присутствие было перманентным. Моему отцу так и не позволили работать по специальности ни в одном институте. Женщина по имени Софик, которая работала в Союзе писателей и была однокурсницей отца, предложила ему заняться переводами- непостоянная работа, но хоть что-то.

Лишь в 1988-м, когда стало понятно, что Страна Советов приближается к своему концу, Вараздат Арутюнян – завкафедрой архитектурного факультета Политехнического института, встретив моего отца на улице, сказал: «Мне кажется, ты уже можешь приходить на работу». И мой отец вновь занялся преподаванием.

Союз армянской молодежи:

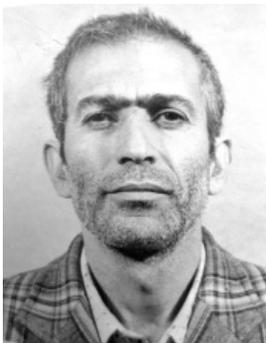
**Марзпет Арутюнян, Ишхан Мкртчян, Вардан
Арутюнян, Самвел Егиазарян, Оганнес Агабабян**

Союз армянской молодежи представлял собой молодежную структуру Национальной объединенной партии, которую сформировал один из старейших членов НОП Марзпет Арутюнян. Основанная в 1978 году, а в 1979-м уже активно действующая организация стала стремительно расширяться и пополнять ряды новыми представителями. К концу 1979 года в состав САМ уже входили другие группы – «пятерки». «Пятерками» группы назывались условно, поскольку каждая из этих групп могла состоять из четырех, шести или даже семи человек. Основная идея заключалась в том, чтобы каждый член группы знал как можно меньше людей из других групп или вовсе не знал. Это главнейший принцип любой подпольной организации. Наряду с повседневной деятельностью, организация постоянно набирала новых членов и создавала новые структуры. Организация имела программу, устав, присягу и особые правила безопасности. Программа САМ предусматривала создание независимой Армении, в то же время она была крайне антисоветской и антикоммунистической. Согласно внутриорганизационным правилам, документы САМ считались строго секретными и ни в коем случае не должны были попасть в руки органов госбезопасности. К чести членов САМ следует отметить, что все усилия КГБ получить эти материалы оказались тщетными.

Организация состояла из молодых людей. Основателю САМ – Марзпету Арутюняну – было 40 лет, он не был членом САМ, но являлся её координатором и идейным вдохновителем. Самым взрослым членам САМ – Ованнесу Агабабяну и Ишхану Мкртчяну, на момент ареста было по 23 года, Самвелу Егиазаряну – 22, а

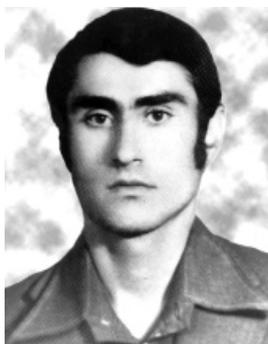
Марзпет Арутюнян

*Марзпет Арутюнян
фото из уг. дела*

Оганнес Агабабян

Ишхан Мкртчян

Вардан Арутюнян

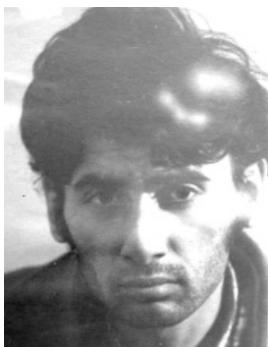
Самвел Егиазарян

*Ишхан Мкртчян
фото из уг. дела*

*Вардан Арутюнян
фото из уг. дела*

*Самвел Егиазарян
фото из уг. дела*

самому молодому - Вардану Арутюняну – всего 19 лет. Молодость в данном случае являлась решающим фактором. Организация отличалась особым, присущим молодежи максимализмом.

Аресты членов САМ начались во второй половине мая 1980 года. Последним из пяти арестованных был Вардан Арутюнян. Основная задача арестованных членов САМ заключалась в том, чтобы не допустить новых арестов. К их чести следует отметить, что, хотя в ходе предварительного следствия была раскрыта действовавшая в Артикском районе одна из подгрупп организации, других задержанных по данному делу не было.

Марзпет Арутюнович Арутюнян - родился в 1940 году в Ереване. Он является братом одного из основателей Национальной объединенной партии (НОП) Шагена Арутюняна. Подпольной деятельностью начал заниматься с 1960-х годов. С 1967 года являлся членом Национальной объединенной партии. В 1969 году, в ходе предварительного следствия и во время судебного процесса, допрашивался в качестве свидетеля по делу группы «Во имя Родины», затем был арестован по делу НОП. Но вместо осуждения и лагерей, Комитет госбезопасности решил отправить его в психиатрическую больницу. После выхода оттуда, Марзпет Арутюнян продолжил свою деятельность. В 1976 году он помогал брату – Шагену Арутюняну, в деле создания Армянской хельсинкской группы. В 1978 году основал молодежную структуру НОП – Союз армянской молодежи (САМ). 1 июня 1980 года его забирают в отделение милиции Орджоникидзевского района (Эребуни) Еревана. и заявляют, что он якобы распространяет наркотики. За неимением существенных доказательств, в ожидании, когда удастся добыть доказательства по статье «антисоветская деятельность», КГБ прибегает к такому способу изоляции Марзпета Арутюняна. По этому сфабрикованному делу, а именно, по 3-й части 229-й статьи УК АрмССР (незаконное изготовление, приобретение, владе-

ние, использование, сбыт или продажа наркотических средств), 1 августа 1980 года Марзпета осуждают на 2 года лишения свободы. Выступая в зале суда с обвинительной речью, прокурор пафосно заявил, что Марзпет Арутюнян, прекрасно осознавая всю опасность наркотиков, не употребляет их сам, но распространяет в молодежных кругах с целью отравления молодежи. В ответ Марзпет заявил: «Гражданин прокурор, если бы я хотел отравить молодежь, то распространял бы не наркотики, а марксизм». Позже ему, естественно, было предъявлено новое обвинение по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статье (организованные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК АрмССР. По этим статьям Марзпет Арутюнян был осужден на максимальные предусматриваемые статьями сроки - 7 лет лишения свободы и 5 лет ссылки.

В июне 1981 г, во время этапа член САМ Ишхан Мкртчян, который находился в одной камере Ростовской тюрьмы с Марзпетом Арутюняном и Александром Манучаряном совершил побег. Из-за этого тюремные надзиратели подвергают Манучаряна и Арутюняна жесточайшим пыткам. Особенно достается Марзпету Арутюняну: ему ломают ребра и повреждают грудную клетку до такой степени, что он не мог самостоятельно передвигаться и дышать - рядом с ним постоянно должен был кто-то находиться, чтобы придерживать его, надавливая на грудную клетку для дыхания и возможности откашляться. Одно из сломанных ребер повредило легкое. Эти последствия пыток обнаружили спустя семь лет в Соединенных Штатах, когда после освобождения в 1987 году уже совсем больной Марзпет Арутюнян прошел медицинское обследование. Арутюнян находился в столь тяжелом состоянии во время этапа, что администрации лагерей для политзаключенных

отказывались принимать его, чтобы избежать ответственности в случае его весьма вероятной кончины. Смерть зека на этапе можно было замять с чрезвычайной легкостью, поскольку найти конкретных виновников было попросту невозможно: такие случаи всегда списывались на стычки между уголовниками и тем самым вопрос закрывался. Словом, по этой причине Марзпет Арутюнян, Вардан Арутюнян, Александр Манучарян и Самвел Егиазарян провели три месяца в вагонах для заключенных, постоянно скитаясь по этапу по тюрьмам Пермской области. Но даже в этих тюрьмах Арутюняну и его друзьям не позволяли задержаться более чем на одну ночь. На рассвете их вновь сажали в вагон, перевозящий зеков. За все то время Марзпета Арутюняна не посетил и не осмотрел ни один врач. Со временем он всё-таки справился со своим тяжелым состоянием, и когда стало понятно, что он поправится, его с товарищами наконец распределили по зонам.

Срок он отбывал в Перми, в лагере строгого режима, предназначенного для политических заключенных. За все проведенные там семь лет, несмотря на ухудшающееся здоровье, он ни на шаг не отступил от своих убеждений и принимал участие во всех акциях протеста, которые организовывали в лагере политзеки. Марзпет Арутюнян был освобожден из лагеря в 1987 году и, благодаря горбачевской перестройке, не отправился в ожидающую его ссылку. В тот же год с окончательно подорванным здоровьем он уехал в США, где ему смогли наконец оказать высококвалифицированную медицинскую помощь. Скончался он 2 февраля 2000 года в США в возрасте 60 лет.

Ишхан (Князь) Мкртычевич Мкртчян – родился в 1957 году в селе Саратак Артикского района. После окончания школы для продолжения учебы он перебрался в Ереван. В 1978 году познакомился с Марзпетом Арутюняном, который к этому времени уже сформировал молодежную группу, входящую в состав Наци-

ональной объединенной партии (НОП) – Союз армянской молодежи (САМ). Ишхан Мкртчян вступил в САМ. В 1978-1980 годах он разворачивает активную организационную деятельность. Ему удается сформировать несколько подгрупп САМ, одна из которых действовала в его родном селе. Весной 1980 года была раскрыта студенческая группа, сформированная в Ереванском педагогическом институте. Она взаимодействовала с действующей в 1978-1980 годах организацией Армянский национальный союз (АНС), которая, в свою очередь, имела связь с Союзом армянской молодежи (САМ). Ко всем трем упомянутым организациям имел доступ некий человек, который в бытность еще студентом, в 1978 году, в результате распространения листовок в институте иностранных языков им. Брюсова оказался под колпаком Комитета госбезопасности. Тогда его забрали в КГБ, побеседовали и отпустили. В дальнейшем, как выяснилось, находясь под постоянным контролем КГБ, он взял на себя отвратительную миссию - в 1979 году донес в КГБ на распространяющий листовки студенческий кружок. Однако членов этого кружка тогда не арестовывают, поскольку в тот период КГБ больше интересуют имеющие к этому кружку отношение более значимые деятели. В результате длительных наблюдений и слежки, КГБ фокусирует свое внимание на преподавателе Ереванского педагогического института Александре Манучаряне и Союзе армянской молодежи.

21 мая 1980 года, в районе 7 часов утра, когда все домочадцы еще крепко спали, в находящийся в ереванском районе Ахбарашен дом брата Ишхана Мкртчяна, в котором также проживал и сам Ишхан, заявились сотрудники КГБ. Этот визит застал Ишхана Мкртчяна врасплох. Документы, которые он принес с собой поздно вечером и должен был спрятать в тайнике, он просто положил под подушку, надеясь перепрятать их утром. Естественно, эти материалы были сразу же обнаружены. Пока осуществляю-

щие обыск сотрудники КГБ увлеченно занимаются своим делом, Ишхан, пользуясь их невнимательностью, хватает со стола наиболее важные из обнаруженных материалов, в том числе блокнот с адресами и телефонными номерами, и выбегает из дома. К тому времени, когда чекисты его догоняют, он успевает уничтожить тетрадь с адресами, причем таким образом, что и следа от нее не остается. Из сохранившихся материалов сотрудникам КГБ удается спасти лишь несколько не представляющих особой ценности бумаг и тщательно изорванную тетрадь - «Правила безопасности подпольной организации», написанных рукой Вардана Арутюняна. В результате Ишхан Мкртчян был обвинен по второй части 207¹ статьи (оказание сопротивления сотруднику милиции или народному дружиннику) УК АрмССР и в июле 1980 года осужден на 4 года лишения свободы.

На всем протяжении предварительного следствия и судебного процесса Мкртчян ведет себя смело и дерзко. В суде во время дачи показаний Ишхан отказывается стоять лицом к суду, он заявляет, что не испытывает пиетета ни к суду, ни лично к судье, а в зале сидят его родители и родители друзей, которых он уважает, поэтому он будет стоять лицом к залу и только так он намерен давать показания. После долгих переговоров председательствующий соглашается чтобы Ишхан встал к суду боком.

Члены САМ отказываются от последнего слова. Марзпет Арутюнян заявляет, что лишь умалишенные и безнадежно наивные люди могут доверять советским судам: «Мы не сумасшедшие и не наивные, и нам нечего сказать этому суду». От последнего слова не отказался только Ишхан Мкртчян, который закончил свою речь словами: «Если моему родному языку суждено завтра умереть, то я готов умереть сегодня». Ишхан Мкртчян приговаривается к максимальному сроку наказания, предусмотренному первой частью 65-й статьи УК АрмССР - 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.

Во время этапа в пермские лагеря Ишхан Мкртчян, несмотря на все попытки друзей - Марзпета Арутюняна и Александра Манучаряна, находящихся вместе с ним в одной камере, отговорить его, осуществляет побег из Ростовской тюрьмы. Это было невообразимое, беспрецедентное событие в многолетней истории этой тюрьмы. Через некоторое время его задерживают и вновь возвращают в ту же тюрьму, где подвергают жестоким пыткам. Здоровый двадцатичетырехлетний молодой человек в скором времени превращается в больного и истощенного инвалида: у него временами течет из ушей сукровица, не функционируют должным образом легкие, болят кости и суставы, переломаны ребра. За побег ему добавляют срок, и в целом он достигает 10 лет лишения свободы и 5 лет ссылки. Но серьезные проблемы со здоровьем не помешали Мкртчяну считаться одним из самых активных политзаключенных в лагере. Призывы друзей побереечь себя он отвергал, принимал участие и в голодовках, и в забастовках. Часто оказывался в штрафном изоляторе. Смерть настигла его в возрасте 28 лет в одиночной камере штрафного изолятора 24 апреля 1985 года – в день памяти жертв Геноцида армян. Администрация зоны заявила, что политзек Ишхан Мкртчян якобы свел счеты с жизнью. Все попытки выяснить реальные обстоятельства его смерти потерпели неудачу. В 1989 году усилиями друзей его останки были перевезены в Армению. Его прах покоится на одном из холмов, окружающих его родную деревню Саратак, в районе Артик.

Вардан Людвигович Арутюнян – родился в 1961 году в селе Серс Вайкского района. После окончания школы с целью продолжения образования он переехал в Ереван, где, познакомившись с Марзпетом Арутюняном, вступил в сформированный им Союз армянской молодежи. До этого он был членом организации Армянский национальный союз.

Он увлекался поэзией и писал стихи патриотического и антисоветского характера. Вскоре, в ноябре 1979 года, Вардан Ару-

тютюнян был призван в армию и в дальнейшей деятельности организации не участвовал. Несмотря на то что он находился за пределами Армении и фактически не участвовал в деятельности организации, КГБ решает и его включить в число обвиняемых. Предпосылкой для такого решения Комитета послужило поведение Вардана Арутюняна, которое он демонстрировал с самого начала предварительного следствия. Он не только не отрицал своей причастности к деятельности подпольной организации, но и открыто заявлял о своих антисоветских взглядах. Дабы предъявить более весомые обвинения, помимо стихотворений собственного сочинения, которые были изъяты у Арутюняна, и хотя бы формально как-то обосновать факт осуждения на внушительный срок заключения, чекисты в обвинительном акте отмечают, что Арутюнян якобы читал самиздатовские брошюры Александра Манучаряна и передавал их для чтения другим лицам. И это несмотря на то, что брошюры Манучаряна в руках членов Союза армянской молодежи оказались в то время, когда Вардан Арутюнян находился на службе в советской армии, за пределами Армении, в Латвии и никоим образом не мог ни читать эти брошюры, ни тем более распространять их.

Вардан Арутюнян был арестован в июне 1980 года. Был обвинен по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК АрмССР. Был приговорен к пяти годам лагерей и трем годам ссылки. Срок отбывал в Пермской области, в лагерях для политзеков, а ссылку провел в Магаданской области, на Колыме. Все предложения, которые поступали к нему во время горбачевской перестройки - обращения к советским властям с просьбой о досрочном освобождении, он решительно отклонял. Вместо этого

он написал письмо из ссылки, где мотивировал, почему не пишет прошение о помиловании, и тайно переправил его в Москву. В 1987 году оно было опубликовано на страницах самиздатовского журнала «Гласность» в Москве, а также в западных СМИ, в том числе в переводе на армянский язык, и в свое время получило широкий отклик. Отбыв весь срок заключения и ссылку, Вардан Арутюнян был освобожден в 1988 году. Принимал активное участие в Армянском общенациональном движении. На первом этапе армяно-азербайджанского конфликта он участвовал в работах по формированию армяно-азербайджанского общественного диалога. В настоящее время Вардан Арутюнян живет в Ереване, занимается правозащитной деятельностью и публицистикой.

Самвел Элибекович Егиазарян – родился в 1958 году в Ереване. В 1979 году он познакомился с представителями молодежной структуры Национальной объединенной партии (НОП) – Союза армянской молодежи (САМ) и вступил в эту организацию. Писал статьи, раскрывающие античеловечный характер коммунистической идеологии. Активно участвовал в подпольной деятельности САМ. 21 мая 1980 года Егиазаряну предъявляется вымышленное обвинение по первой части 222-й статьи (хулиганство) и его арестовывают. Через несколько дней его переводят в изолятор КГБ и предъявляют новое обвинение – по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и по 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК Арм ССР. Самвел Егиазарян был осужден на 4 года лишения свободы. Срок отбывал в Пермской области, в лагерьях для политических заключенных. В настоящее время он живет и работает в Ереване.

Ованнес Рафаэлович Агабабян – родился в 1957 году в Ахалцихском районе Грузии. Ко времени своего ареста учился на 3-м

курсе Ереванского художественного училища. Является профессиональным художником. Вступил в Союз армянской молодежи. Был арестован в мае 1980 года. Обвинялся по первой части 65-й, 67-й, и по первой части 213-й (подделка, изготовление, использование или сбыт поддельных документов, марок, штампов, бланков) статьям УК АрмССР. Обвинение, выдвинутое по признакам 213-й статьи, в дальнейшем в суде было снято. Агабабян был приговорен к 3 годам лишения свободы. Отбыв весь срок в Мордовии, в политлагере строгого режима, был освобожден в 1983 году. В 1988 году Агабабян принимал активное участие в Армянском общенациональном движении. В настоящее время живет в городе Арташат.

Из рассказа брата Ишхана Мкртчяна – Сократа

Сотрудники Комитета государственной безопасности явились к нам домой около семи утра, когда наши домашние еще спали. Я работал в ночную смену, мне позвонили и сообщили о неожиданном визите. Я пришел к дому, но не зашел туда, а отправился к соседу. О том, что происходило у нас во время обыска, я узнал со слов жены. Она рассказала, что Ишхан схватил со стола какие-то документы и убежал. Я видел из соседского окна, как Ишхану заломили руки и повели в машину. Наш старший брат работал в милиции. Сотрудники КГБ через него поддерживали с нами связь. Однажды он пришел и сказал мне, что чекисты готовы предоставить свидание с Ишханом, и мне следует пойти на это свидание. Цель заключалась в том, чтобы я уговорил Ишхана отказаться от избранного пути. Во время беседы я должен был призвать его подумать о будущем наших родственников, в частности, напомнить о болезни матери. Я так и сделал. Сказал: «Нас не жалеешь, пожалей хоть свою больную мать, она умрет». А он

мне ответил: «Моя первая мать – родина, тоже больна, а ты меня в чем-то хочешь убедить?». Словом, у меня ничего не вышло. В ходе судебного разбирательства чекисты настоятельно рекомендовали, чтобы мы, его родственники, сидящие в зале, надавили на Ишхана и потребовали, чтобы он изменил свою позицию. Но и там ничего не получилось.

После суда у нас не было никаких вестей от Ишхана. А однажды мне позвонил старший брат и сказал, что мне следует быть осторожным - Ишхан сбежал из Ростовской тюрьмы, из России в Армению прибыла спецгруппа. Члены этой группы, которые уже встретились с ним, сообщили, что им поручено в случае обнаружения Ишхана расстрелять его на месте. Брат посоветовал мне связаться с ним или милицией, если Ишхан появится. Некоторое время спустя Ишхана арестовали в России. Когда он уже был осужден за побег и отправлен в Пермскую политзону, мы с сестрой поехали к нему на свидание. Нам полагалось два дня для свидания, но нам не разрешили. После свадьбы моя сестра сменила фамилию. Это послужило поводом и вовсе запретить ей присутствовать на свидании. Мы познакомились с армянами, живущими и работающими в этом районе и имевшими различного рода связи. Они связали нас с местным прокурором женщиной, которая была в очень близких отношениях с начальником колонии. Благодаря содействию прокурорши моей сестре разрешили короткое свидание с братом. Ей позволили побеседовать с Ишханом через разделяющую их стеклянную перегородку, а мне разрешили провести с братом 12 часов. Ишхан пребывал в приподнятом настроении. Я узнал о том, как жестоко с ним обошлись в Ростовской тюрьме. Он рассказывал, как на нем отработывали приемы каратэ, предварительно связав руки и ноги, в результате сильнейшего удара ему повредили уши, его днями избивали, он терял сознание и даже не знал, сколько времени провел в бес-

сознательном состоянии. Он утверждал, что Советскому Союзу осталось просуществовать не более 10 лет, и что эта страна несомненно скоро рухнет, и все будет хорошо. Все, что он говорил, мне тогда казалось таким невероятным, но он был глубоко уверен в своей правоте.

В 1985 году, 24 апреля, я отправился на машине к мемориалу памяти жертвам Геноцида, чтобы, как обычно, возложить цветы, а когда возвращался, то попал в какую-то передрагу и мой автомобиль увезли на штрафную площадку. Я отправился к старшему брату, чтобы попросить его помочь мне с возвращением машины. Возле его дома я встретил отца. Наши родители жили в деревне, и я удивился, увидев его в Ереване. Так я и узнал, что администрация лагеря отправила моим родителям телеграмму, в которой сообщалось о смерти Ишхана. Это был ужасный шок для нас. В той же телеграмме сообщалось, что Ишхан будет похоронен 26 апреля. Мы решили, что я и мой зять должны поехать на похороны. У нас был всего один день. Я трижды посылал из Москвы телеграммы в колонию, в которых просил не хоронить брата до нашего приезда. Как бы я ни спешил, но расписание рейсов было таким, что добрался я до места назначения лишь поздним вечером, хоть и в назначенный день – 26 апреля. Несмотря на поздний час, я отправился сразу же в колонию и сообщил начальству о своем прибытии. Меня встретил сотрудник лагерной администрации – некто Журавлев. Они не похоронили Ишхана, дождались меня. Он сказал мне, что утром, при желании, я могу купить для Ишхана гражданскую одежду, а также велел купить 12 метров ткани для полотенец. Утром, взяв эту ткань и одежду, мы с сотрудниками лагеря отправились в морг - небольшую комнату, расположенную недалеко от кладбища. Нам позволили самим одеть Ишхана. Я был слишком взволнован, ничего не замечал, слезы застилали глаза, когда мой зять вдруг предложил обратить внимание на тело

Ишхана. Только тогда я заметил, что плечи, руки и бока Ишхана были синими, а на шее был отчетливо виден след от солдатского ремня. Для меня тогда стало очевидно, и сегодня я могу с уверенностью сказать, что перед смертью Ишхан подвергся насилию. Сотрудники тюрьмы предложили нам помощь, но мы отказались и без посторонней помощи понесли вдвоем гроб на кладбище к могиле. Гроб опустили в могильную яму при помощи купленного нами двенадцатиметрового полотнища. Могильная яма была больше 5 метров в глубину. На том кладбище, где были похоронены и обычные граждане, могилы заключенных были пронумерованы и обозначены деревянными столбами. Могила Ишхана была восьмой.

Из рассказа Самвела Егиазаряна

Всему началом была моя любовь к чтению и знакомство в 1979 году с Марзпетом Арутюняном. Спустя некоторое время, узнав меня ближе, он рассказал мне, что существует подпольная организация под названием «Союз армянской молодежи», которая борется за независимость Армении, и предложил мне присоединиться. Организация тогда только формировалась. Я с радостью согласился. С этого и началась моя подпольная деятельность. Ряд документов, которые циркулировали в самой организации, были написаны мной, кроме того, я участвовал в планируемой к 24 апреля акции «черных флагов». После нашего ареста, все эти связанные со мной факты следствием так и не были выявлены. Документы хранились в тайнике, и чекистам так и не удалось его обнаружить, а о моей причастности к «черным флагам» наши ребята не дали показаний. В ночь на 23 апреля мы должны были вывесить флаги на видных местах в Ереване. Осмотрев ранее запланированные районы, Ишхан Мкртчян вернулся поздно ночью

и сообщил нам, что Комитету государственной безопасности стало известно о планируемой акции, и в намеченных нами местах нас будет ждать западня. Было ясно, что за нами следят. Мы быстро перенесли весь наш архив из конспиративной квартиры в Киликии в более надежное место и разошлись. В КГБ думали арестовать нас при развешивании флагов – так сказать, с поличным. Отказавшись от этого дела, мы фактически разрушили их планы. Именно поэтому нас арестовывали позже по фиктивным обвинениям. Например, меня арестовали по 222-й статье – за хулиганство. 19 мая меня вызвали в отделение милиции, где заявили, что я якобы хулиганил в общественном месте – оскорблял прохожих. Я, разумеется, понял, в чем заключается цель этой провокации. Из отделения милиции меня увезли в изолятор временного содержания. Там меня продержали несколько суток, затем перевезли в КГБ. Еще один раз о моем «хулиганстве» они вспомнили спустя четыре месяца после моего заключения, когда за мое «хулиганство» решили меня судить. На суде, который приговорил меня к одному году тюремного заключения за хулиганство, свидетелями выступали сотрудники милиции. В зале суда не было – хотя бы для соблюдения формальности – ни одного потерпевшего.

На протяжении всего расследования было очевидно, что следователи преднамеренно делают все возможное для того, чтобы максимально раздуть наше дело – довести его объем до нескольких томов. Они постоянно возвращались к одним и тем же эпизодам, дописывали по семь-восемь страниц. Предварительное следствие ничем особым не отличалось. Это был однообразный и неинтересный процесс. А вот судебный процесс был интересный. Суд по нашему делу начался 26 марта 1981 года, а закончился – 9 апреля. На скамье подсудимых сидели пять человек, но едиными были мы вчетвером. Мне бы не хотелось сегодня заострять внимание на некоторых эпизодах или конкретных лицах. Время

все расставит по своим местам. Не берусь никого осуждать. Но от имени Союза армянской молодежи в суде выступали мы вчетвером – Марзпет Арутюнян, Ишхан Мкртчян, Вардан Арутюнян и я.

Помню, что Ишхан вел себя агрессивно, обвинил советскую власть в убийстве Паруйра Севака, помню, как он встал спиной к суду во время дачи показаний, помню наше письмо с соболезнованиями американскому народу в связи с покушением на Рональда Рейгана. Текст письма написал Вардан Арутюнян, а зачитал его я.

После суда начался тяжелый, жестокий и изнурительный этап, который длился более трех месяцев. Во время этапа я сидел в Ростовской тюрьме с Варданом Арутюняном. Позже туда привезли Ованнеса Агабабяна. В этой же тюремной камере, в окружении криминальных авторитетов, сидел некий вор в законе. По какой-то причине Вардан Арутюнян вступил с ними в полемику. Возникла весьма опасная и напряженная ситуация. Во время спора Вардан сказал им, что мы свергнем Советы, а всех воров и преступников будем судить суровее Советов. Перепалка каким-то образом прекратилась, и в итоге «пахан» пригласил Вардана пить с ним чифирь. Затем приключилась история с побегом Ишхана Мкртчяна. Мы с Варданом ничего не знали об этом. Ишхан осуществил побег из соседней камеры. С ним сидели Марзпет Арутюнян и Александр Манучарян. Спустя некоторое время нас вновь отправили по этапу. В связи с побегом Ишхана, Марзпета так избили, что он не мог двигаться. Я тоже был в тяжелом состоянии. У меня возникли серьезные проблемы с желудком, меня донимали дикие боли и тошнота. Ни есть, ни пить я не мог. Но несмотря на физические муки, мы не унывали. Главное – мы были вместе, мы были вчетвером: Марзпет Арутюнян, Вардан Арутюнян, Александр Манучарян и я.

Зона была интересным местом и многому меня научила. Когда срок моего заключения близился к концу, меня перевели в

штрафной изолятор, откуда, продержав 15 суток, перевезли в Пермскую тюрьму. Неделю я провел в тюремной камере, после чего меня вновь перевели в карцер, в котором я просидел 22 дня. А вот об этом карцере стоит упомянуть отдельно, он совершенно не был похож на все известные нам штрафные изоляторы. Это было что-то невообразимое – в самом центре камеры, имеющей 2 метра в ширину и 6 метров в длину, была установлена бетонная тумба, чтобы находящийся в камере человек, пытаясь хоть как-то согреться, не мог пройти эти шесть метров быстрым шагом, а питьевую воду приходилось набирать из туалета. Согласно приговору меня должны были освободить еще два дня назад. Я поднял шум, меня отвели к одному из руководителей тюрьмы, которым оказалась женщина. Она отдала соответствующее распоряжение и оформила мои документы. Вместе с документами мне вручили и билет на рейс Пермь-Адлер-Ереван, но мою фамилию в документах написали неправильно. При пересадке в Адлере возникли проблемы. Мне не позволили сесть в самолет. Пришлось ехать поездом. Проводники были грузины. Когда они увидели мои документы и узнали, кем я являюсь и откуда еду, то без лишних вопросов и не обращая внимания на искаженную в документах фамилию, предоставили мне место в поезде, даже не взяв плату за проезд.

В Ереване меня сразу взяли под административный надзор. Однажды я забыл явиться в милицию в требуемый день и мне продлили срок надзора на полтора года. Отношение было бессмысленно строгим. Я даже женился тайно. Моя будущая супруга была не из Еревана, и для того чтобы привезти ее, я должен был выехать из города, а разрешения у меня не было. Я был уверен, что в моей просьбе будет отказано. Поэтому церемонию «транспортировки» невесты наша семья провела в условиях строгой конфиденциальности.

Из рассказа Вардана Арутюняна

Я родился и вырос в маленькой отдаленной горной деревне, лишенной столичных страстей. Вероятно, началом всему послужила любовь моих родителей к чтению, особенно - моей матери. По вечерам после работы мы детьми собирались возле печки и слушали чтение мамы. Потом, когда я подрос, то стал читать сам все, что попадало под руку. Оттепель шестидесятых, демонстрация 1965 года, аресты 1966-го – практически прошли мимо нас: я был еще слишком мал - четырех-пяти лет, и до нашего села такие новости, в общем, и не доходили. А если даже и доходили, то в виде захватывающих историй, которые не имели никакого отношения ни к нам, ни к нашему селу.

С ранней юности, я начал задаваться вопросом: почему Армения не является независимым государством? Позже, много позже, мне стало любопытно, откуда у меня закралась эта мысль, и ответа я так и не нашел. В учебнике по истории для восьмого или девятого класса – сейчас уже смутно помню – рассказывалось о Второй мировой войне. В одной главе описывалось передвижение советской армии, и армия называлась почему-то «русской», а не «советской». Например, «русская армия перешла в контрнаступление», «русские войска отступили» и другие подобные формулировки. Вечером, когда я дома готовился к уроку, эти строки привлекли мое внимание. На следующий день я задал вопрос учительнице истории, почему же в учебнике так написано, ведь советская армия не была русской, в ней служили представители и других народов СССР. Она согласилась с тем, что в учебнике использованы не совсем правильные формулировки и что было бы правильнее использовать выражение «советская армия», но в тоже время пояснила, что в учебниках пишется так потому, что основное бремя войны пало на плечи русских и России. Интер-

претация учительницы меня не удовлетворила. Оба моих деда воевали в рядах этой армии. Один был ранен и вернулся, а второй пропал без вести. То есть, моя семья почувствовала на себе всю тяжесть этой войны, пострадала не меньше любой русской семьи, но вклад моей семьи был сведен на нет одной строкой в школьном учебнике. Это было оскорбительно. Помню, как я подумал, что факт участия армян в войне имел бы большую значимость, если бы Армения участвовала в ней как отдельное государство, а не как растворившийся в русской армии некий незначительный элемент, которым можно пренебречь. Этот маленький эпизод запомнился.

Следующим фактором, вероятно повлиявшим на меня, являлась радиостанция «Голос Америки», которую часто слушала моя бабушка с материнской стороны. Ее мужа - моего деда, в 1937 году нарекли «врагом народа» и приговорили к восьми годам заключения. Он записался добровольцем и прямо из лагеря, который находился в Горьковской области, отправился на фронт в надежде на то, что война вскоре закончится, а его оправдают и отпустят домой, к семье. В 1944 году он без вести пропал. По вечерам, слушая по телевизору советские новости, моя бабушка со знанием дела в сердцах заявляла: брешут окаянные! Она сопоставляла информацию из советских новостей с сообщениями на аналогичную тему радиостанции «Голос Америки» и, естественно, больше доверяла американцам. Она и не скрывала своей неприязни к Советам.

Я знал – да хоть благодаря тем же радиостанциям, что в столице существуют подпольные организации. После окончания школы я приехал в Ереван, чтобы продолжить образование, и в то же время лелеял надежду отыскать такую организацию. Некоторое время спустя я познакомился с Смбатом Мелконяном – студентом старших курсов института иностранных языков. Он был лидером подпольного Армянского национального союза. Програм-

ма организации включала в себя такие вопросы, как сохранение чистоты армянского языка, возвращение потерянных армянских территорий и создание в будущем независимой Армении. О дне насущном, о советском строе и о советских порядках там никоим образом не упоминалось. Мне казалось, что этого недостаточно, и, встречаясь с ребятами Смбата, я параллельно искал что-то более серьезное. Один из моих новых знакомых того периода - Арсен Казарян, который в дальнейшем - в 1980 году - также был осужден, узнав о моих намерениях, познакомил меня с членом Национальной объединенной партии - Марзпетом Арутюняном. Это было в 1979 году. Я считаю, что для меня все началось именно с этого знакомства. Марзпет Арутюнян являлся членом НОП с 1967 года. В 1969 году он был арестован, однако КГБ решил вместо лагерей закрыть его в психиатрическую лечебницу. Марзпет говорил, что месяц, проведенный в психиатрической больнице, можно сравнить с тремя месяцами на зоне. В дальнейшем я встретил много людей, которые с легкой руки КГБ провели часть своей жизни в этих заведениях. Когда я рассказывал им про Марзпета, они грустно улыбались. Оказывается, психиатрические больницы Армении по сравнению с российскими можно было считать раем. Пообщавшись со мной некоторое время, Марзпет рассказал мне о Союзе армянской молодежи (САМ) - структуре Национальной объединенной партии (НОП), о деятельности САМ и молодых людях, входящих в его ряды. Я ознакомился с программой и уставом организации и понял, что нашел то, что искал. Нельзя сказать, что в тот период я уже был сформировавшимся приверженцем независимости, но я с воодушевлением принял идею борьбы за независимость как основную цель деятельности организации. Территориальные вопросы также занимали свое место в программе, но особенно воодушевляла идея независимости и антисоветизм, который также был включен в программу САМ.

В то время вся моя сущность была пропитана антисоветизмом. Мой юношеский максимализм довел её до крайности – я даже писал хвалебные стихи о Гитлере и Муссолини, потому что они сражались против Советов. Разумеется, этот факт в дальнейшем был особо отмечен как в обвинительном заключении, так и в той части приговора, которая касалась меня. Я рассказал Марзпету про группу Смбага и организовал их встречу. В группе Смбага никоим образом не воспринимали антикоммунизм, а требование независимости считали преждевременным. Они полагали, что сначала нужно решить территориальные вопросы в пределах СССР и лишь затем поднимать тему независимости; а представители САМ – Марзпет и Ишхан Мкртчян, утверждали, что до тех пор, пока мы не станем независимыми, никакие вопросы в нашу пользу решаться не будут, мы потеряли наши территории из-за СССР и нет никакого смысла в этом вопросе полагаться на тот же Советский Союз. Было решено периодически проводить встречи, но ни о каком объединении не могло быть и речи.

Ишхан также познакомился с Марзпетом через Арсена Казаряна. Настоящее имя Ишхана было Князь. При знакомстве Арсен представил его как Ишхана, и под этим именем он для нас и остался. Он был преданным другом. Храбрый, стойкий, беззаветный, готовый ради дела многим пожертвовать. Было в нем что-то патетическое, книжное, но в то же время он был застенчивый и чрезвычайно честный парень. Он погиб при неизвестных обстоятельствах – 24 апреля 1985 года в одиночной камере ШИЗО в Пермской зоне.

Следующим членом САМ был Самвел Егиазарян. Он также был самоотверженным молодым человеком. Писал статьи о теории марксизма-ленинизма, чтобы, как он сам говорил, продемонстрировать всю бесчеловечность и антигуманность этой идеологии. Пятым арестованным членом САМ был художник Ованнес

Агабабян. Членами группы являлись также Геворг Саргсян, Ашот Мусаханян, Вачаган Айрапетян, но они не были арестованы.

У САМ были подгруппы-филиалы, один из которых, сформированный Ишханом в Арктикском районе, был позже раскрыт из-за показаний одного человека. В состав этой подгруппы входили Согомон Погосян (руководитель), Руслан Затикян, Грачья Торосян и Ромик Манукян. В дальнейшем Ромик стал губернатором Ширакской области и депутатом Национального Собрания Армении.

Главнейшая задача КГБ, помимо арестов и осуждения, заключалась в том, чтобы сломить наш дух, для чего они по возможности использовали и наших родителей. По крайней мере, в моем случае было именно так: «Почему ваш сын должен сидеть? Он умный, перспективный молодой человек, помогите нам спасти его, не дайте ему загубить свое будущее». И, не понимая всего коварства уловки, отчаявшиеся родители попадались в ловушку и выполняли роль помощников чекистов. Конкретно в моем случае родители встали на сторону чекистов и работали против меня до самого конца процесса. Задача, которую чекисты пытались решить с помощью моих родителей, заключалась в том, чтобы вынудить меня заявить о своем раскаянии и пообещать в дальнейшем не заниматься подобной деятельностью. Они заверили отца, что в таком случае суд отнесется ко мне снисходительно или меня и вовсе освободят.

Во время суда мои родители сидели в зале. Когда в ответ на вопрос судьи я заявил, что не признаю своей вины и не раскаиваюсь, в зале поднялся невероятный переполох. Мои родители кричали и требовали, чтобы я забрал свои слова обратно, а судья даже не пытался остановить их и призвать к порядку. Мама плакала, а отец взывал к моей совести. Это был продуманный сценарий. Согласно замыслу, я должен был не выдержать такого давления. Во

время перерывов в судебных заседаниях ко мне приводили отца, который требовал, чтобы я признал свою вину и заявил, что сожалею о содеянном. Эти встречи были невероятным испытанием для меня. Мне было 20 лет, я очень любил и уважал отца, но, с другой стороны, я никак не мог выполнить его требование. Он то требовал, то умолял, просил не отказывать ему, пожалеть больную мать. Судебный процесс длился порядка десяти дней, и все это бесконечно повторялось и повторялось. Я пребывал в очень тяжелом душевном состоянии, очень переживал, проводил бессонные ночи в тюремной камере.

Большинство осужденных по политическим делам до и после нас на суде заявляли, что они не занимались антисоветской деятельностью, не собирались подрывать устои и разваливать СССР и что право на независимость Армении предусмотрено Конституцией СССР и их действия соответствуют законам СССР. Мы же, напротив, заявили, что являемся убежденными антисоветчиками и наша цель состоит в развале СССР, а коммунистическая партия в будущей Армении будет объявлена вне закона как преступная структура. Во время одного из судебных заседаний Марзпет Арутюнян заявил, что мы - молодежная организация Национальной объединенной партии и, как и все осужденные до нас члены НОП, боролись и будем бороться до тех пор, пока Армения не станет независимой страной. В зале суда, параллельно с судебными заседаниями, мы созывали свои собственные – заседания нашей организации, и там же на месте оглашали свои решения. В те дни было предпринято покушение на недавно избранного президента США Рональда Рейгана, который впоследствии окрестил Советский Союз «империей зла». По предложению Марзпета накануне следующего заседания суда я в изоляторе написал текст телеграммы с соболезнованием американскому народу, и мы зачитали этот текст в суде. В телеграмме говорилось, что мы вы-

ражаем надежду на скорейшее выздоровление Рейгана, который вместе с нами продолжит борьбу против Советского Союза. Самвел Егиазарян зачитал телеграмму и передал ее судьбе.

В нашем уголовном деле, в части, касающейся меня, был абсурдный эпизод по поводу приобретения оружия. Они сфабриковали этот факт, перехватив на почте одно из моих писем Марзпету. Они промучились несколько месяцев, чтобы я назвал имя человека, упомянутого в письме, который якобы сначала поручил мне раздобыть оружие, а затем отменил свое поручение. Я никаких имен не называл, и этот человек так в приговоре и остался «невыявленной личностью». Этот эпизод с оружием они хотели связать с моим заявлением во время допроса, что наша организация будет бороться за независимость мирным путем до тех пор, пока эти возможности не будут исчерпаны, после чего мы перейдем к вооруженной борьбе. Не имея под рукой программу нашей организации мои эти слова они пытались представить как программные. Ряд документов, которые считались в нашей организации строго конфиденциальными, включая списки, программу, устав, контакты, - так и остались в тайнике. Несмотря на огромные усилия, следствию не удалось найти это место, и они были вынуждены констатировать, что «в ходе расследования эти документы не были обнаружены и к уголовному делу не прилагаются». Мы смогли сделать так, чтобы других выявленных членов нашей группы привлекли к расследованию лишь в качестве свидетелей.

При сравнении нашего дела с другими политическими делами, которые были до и после нас, становится очевидно, что наша группа никаких выдающихся действий не осуществляла. Однако нам были назначены суровые меры наказания. Отношение КГБ к нашей группе было подчеркнуто жестким. Причиной этому, скорее всего, являлось наше поведение.

Еще один интересный факт: как правило, в конце всех приговоров, оглашенных по политическим делам, отмечалось, что дан-

ный приговор является окончательным и обжалованию не подлежит. В нашем же случае, не в пример остальным, было написано, что приговор может быть обжалован в надзорном порядке. Это единственный вердикт, который предусматривает такую возможность. После освобождения я узнал, что мой отец годами пытался обжаловать приговор, но, разумеется, безрезультатно.

***Письмо Вардана Арутюняна из ссылки
было опубликовано в 1987 году
в московском журнале «Гласность»***

Весною (в марте) 1987 года ко мне приезжали сотрудники КГБ Сусуманского района Магаданской области. Предлагали написать письменное обещание о том, что в будущем буду жить в соответствии с советскими законами, не нарушая их и, в результате, выйти на волю. Я отказался. Через два дня после этого приехали ко мне двое и, представившись работниками областной прокуратуры, предлагали то же самое, долго уговаривали, говорили, что формулировки не играют роли, что потом вообще снимут с меня судимость, но я опять отказался. После этого сотрудниками КГБ было сделано еще одно подобное предложение. В очередной раз получив отказ, вообще перестали об этом говорить, но зато начались неурядицы на работе: провоцировали на скандал и драку, не платили за работу. Я был вынужден уйти на другое место работы.

Почему я отказался написать? Потому что мои политические взгляды являются антисоветскими и, естественно, продолжая жить в СССР, я не могу молчать и исполнять все советские законы, будучи противником многих из них. Пока я живу в СССР, я буду иметь разногласия с властью и с законом. Обещать молчать я не могу, а давать ложное обещание и, получив свободу, продолжать борьбу считаю недостойным поступком.

Перестройку и гласность считаю бесполезной и ложной политической игрой. В мои цели не входит перестройка коммунистического общества. Я считаю, что коммунистическое общество нужно не перестраивать, а превратить в свободное, демократическое общество и нужно не «ввести» гласность, а дать или, точнее, добиться свободы. Добиться демократизации в политической жизни страны, чтобы в стране, наряду с коммунистической партией, вполне официально существовали другие партии и организации.

Пока в Советском Союзе существует одна партия, партия коммунистов, говорить о свободе и даже гласности рано. Коммунизм не терпит инакомыслия, он любыми средствами давил и будет давить свободную мысль. Не надо забывать, что и сегодня в Уголовном кодексе существует ст. 70-ая, а в Конституции существуют статьи 47, 50, и 51, которые гарантируют свободы только в целях укрепления социализма и коммунизма. Имея другие цели, человек в СССР автоматически становится нарушителем и может угодить в тюрьму. То, что все эти и другие законы остаются в силе, подтвердил Горбачев. На встрече с представителями французской общественности он сказал, что все в стране делается для укрепления социализма и социалистической демократии, а что такое «социалистическая демократия» мир уже знает. По его словам, в СССР «ведется борьба» против тех, «кому социализм не нравится».

Нет и не может быть речи о свободе в СССР, пока существуют вышеупомянутые статьи и слова Горбачева. Я не могу жить в СССР, не нарушая советские законы.

«Парос - 4»: Ашот Навасардян, Азат Аршакян

Ашот Навасардян

Азат Аршакян

Осуждение по делу «Пароса-4» было вторым для Азата Аршакяна и третьим для Ашота Навасардяна. До этого Аршакян был осужден в 1974 году, а Навасардян - в 1970 и 1974 годах. Если в советское время человек осуждался за антисоветскую агитацию и пропаганду во второй или третий раз, то прежде всего он квалифицировался как особо опасный рецидивист. Бывали и исключения. Например, суд в 1974 г. не признал особо опасными рецидивистами Ашота Навасардяна и Паруйра Айрикияна, которые тогда были осуждены второй раз.

Азат Аршакян и Ашот Навасардян, не отбыв весь назначенный им в 1974 году срок, были освобождены досрочно. Навасардян вышел на свободу в декабре 1976 года, а Аршакян – в апреле 1977 года. В феврале 1981 года должен был закончиться срок наказания Паруйра Айрикияна, который вместе с ними был осужден в том же 1974 году и являлся их другом и соратником. Однако за несколько месяцев до окончания срока - в 1980 году, ему было

предъявлено новое обвинение, на этот раз - по уголовной статье. В КГБ решили, что Паруйр Айрикян не должен выйти на свободу. Азат Аршакян и Ашот Навасардян решили, что если их товарищу грозит новое осуждение, то и они не должны оставаться на свободе. Они издали четвертый выпуск газеты «Парос» («Маяк»), но, в отличие от всех предыдущих выпусков и листовок, под этим номером поставили свои фамилии.

Надо отметить, что это уникальный случай, когда люди, занимающиеся подпольной деятельностью, подписываются на изготовленной ими газете или листовке. В те годы так поступали только правозащитники, которые подписывали каждое публикуемое ими заявление или письмо. Подпольные деятели, как правило, упоминали только названия своих организаций. После распространения всей партии листовок, Аршакян и Навасардян отправились в Генеральную прокуратуру и заявили, что это они изготовили и распространили газету.

За этот поступок, согласно приговору, обнародованному 18 сентября 1981 года, Ашот Навасардян и Азат Аршакян были осуждены по 2-й части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) и 67-й статье (организационные мероприятия, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации) УК АрмССР на 8 лет заключения и 3 года ссылки. Причем из назначенного срока первые три года они должны были отбывать в тюремном режиме, а остальной срок – в колонии особого режима. Кроме того, суд признал их особо опасными рецидивистами. Ашот Навасардян и Азат Аршакян являются единственными армянскими политзаключенными, которые были признаны особо опасными рецидивистами. Они были освобождены досрочно в 1987 году благодаря горбачевской перестройке.

Ширак Гюнашян: Сфабрикованное дело

*Ширак Гюнашян
фото из уг. дела*

В 1982 году Ширак Гюнашян был осужден во второй раз. Приговор, вынесенный по его новому делу, может считаться ярким образцом советского «правосудия» – не было предпринято ни малейшей попытки доказать виновность Гюнашяна. Все обвинение и приговор, основаны на изъятой в результате обыска в квартире Гюнашяна статье, которую он написал 7 лет назад, еще в 1975 году. В действительности же эта статья не играла никакой роли и была просто поводом. Тем более, что она даже не

была распространена. Гюнашян был осужден за свою активную деятельность, которую вел после освобождения из мордовских лагерей и которая, разумеется, не могла остаться незамеченной Комитетом госбезопасности. Впервые Гюнашян был приговорен к четырем годам тюремного заключения в 1969 году по делу группы «Во имя Родины». После освобождения он не только не разорвал связи с диссидентами, но и открыто выражал свои взгляды и за пределами инакомыслящих кругов. На этот раз для осуждения Гюнашяна КГБ отдает предпочтение 206¹ статье УК Арм ССР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

В феврале 1982 года Ширак Гюнашян был арестован, а в мае осужден на 3 года лишения свободы, которые ему предстояло отбывать в лагере строгого режима. Срок он отбывал в Армении. А после освобождения в 1985 году вновь продолжил свою дея-

тельность. В 1987 году с группой товарищей Гюнашян сформировал организацию под названием «Компания по защите Ай Дата» («Армянский вопрос»). В 1996 году он инициировал создание общественной организации политических заключенных советского периода - Клуб-65. Скончался в 1997 году в Ереване.

Хельсинкская группа Армении:

Эдуард Арутюнян, Рафаэль Оганян, Сирвард Авагян

В 1976 году в Москве была образована Московская Хельсинкская группа. Затем было объявлено о создании аналогичных групп в Украине, Литве, Грузии и Армении. Все перечисленные Хельсинкские группы подвергались жестокому преследованию и давлению со стороны советских властей. Участвующие в ХГ правозащитники приговаривались к длительным срокам заключения. Инициатор создания Хельсинкской группы Армении Шаген Арутюнян и один из её членов Роберт Назарян были арестованы в декабре 1977 года, а руководитель группы Эдуард Арутюнян – в июле 1979 года. В других республиках также велись аресты правозащитников. В период с 1977 по 1979 год все активные члены ХГ в Украине, Литве, Грузии и Армении были приговорены к большим срокам заключения в лагерях. Только глава грузинской ХГ Звиад Гамсахурдия в 1977 году проявил слабодушие - выступил по советскому Центральному телевидению с публичным раскаянием и осуждением деятельности других советских диссидентов и правозащитников и был помилован. В том же году к трем годам заключения и двум годам ссылки был приговорен Мераб Костава - член грузинской Хельсинкской группы, который отказался делать подобное заявление. Позже его срок дважды продлевался, и на свободу он вышел только в 1987 году.

6 сентября 1982 года трое оставшихся на свободе членов Московской Хельсинкской группы объявили о приостановке деятельности МХГ. Это заявление было сделано отнюдь не для того, чтобы избежать ожидающихся арестов, оно было сделано в целях пропаганды – дабы показать всему миру, что в СССР невозможно заниматься защитой прав человека, не рискуя собственной свободой и жизнью.

В январе 1982 года – в самый разгар массовых репрессий против правозащитников – с зоны, отбыв свой первый срок, вернулся руководитель Хельсинской группы Армении Эдуард Арутюнян. Он сразу же принялся за активизацию деятельности Хельсинкской группы Армении. Бывшие члены ХГА, избежавшие арестов, и те, кто отбывал недолгий срок (как, например, Сирвард Авагян, которая была приговорена к одному году лишения свободы по сфабрикованной статье «хулиганство»), вновь приступают к активной деятельности. Они делают публичные заявления, распространяют самиздатскую литературу и выступают с различными обращениями, в том числе, в защиту армянских политзаключенных. Понятно, что их деятельность не могла долго продолжаться. В ноябре 1982 года были арестованы все, кто имел отношение или был связан с Хельсинкской группой Армении. Рафаэль Оганян и Сирвард Авагян были арестованы в один и тот же день – 6 ноября 1982 года, а Эдуард Арутюнян, Эдмонд Аветян, Георгий Хомизури и Рафаэль Папаян – 10 ноября. Таким образом, через три месяца после объявления о прекращении деятельности Московской Хельсинкской группы прекратила свою деятельность и Хельсинкская группа Армении.

Эдуард Багратович Арутюнян – родился в 1926 году в селе Талыш Мартакертского района Нагорного Карабаха. Это было второе осуждение Арутюняна. Отбывая свой первый срок, он серьезно подорвал здоровье. Шаген Арутюнян вспоминает, что в его доме, после освобождения Эдуарда Арутюняна, собрались Рафаэль Папаян, Георгий Хомизури, Эдмонд Аветян и сам Эдуард Арутюнян. В тот день все пытались убедить Эдуарда сделать перерыв, немного передохнуть, поубавить активность и заняться своим здоровьем. Однако он отказался последовать их советам. Десятого ноября 1982 года, через четыре дня после ареста членов Хельсинкской группы Армении – Сирвард Авагян и Рафаэля

***Эдуард Арутюнян
в колонии строгого
режима***

Оганяна – и через 10 месяцев после своего освобождения, Эдуард Арутюнян был снова арестован. В тот же день были арестованы Эдмонд Аветян, Георгий Хомизури и Рафаэль Папаян. Эдуарда Арутюняна, несмотря на крайне тяжелое состояние здоровья, советская карательная машина осуждает во второй раз 6 июня 1983 года, по той же 206¹ статье (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). На этот раз его приговаривают к трем годам лишения свободы.

И КГБ, и судьи, и прокуроры, и тюремщики, и единомышленники, и сам Эдуард Арутюнян знали, что на этот раз живым из заключения он не выйдет. Советский КГБ обошелся с ним с особой жестокостью. Для отбытия наказания страдающего онкологией, тяжелобольного Арутюняна вновь отправляют в Сибирь. Но, не удовлетворившись этим, его под разными предлогами постоянно этапируют из одной зоны в другую, что, разумеется, еще больше усугубляет его тяжелое состояние.

В 1984 году Арутюняна из лагерной больницы в тяжелейшем состоянии увозят обратно в зону. Причиной тому послужили протестные заявления и письма в различные инстанции, в том числе - в Организацию Объединенных Наций, которые он отправлял из лагерной больницы. Несмотря на покидающие его с каждым днем силы, Арутюнян продолжает проявлять принципиальность и стойкость. Он отказывается писать прошение о досрочном освобождении. Наконец 5 декабря 1984 года советская

власть освобождает уже находящегося при смерти Арутюняна. Но делается это лишь для того, чтобы не обременять себя последствиями смерти правозащитника на зоне, избежать большого шума и связанной с этим очередной головной боли. Эдуард Арутюнян скончался через 12 дней после освобождения - 17 декабря 1984 года, в возрасте 58 лет. Его тело, согласно его желанию, было предано земле в его родном селе Талыше в Карабахе. По инициативе и при финансовом содействии французских общественных организаций на его могиле была заложена надгробная плита, но советские власти демонтировали ее и варварски разгромили.

***Рафаел Оганян
в колонии***

Рафаэль Людвигович Оганян – родился в 1925 году в городе Кировакан (Ванадзор). В 1950 году по 133-й статье УК АрмССР (воспрепятствование осуществлению избирательного права) он был осужден на 6 лет лишения свободы, а через три года – в 1953 году, освобожден. Оганян являлся приверженцем коммунистических идей. Он был убежден, что коммунистическую партию заполнили конъюнктурщики, она превратилась в бюрократическую структуру. По его мнению, для возрождения партии следует про-

сто очистить ее ряды, вернуть ее к истокам марксизма-ленинизма. В связи с этим, он писал письма и жалобы в разные государственные органы СССР и руководству Коммунистической партии. Противоречие между его представлениями и реальной жизнью побудило его в 1970-х годах, вместо написания безответных писем в органы государственной власти и партийным

чиновникам, предпринять более активные действия. В 1978-1979 годах он принимает решение покинуть Советский Союз, но ему не удается получить разрешение на выезд, советские власти отказывают ему в этом. В 1979 году Оганян обращается за помощью в Хельсинкскую группу Армении, где происходит его знакомство с Эдуардом Арутюняном, инициирующее его участие в работе ХГА. После первого ареста руководителя группы – Эдуарда Арутюняна, КГБ в отношении Оганяна довольствуется лишь объявлением предупреждения. Однако в 1982 году – после освобождения Арутюняна – Оганян возобновляет сотрудничество с ХГА. В ноябре того же года его арестовывают, а в июне 1983 года – осуждают на 3 года лишения свободы по 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и 208¹ (оскорбление сотрудника милиции или народного дружинника) статьям УК АрмССР.

В 1987 году Рафаэль Оганян эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где и скончался в 2000 году. Похоронен в Армении, в родном городе Ванадзоре.

Сирвард Арташесовна Авагян – родилась в 1952 году в селе Малишка Ехегнадзорского района Армении. С 1979 года начала участвовать в деятельности Хельсинкской группы Армении. С 1978 года по 1980 год в отношении членов группы проводится ряд судебных разбирательств, в том числе по сфабрикованным уголовным обвинениям. В марте 1980-го Сирвард Авагян также по ложному обвинению инкриминируют «хулиганство» (по первой части 222-й статьи УК АрмССР) и осуждают на год лишения свободы. После освобождения Авагян продолжает выступать от имени Хельсинкской группы Армении. Через её руководителя Эдуарда Арутюняна она налаживает контакты с правозащитниками из других советских республик. В этот период Сирвард постоянно находится в центре внимания органов государственной

безопасности. В январе 1982 года её арестовывают на ереванском железнодорожном вокзале, перед посадкой в поезд Ереван-Москва. При ней оказались документы, касающиеся ситуации в Армении с правами человека и политзаключенными.

В июне 1983 года Авагян приговорили к трем годам лишения свободы по 206¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) и 208¹ (оскорбление сотрудника милиции или народного дружинника) статьям УК АрмССР. Как в ходе предварительного следствия, так и в заключении она продолжала выступать в качестве члена армянской Хельсинкской группы. После освобождения, в 1987 году, Сирвард Авагян эмигрировала в США. В настоящее время живет в Бостоне.

Эдмонд Аветян

Эдмонд Аветян

Эдмонд Гегамович Аветян – родился в 1929 году в Андижане (Узбекистан). Его отец был одним из виднейших германистов того времени. В 1937 году его арестовали и впоследствии расстреляли, а семью сослали. В детстве Эдмонд, как и большинство советских детей того времени, был преисполнен безграничной верой и любовью к Стране Советов и Сталину. Осужденный по делу Аветяна, Георгий Хомизури рассказывал, что тот часто любил вспоминать, как, живя с матерью в

ссылке, он в лютый мороз тащил домой два ведра с водой, вцепившись в них ледяными детскими ручонками, и думал о том, как же это здорово - жить в свободной и счастливой советской стране.

После войны Аветянам разрешили вернуться в Армению. К 16 годам, в отличие от многих сверстников, он начинает понимать, чем и кем в действительности являются Советский Союз и Сталин. В 1946 году он пишет ряд писем, адресованных Сталину, в которых излагает все, что думает о настоящем, а не мифическом Сталине. Он упоминает в письмах и о преступлениях, и о невинных жертвах, и о терроре, который организовал «любимый всеми вождь». Несмотря на то что он ставил вымышленную фамилию, чекисты без особого труда вычисляют истинного автора письма. Согласно представлениям того времени, только сумасшедший мог предъявлять подобные претензии «гению всех времен и народов», и Эдмонда Аветяна отправляют «на лечение» в психиатриче-

скую больницу. После освобождения он, правда, не меняет своих убеждений, но и антисоветской деятельностью не занимается.

В 1956 году, после окончания ЕГУ, Аветян преподавал русский язык и литературу в средних школах. В 1961- 1964 годах он учился в аспирантуре, а в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1965 года он начинает работать на кафедре общего языкознания ЕГУ. Будучи одним из самых известных интеллектуалов того времени, он вскоре становится одним из любимых студентами преподавателей. Аветян был основоположником армянской семиотики. Является автором ряда научных работ, среди которых: «Природа лингвистического знака» (1968), «Смысл и значение» (1979), «Семиотика и лингвистика» (1989), «Мера знаковости языка» (1976) и др. В постсоветский период он издал книги: «Кольцо возвращения» (1998, 2003), «Тюремная лирика» (2002).

Активное сотрудничество Аветяна с диссидентскими кругами Советской Армении началось в семидесятых годах. В 1975 году Шаген Арутюнян обсуждал свои планы по созданию в Армении Хельсинкской группы, наряду с другими, и с Эдмондом Аветяном. Правда, Аветян изначально не входил в состав группы, но оказывал всяческую поддержку. У него в большом количестве хранилась самиздатовская литература, которую использовали армянские диссиденты. Надо отметить, что в тот период преследованиям подвергались не только активные члены Хельсинкских групп и деятели, подписывавшиеся под заявлениями и другими документами ХГ, но и люди, которые поддерживали их. В 1977 году в связи с арестами Шагена Арутюняна и члена Хельсинкской группы Армении Роберта Назаряна, обыски произвели также в квартирах Аветяна и Рафаэля Папаяна. Однако в то время КГБ их не арестовал. Чекисты ограничились лишь вынесением официального предупреждения и лишением права читать лекции в университете и в других вузах.

Однако, как установлено судебно-психиатрической экспертизой от 29 марта 1983 г. и заключением эксперта "3" данным в суде, Аветян Э.Г. в период совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии психического заболевания в форме "патологического развития личности паранояльного круга со значительным снижением уровня личности", в связи с чем он признан невменяемым и нуждающимся в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа (т.2 л.д.71-83).

Судебная коллегия, исходя из характера и общественной опасности совершенного преступления, учитывая личность Аветяна и его состояние в настоящее время, находит, что Аветяна следует поместить в психиатрическую больницу общего типа.

Руководствуясь ст.318 УПК Арм.ССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Армянской ССР

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Аветяна Эдмонда Гегамовича на основании ст.11 УК Арм.ССР освободить от уголовной ответственности и в соответствии с требованиями ст.ст.53-54 УК Арм.ССР поместить его для принудительного лечения в психиатрическую больницу общего типа.

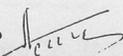
2. Избранную в отношении Аветяна Э.Г. меру пресечения - содержание под стражей - отменить.

3. Указанные в п.4 справки к постановлению следователя КГБ Арм.ССР от 28.04.83 г. вещественные доказательства (т.6, л.д.296) хранить при деле.

4. Копии данного определения направить Главному врачу Советашенской психиатрической больницы - для исполнения по существу и следотдел КГБ Арм.ССР - для сведения.

Председательствующий   подпись
народные заседатели: 1.

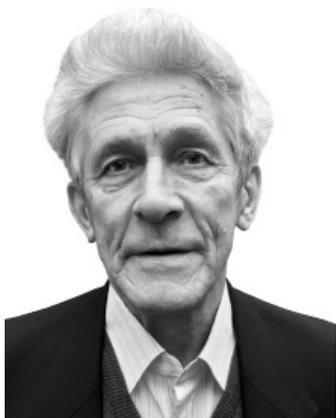
2.

Верно: подпись

После осуждения в декабре 1978 г. Роберта Назаряна, а затем в 1980 году Эдуарда Арутюняна, значительно активизируются Эдмонд Аветян, Рафаэль Папаян и Георгий Хомизури. В ноябре 1982 года КГБ выдвигает против них обвинение по 65-й статье (анти-советская агитация и пропаганда) и их арестовывают. Вначале Эдмонд Аветян проходит по этому делу в качестве организатора и лидера этой тройки. Однако в дальнейшем – в апреле 1983 года, через пять месяцев после его ареста, принимается решение отделить Аветяна от друзей. По всей видимости, КГБ не устраивала перспектива привлечения Аветяна к суду и отправки его в зону в качестве политзаключенного, а предпочитает отправить его в психиатрическую клинику, откуда он выходит на волю в 1984 году. После освобождения Аветян был лишен возможности работать. Только в 1986 году, благодаря перестройке Горбачева, он смог устроиться на работу в качестве методиста в республиканском учебно-методическом центре.

В 1991 году, когда Армения уже являлась независимой республикой, Аветяна пригласили в университет преподавать. В последние годы своей жизни он был прикован к постели. Скончался в 2002 году, 6 декабря.

Георгий Хомизури, Рафаэль Папаян

Георгий Хомизури

Георгий Павлович Хомизури – родился в 1942 году в Баку. Высшее образование получил в Москве. По профессии – геолог. До ареста был кандидатом наук, позднее защитил докторскую.

До первой половины семидесятых годов Георгий Хомизури был ярким последователем марксистско-ленинских идей. Он не вступил в Коммунистическую партию, но был активным деятелем ВЛКСМ. Наряду с геологией он серьезно занимался изучением истории. Это увлечение и изменило

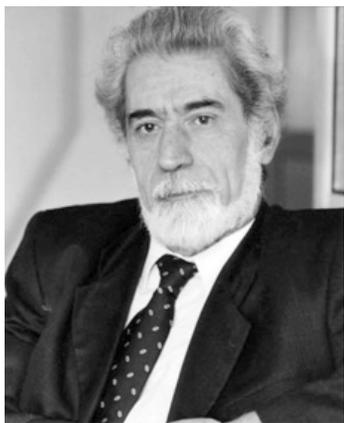
его взгляды на марксизм-ленинизм и на социализм в целом.

С 1972 года Хомизури начал интересоваться самиздатовской литературой, а затем уже перешел к ее тиражированию и распространению. Выступая под псевдонимом Эрнест Гараев, он писал статьи, освещающие темные страницы истории Коммунистической партии и Советского Союза. В 1979 году он переехал в Ереван. Работал в Институте геологии при Национальной Академии наук Армении. Установил связи с армянскими диссидентами.

10 ноября 1982 года Хомизури был арестован. Обвинялся по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) УК АрмССР. В июне 1983 года был приговорен к шести годам лишения свободы и трем годам ссылки. Срок отбывал в Мордовии, в лагерях строгого режима для политзаключенных. Благодаря горбачевской перестройке был освобожден досрочно – в 1987 году. Возвратился в Ереван, восстановился на прежней работе. Активно занимался общественной деятельностью.

С 1987 по 1988 год являлся членом армянского подкомитета Международного комитета по защите политзаключенных. С 1990 года по 1994 год был членом Армянской лиги Защиты прав человека и членом историко-просветительского союза «Мемориал» (1991-1996гг.). В период 1994-1996 гг. принимал участие в создании информационного агентства «Ноян Тапан» («Ноев Ковчег»).

В 1996 году Георгий Хомизури переехал в Москву. Работал в ряде учебных заведений. С 2001 года является ведущим научным сотрудником в отделе истории геологии Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского. Хомизури известен как автор более 130 статей, в том числе четырех монографий. В настоящее время живет в Москве.

Рафаэль Папаян

Рафаэль Ашотович Папаян – родился в 1942 году в Ереване, в семье драматурга Арамашота Папаяна. Окончил Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В. Брюсова. Затем продолжил обучение в аспирантуре в Тартуском государственном университете (Эстония). В том же университете защитил диссертацию и получил степень кандидата филологических наук. С 1972 года по 1980 год работал в ЕГУ. Принимал участие в деятельности Хельсинкской группы Армении. Приобретал из разных источников самиздат, читал сам и передавал эту литературу другим. Кроме того, писал статьи, которые впоследствии – в ходе предварительного следствия и суда – были классифицированы как антисоветские. Папаян был арестован вместе с Эдмондом Аветяном и Геор-

гием Хомизури 10 ноября 1982 года. Был обвинен по первой части 65-й статьи (антисоветская агитация и пропаганда) УК АрмССР. В июне 1983 года был приговорен к четырем годам лишения свободы и двум годам ссылки. Срок отбывал в Мордовии, в лагерях для политзаключенных. В горбачевскую перестройку – в 1987 году, был освобожден досрочно и возвратился в Ереван.

В 1989 году Рафаэль Папаян основал Армянскую лигу прав человека и стал ее председателем. В том же году он основал в Ереванской государственной консерватории кафедру арменоведения и возглавил ее. В 1990-1995-м годах являлся членом Верховного Совета, а с 1995 года по 1997 год – депутатом Национального Собрания РА. С 1992 года являлся членом Верховного духовного совета в Первопрестольном Эчмиадзине. С 1997 года и до самой смерти был членом Конституционного суда РА. Скончался 5 октября 2010 года.

Рафаэль Папаян - автор ряда научных работ, многочисленных монографий и художественных переводов как с армянского языка на русский, так и с русского на армянский. Из его работ можно выделить: полное собрание лирики Мисака Мецаренца (русский перевод, 1997 г.), «Ночной разговор» Булата Окуджавы (армянский перевод, 2000 г.); антология «Армянская поэзия XX века» (русский перевод, 2009 г.), «Сравнительная типология национального стиха» (1981г.), «Христианские корни современного права» (2002г.). Кроме того, в 1991 году был опубликован сборник его стихотворений - «Тревоги».

Из рассказа Георгия Хомизури

В детстве я воспитывался в коммунистическом духе, то есть был глубоко убежден в том, что Сталин и Ленин - это люди, которые указывают на единственно верный путь развития челове-

чества. Смерть Сталина обрадовала моего отца, знающего, кем он являлся на самом деле. Но для меня это было большим горем. Помню, в честь траура я поставил дома на стол портрет Сталина. Отец не хотел обижать меня, поэтому не стал возражать. Он, вероятно, знал, что мне потребуется время, чтобы понять, кем на самом деле был Сталин. И действительно, через некоторое время я понял, каким он был чудовищем. Но в то же время я продолжал считать, что Ленин был хорошим, Зиновьев, Троцкий были хорошими, а вот Сталин осуществил чудовищный план по уничтожению истинных ленинских деятелей.

Я родился в Баку. Родители мои развелись, когда мне было два года. В 1947 году отец женился во второй раз. Его вторая жена была родом из Москвы. Он увез меня вместе с ней из Баку на Сахалин. Ее дядя когда-то был видной фигурой в партии меньшевиков. В годы царской России он был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. После социалистической революции он покинул меньшевистскую партию, но не вступил в большевистскую. В советские времена не принимал активного участия в общественно-политической жизни. К тому времени, когда начались сталинские чистки партийных рядов и гонения среди старых социалистов, о нем, пожалуй, уже забыли. Он был автором всех иллюстраций в учебниках истории для 10-го класса, изданных до сороковых годов. В его личной библиотеке хранилось огромное количество старых книг. Я без особых усилий мог прочитать о том, о чем в официально принятой историографии не упоминалось. Но даже прочитав все эти книги, я не изменил своего убеждения, что коммунистическая идеология и ленинский путь - верны, а Сталин был величайшим злодеем, целенаправленно уничтожавшим истинных коммунистов. Даже в комсомол я вступил не так, как все. В те годы все молодые люди автоматически становились комсомольцами, а я, в отличие от всех, считал это важной вехой в моей жизни.

Так продолжалось до 1976 года. Мне было 34 года. В тот год мне предоставилась возможность прочитать рукопись Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Незадолго до этого я прочитал «Историю государства инков» Гарсиласо де ла Вега. Казалось бы, две эти книги - о разных вещах и разных эпохах. Одна повествует о событиях, которые имели место в 16 веке, другая – о событиях 20 века. Но когда я читал рукопись Шафаревича, меня постоянно не покидало ощущение, что все, о чем повествует этот автор, я уже читал в «Истории инков». В процессе чтения многое во мне стало кардинально меняться. Именно тогда я стал понимать, что суть проблемы следует искать в самом социализме. В свое время инки строили социализм или нечто похожее, спустя сотни лет коммунисты делали то же самое, и результаты были одинаковыми. Словом, прочитав произведение Шафаревича, я понял, что молился не тем богам. Понял, что проблема вовсе не в Сталине, не в Ленине, и вообще не в личностях, - порочной является сама идея. Конечно, идеи Шафаревича, особенно по части национализма, мне были чужды, но в плане трансформации моего мировоззрения, его книга сыграла решающую роль. Я решил, наряду со своей основной профессией – геологией, заняться историей. Тогда я жил уже в Москве и был знаком с диссидентами. У меня накопилось огромное количество самиздатовской литературы. В то время у моей дочери возникли проблемы со здоровьем. Врачи посоветовали сменить место жительства. Поскольку жена моя – армянка, то мы решили переселиться в Армению. Перед приездом в Армению я встретился с правозащитницей Татьяной Великановой, спросил, кому я могу доверять в незнакомой мне Армении, и она дала мне номер телефона Рафаэля Папаяна. Это было уже в 1979 году. Я привез с собой всю имеющуюся литературу, встретился с Папаяном и Эдмондом Аветяном. Начался активный период распространения и обмена литературой. Я

познакомился с Шагеном Арутюняном, через него – с Айказом Хачатряном и членами Хельсинкской группы Армении – Эдиком Арутюняном и другими. Я никогда не позиционировал себя борцом. Не думал, что меня когда-либо арестуют. Еще живя в Москве, будучи инакомыслящим, я никогда не переступал ту черту, за которой была угроза ареста. Я читал запрещенную литературу, передавал ее другим, но не вступал ни в какие существующие диссидентские организации, не делал публичных заявлений, не подписывал призывы, обращения и заявления. Не заступался за того или иного деятеля. Аналогичным образом я вел себя и в Ереване. Познакомился с армянскими диссидентами, общался с ними, обменивался литературой, но в состав действующих структур не входил и думал, что это обстоятельство гарантировано исключает вероятность моего ареста.

В ноябре 1982 года начались аресты. До этого пытались арестовать людей из круга группы «Во имя родины». К тому времени некоторые из них, отсидев свой срок в Мордовии, вернулись в Армению и продолжили свою подпольную деятельность. Из КГБ подослали к ним провокатора, но они его вычислили и затаились. Так что проведенные обыски ни к чему не привели. Потерпев здесь неудачу, чекисты преуспели в другом – арестовали членов Хельсинкской группы Армении - Эдуарда Арутюняна, Рафаэля Оганяна, Сирвард Авагян, а также нас, не входивших в ХГА, – Эдмонда Аветяна, меня и Рафаэля Папаяна. Изначально обвиняемые по нашему делу были указаны в следующем порядке: Эдмонд Аветян, Рафаэль Папаян, Георгий Хомизури. Было ясно, что Аветян представлялся в качестве локомотива, а мы следовали за ним. Но с какого-то момента изменилась не только последовательность фамилий, но и наш состав. Исчезло имя Аветяна, а мы с Рафиком поменялись местами. Теперь отмечалось, что уголовное дело возбуждено по обвинению, выдвинутому в отношении

Георгия Хомизури и Рафаэля Папаяна. Локомотивом в этом деле теперь стал я. А что касается Эдмонда Аветяна, то, полагаю, чекистов страшила перспектива его появления в суде. Привлечение Эдмонда Аветяна к суду могло повлечь за собой непредсказуемые последствия для КГБ. Эдмонд был видной фигурой, известной как в Армении, так и за рубежом. Хорошо зная его, они понимали, что в суде он может выступить с такой речью, которая будет иметь большой резонанс. Поэтому чекисты решили объявить его психически больным и отправить в психиатрическую больницу на принудительное лечение. В борьбе с инакомыслием в Советском Союзе всегда использовались эти заведения. В СССР многим известным диссидентам, так же, как и Аветяну, пришлось провести годы в психиатрических больницах. Аветян был одним из самых талантливых и разносторонних людей, которых я знал. Он мог говорить гладко и красиво на любую тему. Однако характер у него был тяжелый. С ним было сложно иметь дело. Он знал о своей гениальности, совершенно спокойно демонстрировал ее и всячески подчеркивал.

Судили нас 22 июня 1983 года. Во время суда я отказался от своего адвоката, а Папаян – напротив, согласился воспользоваться защитой. Многие видные интеллектуалы в Армении подписали заявление в защиту Папаяна. И это было естественно. Рафик был не только известным представителем интеллигенции, но и сыном известного драматурга Арамашота Папаяна. Заявление от лица армянской интеллигенции было передано адвокату Папаяна, и он должен был зачитать его в ходе судебного заседания. Это было единственное поручение, которое должен был выполнить так называемый защитник. Но на протяжении всего судебного процесса адвокат упорно не желал зачитывать заявление. Наконец Рафик в недоумении спросил, почему же он не оглашает столь важный для защиты документ, на что адвокат ответил ему вопро-

сом: «Как же я прочитаю письмо известных советских интеллектуалов в поддержку антисоветского деятеля?» Вот такая нелепость.

После суда нас отправили в Мордовию. Мы с Папаяном были всегда вместе - и на этапе, и на зоне. Как правило, людей, осужденных по одному и тому же делу, разделяли, но мы были исключением. Здесь вновь сыграл роль фактор отца Рафика – Арамшота Папаяна. В дальнейшем, по этой же причине Рафика, вместо Сибири, отправили в ссылку в Ростовскую область. Ни я, ни Рафик не отбыли наши сроки полностью. Ввиду горбачевской перестройки Советам пришлось освободить политзаключенных. Я был освобожден непосредственно из зоны, а Папаян – из ссылки.

Студенческий кружок. Раффи Мелконян

*Раффи Мелконян
фото из уг. дела*

В 1985 году состоялся последний политический судебный процесс в истории Советской Армении.

Раффи Газарович Мелконян – студент, родом из Сирии (1957 г.р., Алеппо) – был арестован после того, как чекисты раскрыли студенческую группу, действовавшую в ЕГУ. Кружковцы читали и распространяли запрещенную литературу, которой их снабжал Мелконян. Уголовное дело против него было возбуждено 25 февраля 1985 года. Мелконяна арестовали в аэропорту, когда он воз-

вращался в Ереван из Алеппо. Обвинение против него было выдвинуто по первой части 65-й статьи УК АрмССР (антисоветская агитация и пропаганда).

Хотя перестройка и гласность еще не были в самом разгаре, но это был уже горбачевский период, - чувствовалось, что политические гонения и террор в стране ослабевают. В условиях новой, более мягкой политической ситуации, из всех членов выявленной группы, перед судом предстал только Раффи Мелконян. Мелконян был освобожден из зала суда, так как означенный приговором срок – 3 месяца и 27 суток – он провел в камере следственного изолятора в ходе предварительного следствия, и был выдворен из СССР. В настоящее время Раффи Мелконян является редактором армянской газеты «Аспарез», которая издается в Лос-Анджелесе.

Кришнаиты

С начала восьмидесятых годов, наряду с диссидентами, советские власти начинают преследовать небольшую и, пожалуй, совершенно безобидную религиозную общину кришнаитов. Удивительно, но эти преследования продолжались даже после 85-го, когда в Стране Советов наступала новая эра. В этот период уже было видно, что политический климат в стране меняется и новых репрессий быть не должно. Однако гонения на кришнаитов не только не прекратились, но и усилились. До сих пор остается неизвестной причина, побудившая советскую власть преследовать этих людей. Поводом послужил приезд в Москву одного из проповедников Международного общества сознания Кришны. Его проповеди и деятельность не были одобрены советскими властями, и он был депортирован из Советского Союза. И тогда начались преследования кришнаитов в СССР. Во всяком случае, сами кришнаиты именно этот инцидент считают катализатором преследований. Однако этот случай мог быть лишь одной из возможных причин. Какими именно мотивами и аргументами руководствовались организаторы репрессий в отношении кришнаитов, сегодня сказать сложно. Одно неоспоримо: эти преследования сопровождались особой жестокостью: кришнаитов чаще всего отправляли на принудительное лечение в психиатрические больницы. Совершенно здоровые люди попадали в мрачную среду людей, страдающих тяжелейшими психическими заболеваниями – со всеми вытекающими последствиями. Им совершенно необоснованно вводили препараты, которые причиняли серьезные страдания, а порой приводили и к смерти. Сегодня уже многое известно о карательной психиатрии, применявшейся в отношении советских диссидентов. Существует обширная литература на эту тему. Следует также отметить, что осужденных кришнаитов,

избежавших психбольниц, отправляли отбывать свои сроки не в лагерь для политзаключенных, а в уголовные зоны, где к ним относились с наименьшей жестокостью.

На протяжении всей своей истории советская власть терроризировала представителей самых различных религиозных общин и организаций. Советские тюрьмы и лагеря всегда полнились верующими - представителями самых разных конфессий и священнослужителями. Еще на заре существования, в первые десятилетия своего образования, Советы объявили враждебной церковь, религию, любое вероисповедание. В годы сталинской диктатуры духовенство и верующие были автоматически объявлены вне закона и жестоко преследовались. В послесталинские годы преследования в отношении этих граждан не прекратились, хотя ослабли и перестали носить массовый характер.

С первой половины шестидесятых годов государство стало применять новую модель поведения в плане взаимоотношений с религией. В 1964 году был создан Институт научного атеизма, а в 1965 году был образован Государственный комитет по вопросам религии, который являлся специальным органом, осуществляющим государственную политику в области религии. Конституция СССР априори, исходя из отношения индивидуума к религии, ставила людей в неравные условия. Это неравенство было сохранено и в Конституции СССР 1977 года. Ее 52-я статья предоставляла атеистам возможность свободно агитировать, распространяя свои воззрения, а верующим - лишь право совершать религиозные обряды.

Все церкви и представители различных конфессий находились под тотальным контролем государства. Многие активные и преданные священнослужители публично выступали в защиту прав своих единоверцев и прихожан, но в результате оказывались в местах лишения свободы. В 60- 70- 80-х годах представители различ-

ных религиозных общин, особенно - баптисты и пятидесятники, продолжали подвергаться серьезным гонениям. Последователи этих конфессий всегда были неизменными обитателями советских лагерей для политзаключенных. Но туда попадали лишь осужденные по статье «антисоветская агитация и пропаганда», а остальные верующие осуждались по иным статьям и отбывали свои сроки в уголовных тюрьмах и колониях.

В послесталинской Армении, безусловно, осуществлялись репрессии по религиозным мотивам, но об этом нам мало что известно. У нас есть четкая информация, что армянские верующие были связаны с единоверцами в других советских республиках, есть также информация о том, что молодые армянские верующие были осуждены за отказ принимать присягу во время службы в рядах советской армии. Мы также знаем, что в семидесятых годах в Гюмри существовала община пятидесятников - их преследовали и осуждали, но у нас нет конкретного списка осужденных. Такая скудость информации обусловлена, с одной стороны, обособленностью религиозных общин, а с другой, - и этот фактор более существенен, - этих людей в основном осуждали по уголовным статьям и отправляли в уголовные колонии и поэтому сведения о них не муссировались в политических кругах.

Преследования кришнаитов в СССР, которые начались в 1980-х в России, не могли обойти стороной Армению. Несмотря на то что кришнаитов в Армении было немного, а их деятельность ограничивалась узким кругом единоверцев и не противоречила законам, армянские чекисты были обязаны выполнять распоряжения Москвы и приступить к репрессиям. Таким образом в Армении в 1985 году уходящую эру политических преследований и политических судебных процессов, сменила эпоха новых гонений - религиозных. Начавшиеся в 1982-1983 годах, казалось бы, безобидные нападки на кришнаитов со временем стали усиливаться

и ужесточаться и к 1985 году достигли кульминации. Основным мотивом арестов служила организация издания кришнаитской литературы. Кришнаиты умудрились организовать процесс тайного её печатанья не где-нибудь, а в типографии Верховного Совета АрмССР! Изданную ими литературу они распространяли в других республиках СССР. Все лица, прямо или косвенно участвовавшие в этом деле, были в той или иной мере наказаны, а 10 человек – арестованы и осуждены. Одного из них – Ара Акобяна – взяли в мае 1985 года в Украине, оставшихся девяти арестовали в Ереване в августе того же года. В том же месяце кришнаит Мартин Жамкочян по решению суда был отправлен в Нубарашенскую психиатрическую больницу. Так же на принудительное лечение отправили его единовеццев – Карена Саакяна, Армена Саакяна, Сурена Карапетяна, Армена Саргсяна. Последние четверо позднее из Нубарашенской психиатрической больницы были переведены в Россию - в психиатрическую больницу им. Сербского, затем снова возвращены в Нубарашен. В том же 1985 году к двум годам лишения свободы были приговорены Гагик Буниатян и Саргис Оганджаниян – они отбыли свои сроки в Сибири. Ара Акобян был приговорен к 1,5 годам лишения свободы и отбыл срок в Украине. Осенью 1985 года были арестованы и по решению суда отправлены в Нубарашенскую психиатрическую больницу Армине Хтрян и Сергей Касьян, который, однако, провел там недолгое время. Ара Акобян был досрочно освобожден в 1986 году и в настоящее время живет в Соединенных Штатах. Мартин Жамкочян скончался в психиатрической больнице в результате инъекций препаратов. Карен Саакян был освобожден в 1987 году, в настоящее время живет в Москве, издает эзотерическую литературу. Армен Саакян был освобожден в 1987 году, скончался в 1998 году. Сурен Карапетян был освобожден в 1987 году, живет в Санкт-Петербурге. Армен Саргсян был освобожден в 1987 году,

в 1998 году покончил с собой. Гагик Буниatian был освобожден в 1987 году, в настоящее время живет в Англии. Саргис Оганджян погуб в зоне в Сибири, незадолго до истечения срока заключения. Армине Хтрян была освобождена в 1987 году, скончалась в 1994 году. Сергей Касьян живет в Австралии.

Все эти люди были осуждены за свои религиозные убеждения и, естественно, должны быть включены в список диссидентов Советской Армении.

Из рассказа Ара Акобяна

Я родился 31 декабря 1966 года. Кришнаизмом я увлекся благодаря брату, который был старше меня на десять лет. Он учился в школе с физико-математическим уклоном, где и познакомился с Кареном Саакяном. Они подружились и часто с друзьями собирались у моего брата, где готовились к экзаменам и беседовали на разные темы. Во время своих посиделок они, как правило, тушили капусту с помидорами, и я ее тоже с удовольствием ел. После окончания средней школы мой брат и Карен уехали в Москву - поступать в физико-технический институт. К сожалению, оба срезались, вернулись в Ереван и поступили в ЕГУ, один - на факультет физики, другой - радиофизики и успешно завершили обучение. В студенческие годы брат женился и жил отдельно. У него дома, где я часто бывал, собирались интересные люди. Они говорили о йоге, индийской философии, буддизме. Они добывали в библиотеках соответствующую литературу, читали и обсуждали ее, делали фотокопии и распространяли эти материалы. На эти собрания приезжали люди из разных уголков Советского Союза - из Прибалтийских республик, Украины, Москвы и других городов России, а чуть позже - из Грузии. В застойные, застойные годы - конца 1970-х - начала 80-х, квартира моего брата казалась мне островком свободы.

Ара Акопян

На первых порах все делалось совершенно открыто. Ничего секретного они не делали, никому не мешали, и им никто не мешал. Кришнаизмом изначально они не увлекались. Все вращалось вокруг восточной философии. Первой книгой о кришнаизме, попавшей мне в руки, стала «Бхагавад - гита» в переводе Рачья Ачаряна⁶², которую друзья брата взяли из публичной библиотеки и размножили путем фотографирования. Я решил прочитать ее. Это

была первая книга о Кришне, которую я прочитал. Фотокопию читать было трудно. Многое из прочитанного я не понял, но был весьма впечатлен. Именно после этого я решил серьезно заняться этим течением.

В 1982 году друг моего брата, Карен Саакян, уехал в Москву, где установил контакты с Международным обществом сознания Кришны. Незадолго до этого один из известных учителей прибыл из Европы в Москву. Его визит вызвал переполох. Советские власти изгнали его из СССР, после чего начались преследования и аресты московских кришнаитов. В результате кришнаиты перенесли свою деятельность в подполье. В Армении все продолжалось по-прежнему. Не было никаких серьезных препятствий или преследований. Согласно указаниям, поступившим из Москвы, наш Комитет госбезопасности приглашал к себе армянских кришнаитов на беседы, но враждебности не проявлял. Чекисты предлагали не слишком афишировать свою деятельность, чтобы им не пришлось нас преследовать. Они открытым текстом заявляли, что не желают арестовывать нас, но если мы не будем про-

являть осторожность, то им придется предпринять более серьезные меры - независимо от их желания.

Я был уже достаточно взрослым, мне было 16 лет, я учился на первом курсе в ЕГУ. Нельзя сказать, что я уже был состоявшимся кришнаитом, но я придерживался некоторых правил кришнаизма, и в качестве первого и важного шага я отказался от мяса. На этой почве между мной и родителями возникли серьезные разногласия. В отличие от многих моих однокурсников, я очень быстро сдал экзамены в конце первого курса. Сессия только началась, а я уже сдал все экзамены и на летние каникулы поехал в Ставрополь. В деревню Курджиново Ставропольского края переехало много русских кришнаитов, чтобы избежать преследований, которые начались в центральных российских городах. Там они приобрели земельный участок и создали свою общину, где я прожил целый месяц. Здесь со мной произошло духовное преображение, и я больше не представлял свою дальнейшую жизнь без кришнаизма. У меня даже не было желания возвращаться домой, поэтому оттуда я отправился в Москву, а затем в Ленинград. В обоих городах я встречался с кришнаитами, установил новые связи и все это время ничего не сообщал о себе родителям, а они всполошились и повсюду искали меня. После возвращения домой мои разногласия с родителями возобновились с новой силой. Мой брат больше не общался со своими друзьями-кришнаитами, и место встречи кришнаитов теперь было перенесено из дома моего брата в квартиру Карена Саакяна.

Однажды брат принес к нам чемодан, набитый литературой, и сказал, что не хочет хранить его дома. Он спросил, не хочу ли я оставить его у себя. Я спрятал его в своей комнате под кроватью. Несколько дней спустя, ранним утром к нам домой заявлялась группа людей с ордером на обыск. Позже выяснилось, что в ходе арестов российских кришнаитов оперативники нашли у них

мой номер телефона и адрес, и армянским чекистам было приказано найти меня и обыскать квартиру. Мои родители были в ужасе. Сначала чекисты спросили, есть ли у меня что-то, что я хотел бы отдать им добровольно. Я ответил, что если они ищут литературу, то вот она. Они вытащили книги, за протоколировали их и отвезли меня с книгами в прокуратуру. Во время допроса я, естественно, не назвал имя брата, а сказал им, что в парке им. 26 комиссаров встретил незнакомца, который предложил мне купить этот чемодан с книгами за 50 рублей, я и купил его. Это был мой первый контакт с правоохранительными органами. После этого инцидента мои разногласия с родителями углубились. Главной темой споров всегда была и оставалась кухня. Они продолжали питаться, как и прежде, а я настаивал, чтобы хотя бы в моем присутствии не готовили мясо. Я часто навещался к Карену, рассказывал ему о своих домашних проблемах. Однажды он предложил мне переселиться к нему. Я так и поступил.

Я проповедовал кришнаизм в университете. В этой связи университетская газета опубликовала обо мне статью, которая критиковала кришнаизм в целом, и меня - в частности. Называли меня безродным. После статьи в университете было созвано комсомольское собрание, на котором меня исключили из комсомола.

Близилось мое 18-летие, вскоре меня должны были призвать в армию. Я искал способы избежать этого, и когда понял, что это невозможно, решил покинуть Армению. Я надеялся, что с моим отъездом и след мой простынет. В тот период один из наших старших друзей смог организовать подпольную печать кришнаитской литературы аж в типографии Верховного Совета Армении, в самом центре Ереване. Была отпечатана «Бхагавад - Гита» на русском языке. Во всем Советском Союзе, пожалуй, только в Ереване была организована столь качественная печать. За этой литературой в Ереван приезжали люди из всех уголков Советского Союза. В те

годы в Армении производили сумку с изображением языческого храма Гарни⁶³, и под картинкой на сумке была надпись: «Гарни». В этой сумке помещалось ровно 50 книг – правда, без переплета. Именно в таком виде их и увозили отсюда. А скрепляли страницы и делали переплет уже на месте. Кришнаиты из разных республик СССР, не имевшие опыта подпольной деятельности, приезжали в Армению, покупали сумки «Гарни», начинённые пятьюдесятью книгами, и возвращались домой: кто в Литву, кто на Урал, кто в Украину, кто в Центральную Азию. И где бы чекисты ни ловили кришнаита, у него непременно находили сумку с надписью: «Гарни». В конце концов КГБ Армении получил втык, за то, что у них под носом действует подпольная типография, о которой они не знают. Затем им отдают распоряжение найти и ликвидировать эту типографию, а организаторов – арестовать. Тогда чекисты и представить себе не могли, что печать осуществлялась в типографии Верховного Совета Советской Армении.

В мае 1985 года – до того, как поступило вышеупомянутое распоряжение и до того, как обнаружили подпольную типографию, – я, как и другие кришнаиты, с сумкой «Гарни» в руках, отправился в Украину. Основная моя цель заключалась в том, чтобы избежать призыва в армию и заниматься пропагандой кришнаизма, то есть проповедовать. Помимо книг, я взял с собой листовки. В то время мы распространяли их от имени общества «Знание⁶⁴». В самом обществе «Знание» об этом, разумеется, никто и не догадывался. Скорее всего, идея использования такого пропагандистского трюка зародилась в голове у Карена. В листовках говорилось, что систематическое повторение мантры оказывает положительное психологическое воздействие на человека, и от имени общества «Знания» людям предоставлялись мантры. Передав некоторые листовки и литературу киевским кришнаитам, я взял оставшуюся партию и отправился в Чернигов, но вскоре вновь вернулся в

Киев. Однажды, когда я возле книжного магазина на Крещатике занимался пропагандой, предлагая прохожим книги, ко мне подошли сотрудники милиции. Они арестовали меня и впервые в жизни на меня надели наручники! Оказалось, что чекисты следили за каждым моим шагом еще в Чернигове, где я осуществлял основную проповедническую работу. В Чернигов на машине меня и отвезли из Киева. Прежде всего меня почему-то на пару дней поместили в кожно-венерологический диспансер, затем перевели в специальный приемник-распределитель и только через несколько дней перевели в следственный изолятор.

Предварительное следствие длилось более пяти месяцев. Я находился в общей тюремной камере. Все было хорошо, люди относились ко мне с уважением, делились со мной продуктами из передач, которые получали, но главным для меня была их поддержка и помощь. Однако вскоре меня перевели в другую, меньшую камеру, где нас было трое. Там все было намного хуже. Моим сокамерникам было поручено всячески оказывать на меня давление. Меня притесняли, применяли насилие. Один из них отличался особенной жестокостью. Затем следователь сказал мне, что во время расследования моего дела следственная группа выехала в Ереван, там были обнаружены организаторы подпольной печати и было арестовано более десяти человек. Я понял, что это дело гораздо серьезнее, чем я мог себе представить. Чтобы облегчить свое положение, я решил сказать, что больше не поддерживаю связь с задержанными и кришнаизм для меня является уже пройденным этапом. Я надеялся избежать таким образом осуждения. К тому же ко мне постоянно приезжал отец. Он, в свою очередь, прилагал всяческие усилия, чтобы найти пути для моего спасения, но ему ничего не удалось сделать и избежать суда и осуждения я не смог. 209-я статья УК УССР (участие в религиозных организациях и религиозная пропаганда, которая наносит вред личности

человека) предусматривала 5 лет лишения свободы. Ко мне, правда, отнеслись снисходительно – дали полтора года и отправили на «химию». «Химия» - это очередная несурзная инициатива советской власти. Осужденные за мелкие правонарушения отправлялись на принудительные работы на химические предприятия. С этой же целью в колониях, в качестве поощрения, меняли режим содержания тех, кто встал на путь исправления. А целью являлось развитие химической промышленности. По советской терминологии это называлось «химизацией всей страны». Осужденные, содержащиеся при таком режиме, были обязаны присутствовать на ежедневных утренних и вечерних перекличках и ночевать в специальных, контролируемых общежитиях. В случае нарушения требований режима нарушитель мог быть переведен обратно в колонию.

Меня часто навещал отец. Через год, во время его очередного приезда, мне предложили освобождение за взятку в размере 300 рублей. Отец заплатил, и меня освободили. Это было в мае 1986 года.

Список литературы

Манукян, Арменак. «Политическое инакомыслие в Армении, 1950-1988 гг.» - Ереван: «Амроц групп», 2005 (на арм. яз.).

Ханзадян, Норайр. «Национальная объединенная партия - Объединение национального самоопределения (НОП-ОНС): Краткая история. В 2-х ч.». - Ереван: «ОНС», 2002 (на арм. яз.).

Гюнашян, Эля. «Человек, который принадлежал всем». - Ереван: «Ван Арян», 2009 (на арм. яз.).

Тадевосян, Акобджан. «По праву осколков». - Ереван, 2005 (на арм. яз.).

«Я пошел в парк Комитаса». под редакцией Ж. Аветисяна. - Ереван, 2005 (на арм. яз.).

«Приверженец». - Ереван: «Принтинфо», 2007 (на арм. яз.).

Алексеева Л.М. «История инакомыслия в СССР: Новейший период». – Вильнюс – Москва (VIMO): Весть, 1992.

«К истории Московской Хельсинкской группы». - М.: ЗАО ЗИЦ «Зацепа», 2001.

«Документы Московской Хельсинкской группы: 1976-1982». - М.: ЗАО ЗИЦ «Зацепа», 2001.

«Комментарий к исправительно-трудовому кодексу СССР». Москва: Юридическая литература, 1979.

Примечания

1. Арменак Манукян – доктор исторических наук. С 1972-го по 1991-й год работал в КГБ Арм ССР. После установления независимости Армении до 2003 года продолжал работать в той же структуре. С 2003 года перешел на преподавательскую работу.
2. Геноцид армян - физическое уничтожение и депортация армян, организованное и осуществленное властями Османской империи с 1915-го по 1923 -й год.
3. Карабах - историко-географический регион в Восточном Закавказье, состоящий из Равнинного и Нагорного Карабаха. С IV века до н. э. территория Карабаха входила в состав Армянского царства. После падения Великой Армении эти провинции отошли к Персии. с 1805 года находятся под русским протекторатом. Решением Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 года территория Нагорного Карабаха с 94 %-м армянским населением была включена в состав Азербайджанской ССР.
4. Нахичеван или Нахичевань - территория современной Нахичеванской Автономной Республики в составе Азербайджана. Являлся частью Великой Армении. После ликвидации Армянского царства, территория Нахичевана входила в состав Армянского марзпанства Сасанидского Ирана, с 623 года - Византии, а в середине VII века всё Закавказье, в том числе Нахичеван, попало под власть Арабского халифата и было объединено в составе Армянского эмирата. В ходе русско-персидской войны (1826-1828) Нахичеван был занят войсками генерала Паскевича. Сразу же после заключения Туркманчайского договора из присоединённых к России Нахичеванского и Эриванского ханств была образована Армянская область.
16 марта 1921 г. правительства Советской России и Великого Национального Собрания Турции в Москве заключили договор о дружбе и братстве. Это соглашение известно, как большевистско-кемалистский договор, где есть часть, касающаяся Армении, которая является не чем иным, как грубым нарушением международного права. Прин-

цип 34-й статьи Венской конвенции гласит, что «договоры могут касаться только тех сторон, которые его подписали, и он (договор) не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». Вопреки упомянутому принципу, по данному российско-турецкому договору, в подписании которого Армения никоим образом не участвовала, Турции были переданы армянские территории, а Нахичеван как протекторат был передан Азербайджану.

5. Алексеева Людмила Михайловна (1927-2018) - советский диссидент и российский общественный деятель, участница правозащитного движения в СССР и постсоветской России, одна из основателей в 1976 году Московской Хельсинкской группы.
6. «Хроника текущих событий» - первый в СССР неподцензурный правозащитный информационный бюллетень. Распространялся через самиздат. Первый бюллетень был выпущен 30 апреля 1968 года. ХТС выпускалась в течение 15 лет, с 1968 по 1983 год; за это время вышло 63 выпуска «Хроники». Ее редакторы подвергались репрессиям.
7. Скачко Анатолий Евгеньевич (1879 -1941) - участник Первой мировой войны: военный журналист, военный топограф. С 1918 года - член РКП(б). Участник гражданской войны. В январе 1920 года по инициативе Совета Обороны был направлен в Турцию для привлечения ее к совместной борьбе против интервенции. В апреле 1920 года сопровождает первую турецкую делегацию (рук. Халил-Паша) к Ленину. В 1937 году арестован НКВД, умер в Каргопольском лагере.
8. Аветис Агаронян (1866-1948, Париж) – армянский общественно-политический деятель, писатель, поэт. Был главой делегации РА на Парижской мирной конференции (1919-1920). Агаронян подписал Севрский мирный договор (1920), принимал участие в Лондонской (1921) и Лозаннской (1922-1923) конференциях.
9. Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936) - российский революционер, советский дипломат, нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918-1930 гг.).
10. Аветик Исаакян (1875-1957) - армянский поэт, прозаик, публицист.
11. Армянский вопрос - комплекс проблем, связанных с положением армянского населения Османской империи во второй половине XIX -

начале XX века. Понятие вошло в обиход в дипломатии и исторической литературе и употребляется по сей день. Геноцид армян в Турции (1915-1923 гг.) преследовал цель навсегда закрыть Армянский вопрос.

12. Агаси Ханджян (1901-1936) - первый секретарь ЦК КП(б) Армении в 1930-36 гг. Бытует мнение, что его убил лично Берия.
13. Вазген Первый (1908-1994) - в миру Левон Абрамович Палчян - Верховный Патриарх и Католикос всех армян с 1955-го по 1994-й год.
14. Каро Поладян (1911-1986) – армянский писатель и переводчик. Жил в Франции.
15. Кировабад – Нине, Гянджа. Второй по площади и по населению город Азербайджана. В армянской транскрипции Гандзак.
16. Радек Карл Бернгардович (1885-1939) - советский политический деятель, участник международного социал-демократического и коммунистического движения, журналист, революционер. В 1937 году Радек был приговорён к 10 годам тюрьмы. По официальной версии, в 1939 году был убит в верхнеуральском изоляторе.
17. Зиновьев Григорий Евсеевич (1883-1936). Российский революционер, советский политический и государственный деятель. После смерти Ленина один из главных претендентов на лидерство в партии. Расстрелян, посмертно реабилитирован.
18. Эчмиадзин - город в Армении, один из наиболее значительных культурных и религиозных центров страны. Основан царём Великой Армении Вагаршем в начале II века н. э. Духовный центр армянского народа с начала IV века.
19. Св. Месроп, Месроп Маштоц (361-440) – создатель армянского алфавита.
20. Андраник Царукян (1913-1989) - Поэт, писатель и общественный деятель армянской диаспоры. Жил в Париже.
21. Комитас (1869-1935) - Согомон Согомонян. Армянский композитор, музыковед, фольклорист, певец и хоровой дирижёр. Благодаря трудам Комитаса, его научным исследованиям, усилиям по сохранению музыкального наследия и собственным музыкальным ком-

позициям, он стал источником вдохновения для армян и Армении. В 1916 году здоровье Комитаса ухудшилось и его поместили в психиатрическую клинику под Парижем. Проведя там почти 20 лет, 22 октября 1935 года Комитас скончался. Весной 1936 года его прах был перевезен в Армению и предан земле в Ереване, в Пантеоне деятелей культуры.

22. Матенадаран - институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, расположенный в Ереване научно-исследовательский центр, являющийся одним из крупнейших хранилищ рукописей в мире и крупнейшим хранилищем древнеармянских рукописей. Слово «матенадаран» в переводе с армянского означает «хранилище рукописей».
23. Фидаи – в переводе с арабского «жертвующий». Человек, жертвующий собой во имя веры, идеи. Термин, обозначающий участников национально-освободительных движений.
24. Горис, Гюмри, Капан – города в Армении.
25. Сочи - город на юге России.
26. Паруйр Севак (1924-1971) - армянский поэт и литературовед.
27. Джон Киракосян (1929-1985) - доктор исторических наук. Основные труды Киракосяна посвящены проблемам новой и новейшей истории армянского народа, геноцида армян, Армянского вопроса.
28. Панос Терлемезян (1865-1941) - армянский художник. Учился и работал в Париже. С 1920 года жил в США. В 1928-м по приглашению советского правительства вернулся в Армению.
29. Ованнес Шираз (1914-1984) - армянский поэт
30. Левон Нерсисян (1931-1999) - Один из крупнейших специалистов по античной и современной зарубежной литературе. Популярный преподаватель ЕГУ. Его лекции отличались глубиной и артистизмом.
31. «Слёзы Аракса» или «По берегам Аракса» - песня на стихи армянского поэта, одного из основоположников гражданской поэзии Рафаэла Патканяна (1830-1892).
32. Антон Кочинян (1913-1990) - Первый секретарь ЦК КП Армении с 1966 -го по 1974 год.
33. Дашнакцутюн - одна из старейших армянских политических партий. Была создана в 1890 году в Тифлисе, действовала на территории Рос-

сийской и Османской империй, в Иране, США, ряде стран Европы. Официальное название на русском языке - Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн». В 1918—1920 годах «Дашнакцутюн» была правящей партией в Республике Армения, возникшей в результате распада Российской империи. После того как в декабре 1920 года в результате военного вторжения турецких кемалистов и советских войск Республика Армения прекратила свое существование, партия продолжила деятельность в эмиграции. С 1991 года «Дашнакцутюн» вновь легально действует в Армении.

34. Абовян – город в Армении (10 км к северо-востоку от Еревана).
35. Аван - район Еревана
36. Мартирос Сарьян (1880-1972) - живописец-пейзажист, график и театральный художник. Родился в городе Нахичеван-на-Дону (Новый Нахичеван, ныне в пределах Ростова-на-Дону).
37. Гоар Гаспарян (1924-2007) - оперная певица, педагог. Родилась в Каире, в 1940-1948 годах была солисткой Египетского государственного радио, в 1948 году переехала в советскую Армению.
38. Гарегин Нжде (1886-1955) - Гарегин Тер-Арутюнян, яркий представитель национально-освободительного движения начала XX века, армянский военный и государственный деятель. Умер во Владимирской тюрьме.
39. Доктор Назым (Назым-бей) (1870-1926) – турецкий политический деятель, генеральный секретарь и идеолог партии «Единение и прогресс». Окончил военно-медицинскую академию. Исходил из «интересов туркизма». Заявлял, что его религия - это Туран. Выступал за уничтожение армян и изгнание греков из Западной Анатолии. Был одним из идеологов Геноцида армян. После поражения Османской империи в первой мировой войне бежал в Германию. По решению Стамбульского военного трибунала вместе с другими главными виновниками Геноцида армян (Талаатом, Энвером и Джемалем) был заочно приговорён к высшей мере наказания. 26 августа 1926 года был казнён в Анкаре за попытку покушения на Мустафу Кемалю Ата-тюрка.

40. Георгий Димитров (1882-1949) - болгарский революционер. Деятель болгарского и международного коммунистического движения.
41. Нариманов (1870-1925) - Нариман Кербалаи Наджаф оглы Нариманов - азербайджанский писатель, общественный и политический деятель, большевик, нарком иностранных дел (1920 - 1921) и председатель Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР (1920 - 1922). При разрешении территориальных споров сыграл важнейшую роль в вопросе Нагорного Карабаха, по результатам которого Нагорный Карабах остался в составе Азербайджана.
42. У Тан (1909-1974) - бирманский дипломат и третий Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций с 1962 года по 1971 год.
43. Шолохов Михаил Александрович (1905-1984) - русский советский писатель, Лауреат Нобелевской премии по литературе 1965 года.
44. Богдан Гембарский (1905-1978) - польский востоковед, общественный деятель, публицист, писатель и переводчик. Окончил Варшавский институт живых языков Востока. В годы войны был одним из организаторов Варшавского восстания, после поражения был заключен в концлагерь. В 60-х годах его имя было широко известно в армянском мире. Он занимался Армянским вопросом, делал многое, чтобы привлечь внимание к нему мировой общественности. Публиковал статьи о геноциде, судьбе армянского народа, лишенного исторической родины, и восстановлении справедливости. Занимался армянской литературой, издал Антологию армянской поэзии.
45. Эренбург Илья Григорьевич (1891-1967) - русский писатель, поэт, публицист, журналист, переводчик.
46. Партия Гнчак («Колокол») - одна из старейших армянских политических партий. Основана в 1887 году студентами Женевского университета, издающими армянскую революционную газету «Гнчак». Первая социалистическая партия, действующая на территориях Османской Турции и Персии. В программе, опубликованной в 1888 году, ближайшей целью партии признавалось освобождение Западной Армении путём общенационального восстания, чему должно было последовать установление социалистического строя. Гнчаки-

- сты являлись яркими пропагандистами марксизма, впервые в армянской действительности с позволения Ф. Энгельса опубликовали перевод основной части «Коммунистического манифеста».
47. Нубарашен (в сов. период Советашен) - административный район Еревана.
  48. Циернакаберд (в переводе «крепость ласточки») - высокий холм в Ереване, где воздвигнут мемориальный комплекс, посвящённый жертвам Геноцида армян 1915 года.
  49. Шарль Азнавур (1924-2018) - французский шансонье, композитор, поэт, писатель и актёр армянского происхождения. Подлинное имя - Шахнур Вахинак Азнавурян.
  50. Левон Шант (1869-1951) - армянский писатель, новеллист и политический деятель. Родился в Константинополе. В 1892-1899 годах учился в университетах Лейпцига, Вены, Мюнхена. В 1921 году эмигрировал, жил в Европе, Азии, Северной Америке, с 1949 - в Бейруте, где и скончался.
  51. Эребуни - административный район Еревана, где находятся руины древнего города Эребуни (782 году до н. э), от которого произошло название Еревана.
  52. Степанакерт - столица Нагорно-Карабахской Республики (НКР).
  53. Степан Шаумян (1878-1918) - армянский революционер и политический деятель. Один из руководителей революционного движения на Кавказе, журналист, литературный критик. Член РСДРП с 1900 года. Глава кавказских большевиков (1917), расстрелян в числе 26-и бакинских комиссаров.
  54. Сардарпат – город в Армении, ныне – Армавир, расположен в Арагатской долине, в 45 км-х от Еревана. В районе железнодорожной станции Сардарпат 21 - 28 мая 1918 года между армянскими регулярными воинскими частями и ополченцами, с одной стороны, и турецкими войсками - с другой, произошло сражение, которое оценивается не только как остановившее наступление турецких войск на Армению, но и предотвратившее полное уничтожение армянского народа. Согласно британскому историку Кристоферу Уолкеру, если

- бы армяне проиграли битву, «вполне возможно, что слово «Армения» сохранилось бы лишь как термин исторической географии».
55. Муса Даг - гора в исторической Киликийской Армении, на берегу Средиземного моря (Турция), высотой 1355 м, склоны и окрестности которой стали местом сопротивления армянского населения во время геноцида в 1915 году.
  56. Ваан Терьян (1885 - 1920) - армянский поэт и общественный деятель.
  57. Андраник Озаян (1865-1927) - Участник Первой Балканской войны. Генерал-майор русской армии. Один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX веков.
  58. Геворг Чауш (1870-1907) - деятель армянского национального движения, один из наиболее известных лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX веков в Османской империи.
  59. Капан - город на юге Армении (316 км от Еревана).
  60. День Вардананц - праздник, который отмечается армянами как День милосердия и национальной дани героям Армении, в память о битве армянских войск во главе с Варданом Мамиконяном с персидской армией в 451 году.
  61. Хачатур Абовян (1809-1848) - армянский писатель, педагог, этнограф. Основоположник новой армянской литературы и нового литературного языка.
  62. Рачья Ачарян (1876 -1953) - армянский лингвист, филолог, этимолог, действительный член Академии наук Армянской ССР (1943). Известен своими работами в области диалектологии, лексикологии, лексикографии, истории языка.
  63. Гарни - языческий храм в Армении, возведенный в I в. н. э.
  64. Всесоюзное общество «Знание» - пропагандистская организация в Советском Союзе. Члены данной организации занимались чтением лекций на всей территории СССР. Как и другие советские общественные организации, находилось под контролем ЦК Коммунистической партии.

Вардан Людвилович Арутюнян

**ИНАКОМЫСЛИЕ
В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ**

Перевод Ирина Аветисян

Редакторы **Ида Мартиросян,
Элеонора Акопян**

Верстка **Астгик Варданян**

Дизайн **Нарек Сукиасян**

ГАСПРИНТ